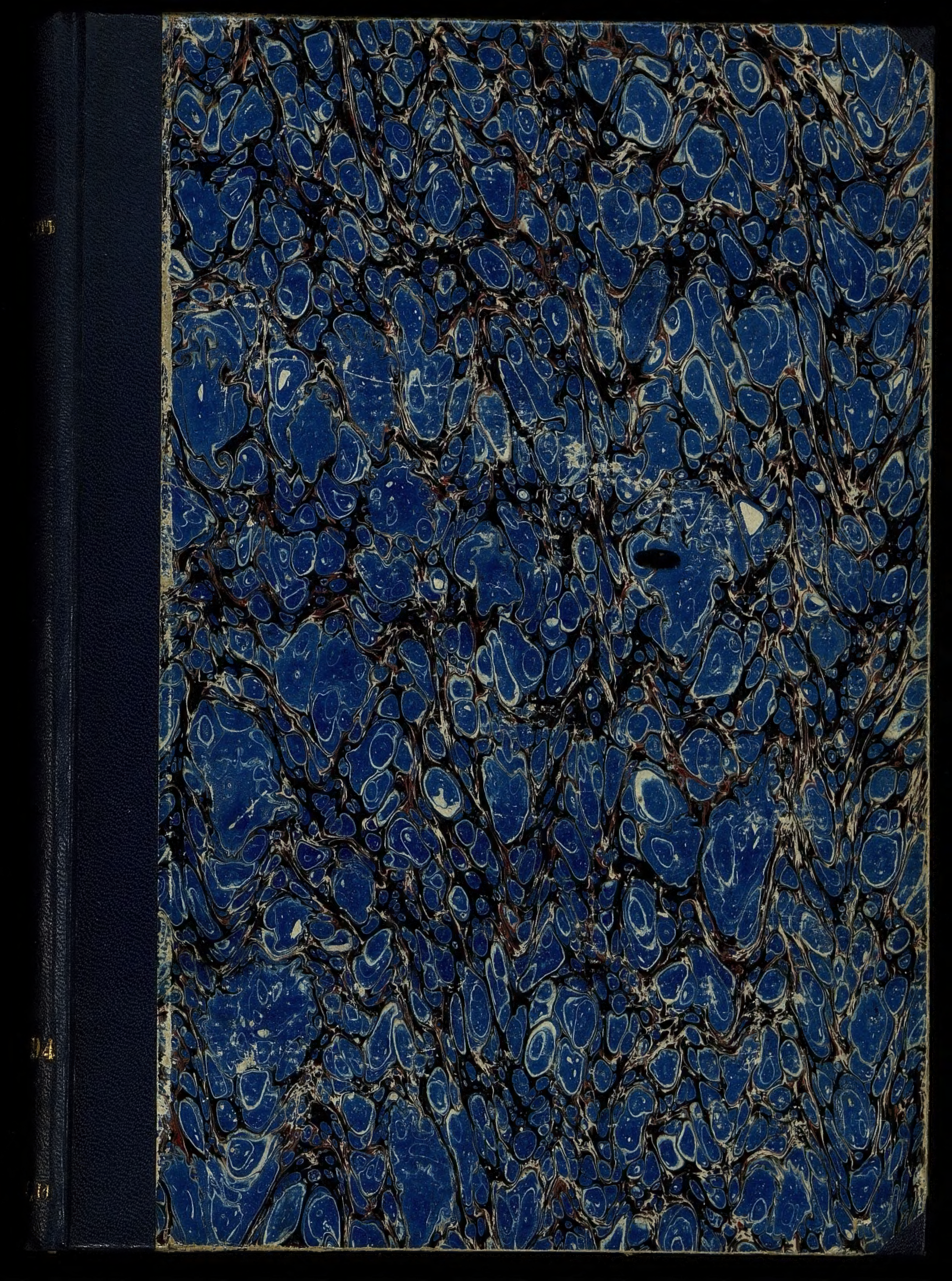
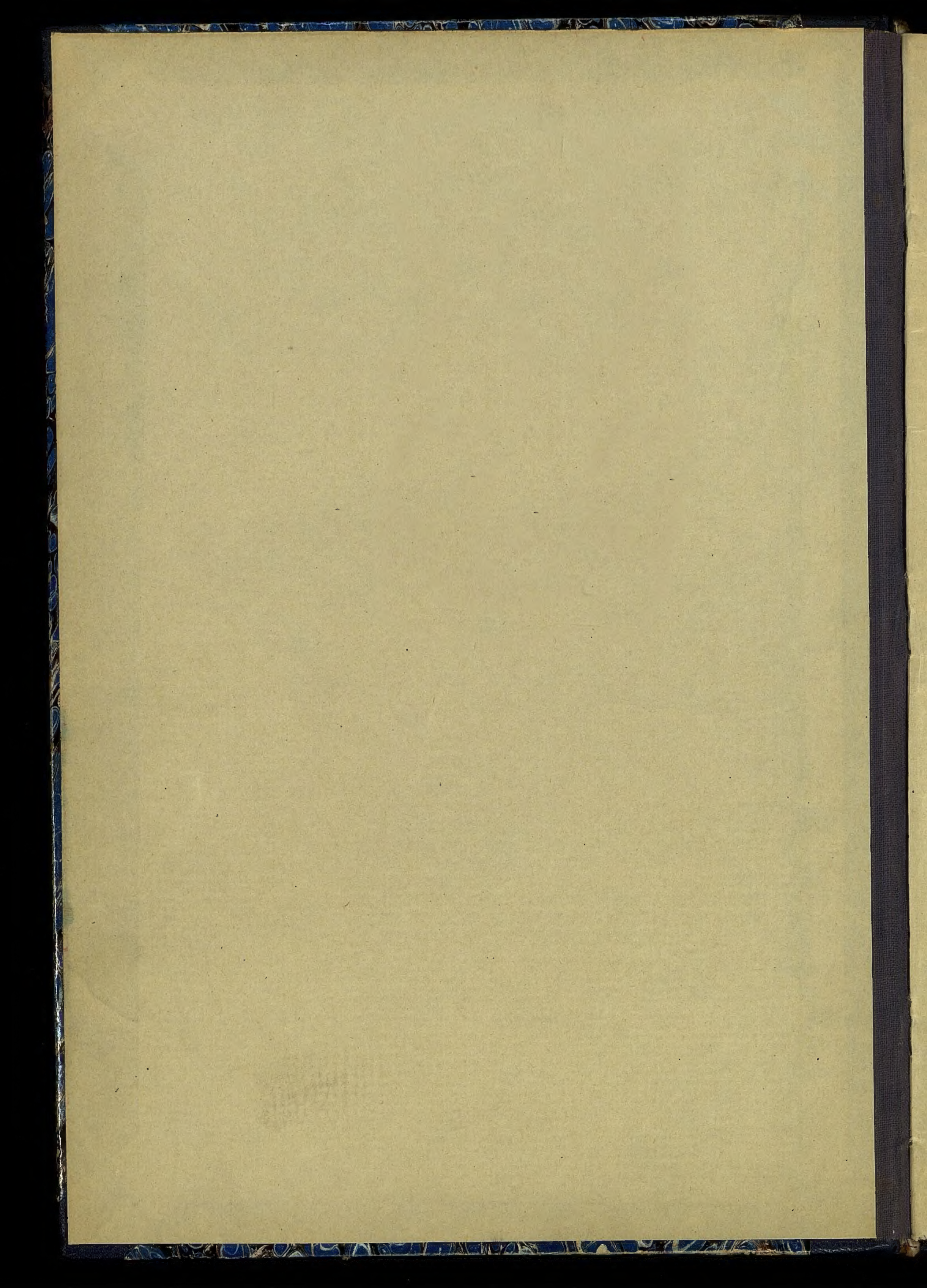

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

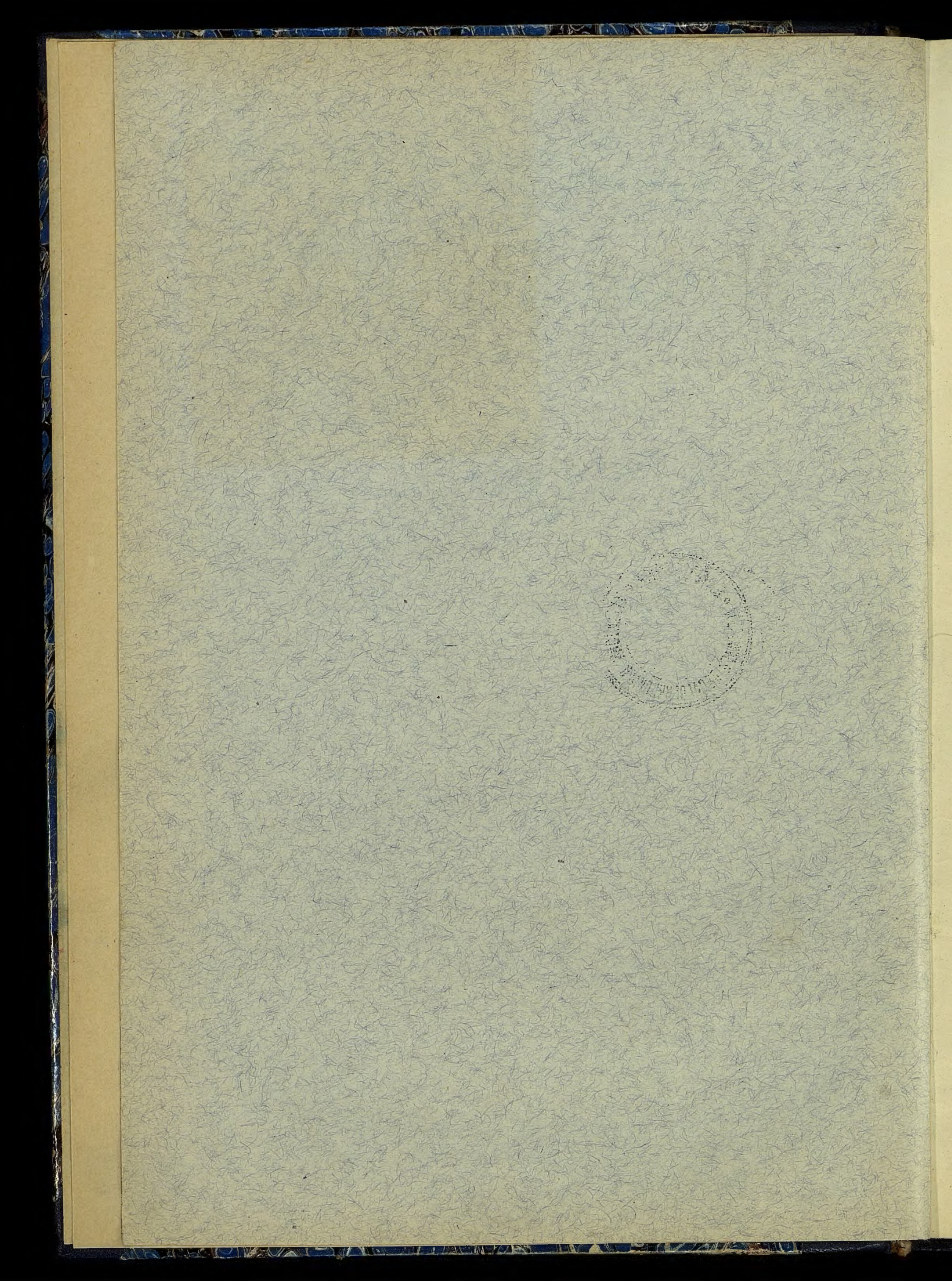
Прибавленіе къ выпуску 54-му.

Давидъ Г. Хогартъ. Іонія и Востокъ.

Переводъ съ англійскаго П. В. Латышева.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1914.

ІОНІЯ И ВОСТОКЪ.

ШЕСТЬ ЛЕКЦІЙ,

ПРОЧИТАННЫХЪ ВЪ ЛОНДОНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ДАВИДОМЪ Г. ХОГАРТОМЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

П. В. Латышева

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ И СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

Б. В. Фармаковскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1914.

Архаическая Іонія и начала ея культуры.

(Предисловіе къ русскому переводу книги Хогарта).

По мѣрѣ того, какъ раскопками въ южной Россіи открываются древнѣйшіе слои греческихъ колоній юга Россіи и выясняются формы архаической культуры Іоніи, становится все болѣе и болѣе яснымъ то выдающееся значеніе, которое имѣло искусство іонійскихъ городовъ побережья Чернаго моря для сложенія характернаго своеобразнаго «скиѳскаго» стиля. Повидимому, основы этого стиля были созданы іонійцами. Іонійцы были, такимъ образомъ, первыми цивилизаторами обширныхъ областей Скиѳіи. Іонійцы совершили свою великую миссію въ древнѣйшую эпоху жизни ихъ колоній на югѣ Россіи, въ эпоху архаическую. Вслѣдствіе этого изученіе «скиѳскихъ» древностей и «скиѳской» культуры тѣснѣйшимъ образомъ должно быть связываемо нынѣ съ изученіемъ архаической іонійской культуры. Формы этой культуры на югѣ Россіи, повидимому, сохранили удивительно долго чрезвычайно древнія черты, которыя въ главныхъ центрахъ жизни древняго міра и въ митрополіяхъ колоній исчезли или преобразились въ иныя гораздо ранѣе, чѣмъ въ колоніяхъ, гдѣ нѣкоторыя архаическія іонійскія формы держались до самыхъ позднихъ временъ. Поэтому при изученіи культуры греческихъ колоній юга Россіи и культуры Скиѳіи, стоявшей подъ вліяніемъ культуры колоній, въ высшей степени важно быть знакомымъ съ элементами, изъ коихъ слагалось само древнѣйшее искусство іонійцевъ. Проблема происхожденія іонійскаго искусства неразрывно связана съ проблемою «скиѳскаго» искусства, которое было однимъ изъ древнѣйшихъ на почвѣ Россіи.

Въ силу изложенныхъ обстоятельствъ, желая облегчить русскимъ археологамъ трудъ ознакомленія съ весьма сложнымъ вопросомъ о происхожденіи іонійской культуры, Императорская Археологическая Коммиссія сочла цѣлесообразнымъ дать на страницахъ своихъ изданій мѣсто русскому переводу лучшаго въ настоящій моментъ труда, посвященнаго проблемѣ іонійской куль-

туры въ ученой литературѣ запада. Трудъ этотъ, «*Ionia and the East*», принадлежитъ перу англійскаго ученаго, профессора въ Оксфордѣ Хогарта (Hogarth) и представляетъ текстъ лекцій, читанныхъ имъ въ Лондонѣ въ 1909 г. Въ краткой и общедоступной формѣ лекціи Хогарта даютъ резюме колоссальной работы науки, касающейся выясненія вопросовъ, связанныхъ съ вопросомъ о происхожденіи древне-іонійской культуры.

Сдѣланный П. В. Латышевымъ переводъ труда Хогарта свѣренъ съ подлинникомъ мною.

Б. Фармаковскій.

Лекція I.

Введеніе въ проблему.

Предметомъ настоящихъ лекцій является вообще разсмотрѣніе обстоятельствъ, при которыхъ начала существовать эллинская цивилизація въ собственномъ смыслѣ, и, въ частности, изслѣдованіе происхожденія той блестящей іонійской культуры, которую одинъ французскій авторъ назвалъ «le printemps de la Grèce». Новѣйшія археологическія открытія пролили нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ, но — слѣдуетъ признать — внесли также не мало новаго затемненія. Нѣкоторыя изъ этихъ открытій я могу описать по первоисточникамъ; другія могу до нѣкоторой степени оцѣнить на томъ основаніи, что я принималъ участіе въ подобныхъ изслѣдованіяхъ и въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ изучилъ почти всѣ страны восточнаго Средиземья, различныя цивилизаціи которыхъ имѣли сношенія съ Іоніей.

Мнѣ нѣтъ надобности много говорить о большомъ интересѣ вопроса о началѣ Іоніи не только для всѣхъ изучающихъ древность, но, болѣе того, для всѣхъ вообще, изучающихъ цивилизацію. Даже имѣя въ виду послѣднія открытія въ Спартѣ, можно сказать безъ колебаній, что Греки западной Малой Азіи дали первый пышный расцвѣтъ того, что мы называемъ чистымъ эллинизмомъ, т. е. греческую цивилизацію, дошедшую до полнаго самосознанія и предназначенную къ достиженію высшихъ предѣловъ эллинскаго генія.

Іонійское племя эллинской расы, каковы бы ни были права его на абсолютное первенство въ культурѣ, во всякомъ случаѣ по своему географическому положенію болѣе, чѣмъ какое-либо иное, служило жизненной связью между Востокомъ и Западомъ и сдѣлало въ терминологіи Востока свое имя терминомъ для обозначенія всего греческаго народа. Всѣ, слѣдящіе за развитіемъ свободныхъ общественныхъ установленій, должны съ особымъ интересомъ обратиться къ той странѣ, гдѣ впервые окрѣпла гражданственность эллинскаго типа.

Не только лица, изучающія литературу, но также изучающія всѣ тѣ средства, при помощи которыхъ люди сообщаются между собою, знаютъ, что именно въ Іоніи алфавитъ принялъ тотъ окончательный видъ, въ которомъ Грекамъ было суждено распространить его по культурному міру. И кто изъ принадлежащихъ къ міру искусства или интересующихся имъ могъ бы не признавать этого «bel élan de génie, duquel est née la statuaire attique»?

Двѣ теоріи были предложены для объясненія внезапнаго появленія чрезвычайно высокой цивилизаціи въ Іоніи въ началѣ исторической эпохи. Нельзя сказать, что онѣ непремѣнно взаимно исключаютъ одна другую или что та или другая изъ нихъ непремѣнно ложна. Но обѣ онѣ были предложены скорѣе какъ гипотезы для объясненія послѣдующихъ историческихъ явленій, чѣмъ какъ выводы изъ свидѣтельствъ доисторическаго времени, и хотя обѣ онѣ получили широкое распространеніе, однако, постановка ихъ была всегда неясной.

Первая теорія связана съ именемъ Эрнста Курціуса, предположившаго существованіе доисторическаго индо-европейскаго населенія въ западной Анатоліи. По его мнѣнію, это населеніе не было туземнымъ, но представляло собою болѣе древнюю переселенческую волну того-же великаго племени, которое должно было отбросить европейскихъ Эллиновъ. Прото-іонійцы, какъ онъ назвалъ отдѣлившееся и вступившее въ Малую Азію черезъ сѣверо-западную ея окраину населеніе, утвердили здѣсь культуру эллинскаго типа еще ранѣе, чѣмъ историческое іонійское переселеніе изъ материковой Греціи достигло Азіи. И вотъ, вслѣдствіе сліянія этой культуры ихъ съ культурой присоединившихся къ нимъ впослѣдствіи родственныхъ племенъ, а также благодаря стимулу месопотамскихъ вліяній, историческая іонійская цивилизація съ поразительной быстротой дошла до полнаго расцвѣта. Эта теорія въ то время, когда была предложена, была довольно правдоподобна, хотя не могла быть доказана. Въ дѣйствительности ничего нельзя было привести для иллюстраціи предположенной культуры какого-либо изъ этихъ индо-европейскихъ племенъ ранѣе ихъ сліянія. Курціусъ могъ, правда, найти нѣкоторое оправданіе для своего до-іонійскаго индо-европейца въ Малой Азіи на основаніи того немногаго, что извѣстно о лидійскомъ языкѣ, далѣе на основаніи греческаго преданія о происхожденіи Фригійцевъ и, наконецъ, на основаніи правдоподобнаго вывода относительно расоваго характера нѣкоторыхъ до-іонійскихъ элементовъ въ Іоніи, какъ напр. лелегскихъ и карійскихъ. Всѣ-же дальнѣйшіе выводы остались «висящими въ воздухѣ».

Вторая теорія явилась результатомъ послѣдующихъ открытій въ области доисторической цивилизаціи. Эта теорія приняла форму общаго утвержденія, что іонійская цивилизація по существу являлась пережиткомъ эгейской, была «Nachleben mykenischer Cultur». Не было, однако, документовъ ранней іонійской культуры, которыхъ было бы достаточно для подтвержденія или опроверженія этого взгляда, представлявшаго, пожалуй, въ главномъ выводъ, основанный на данныхъ Гомера. Сформировавшійся, по предположенію многихъ, при іонійскихъ дворахъ эпосъ разсматривался какъ отраженіе послѣ микенской цивилизаціи. Ergo, подобная цивилизація существовала въ Іоніи.

Какъ я уже указалъ, эта теорія не исключаетъ непремѣнно первую. Наоборотъ, ее возможно было бы считать дополнительной и объяснительной, опредѣляющей характеръ первоначальной культуры, въ которой участвовали оба родственныя споспѣшествовавшія племени теоріи Курціуса. Но, насколько мнѣ извѣстно, никто изъ предлагавшихъ вторую теорію никогда точно не выяснялъ, оба-ли эти племени ранѣе вполнѣ участвовали въ эгейской цивилизаціи, или же только одно изъ нихъ; пребывала-ли эта цивилизація изстари на западномъ малоазіатскомъ берегу, или же была введена только іонійскимъ переселеніемъ, и принимали-ли вообще участіе въ этой цивилизаціи прото-іонійцы. Придерживавшіеся взгляда, изложеннаго по существу въ самое послѣднее время профессоромъ Ridgeway'емъ, по которому лелегское племя западной Малой Азіи находилось въ близкомъ родствѣ съ европейскимъ пеласгическимъ, а послѣднее явилось творцомъ микенскихъ произведеній, были склонны полагать, что малоазіатское побережье съ давнихъ поръ было причастно къ эгейской культурѣ. Они не могли, однако, привести достаточныхъ археологическихъ данныхъ для того, чтобы вывести свою теорію изъ области гипотезъ. За исключеніемъ Гиссарлика на крайнемъ сѣверо-западѣ и одного или двухъ пунктовъ территоріи Каріи и Родоса на крайнемъ югѣ, нигдѣ восточное побережье Эгейскаго моря не обнаружило чего-либо принадлежащаго эгейской культурѣ. Приверженцы обѣихъ теорій высказывали также, хотя и въ нѣсколько неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что тотъ импульсъ, который заставилъ культуру достигнуть высшей степени развитія, сравнительно съ господствовавшей ранѣе либо въ той области, изъ которой вышли колонисты, либо среди прибрежнаго населенія самой Малой Азіи, въ значительной степени возникъ благодаря соприкосновенію Іоніи съ нѣкоторыми древнѣйшими цивилизаціями Востока, и особенно съ месопотамской. Однако, полагали, что древніе Іонійцы не имѣли непосредственныхъ сношеній съ этой областью, а имѣли только

косвенныя при помощи посредствовавшихъ культуръ. Онѣ передавали вліяніе Востока какъ сушей, такъ и моремъ, и среди нихъ главное мѣсто занимали сиро-каппадокійская или «хиттитская» культура, распространявшая свое вліяніе черезъ Фригію и Лидію, и финикійская, въ теченіе послѣ-эгейскаго темнаго вѣка расширявшая свою торговлю въ западномъ направленіи. Благодаря такимъ сношеніямъ, Іонійцы получили образецъ торговой культуры и узнали нѣкоторые факторы, необходимые для ея развитія, именно, азбучное письмо и монетный обмѣнъ, и въ то-же время познакомились съ пріемами, примѣнявшимися въ промышленности и въ искусствѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эти отрасли культуры достигли высокаго развитія. Получая такое поощреніе, природный геній іонійской расы развился замѣчательно быстро. Онъ скоро переросъ своихъ наставниковъ и въ нѣкоторомъ отношеніи самъ сталъ ихъ учителемъ, отчасти благодаря дальнѣйшимъ колонизаціоннымъ усиліямъ, съ которыми Іонія выдвинула Іонійцевъ далеко за предѣлы колыбели первоначальной ихъ цивилизаціи. Особенно подверглась этой реакціи та страна, изъ которой вышли первые колонисты, а именно самая восточная часть Греческаго полуострова, и аттическая культура въ большой степени была обязана своимъ подъемомъ этому іонійскому генію.

Тѣ-же предположенія, которыя существовали относительно происхожденія іонійской цивилизаціи, отчасти были высказаны также насчетъ происхожденія всей той древнѣйшей цивилизаціи въ Малой Азіи, которую позднѣйшіе Греки приписывали колонизаціи изъ Европы, но отличали какъ дорійскую или эолійскую. Полагали, однако, что іонійскимъ колонистамъ выпало на долю поселиться среди расы, болѣе родственной эллинской, чѣмъ были карійскія племена на юго-западномъ берегу М. Азіи или мизійскія на сѣверномъ. Вслѣдствіе этого іонійское развитіе оказалось наиболѣе мирнымъ и быстрымъ и достигло болѣе высокаго уровня культуры.

Я полагаю, что вышеизложенное представляетъ собою правильное резюмэ наиболѣе распространеннаго мнѣнія, основаннаго на изслѣдованіяхъ и аргументахъ многихъ авторитетовъ, писавшихъ во второй половинѣ минувшаго столѣтія. Однако, это мнѣніе должно было остаться только таковымъ. Происхожденіе какой-либо отдѣльной древней культуры непремѣнно является вопросомъ археологіи. У какой-либо иной культуры, современной зарожденію новой, могла уже существовать литература, которая случайно могла дать намекъ на подобное событіе. Однако, едва-ли возможно ожидать, что такіе намеки дадутъ что-либо иное, кромѣ тусклаго и неопредѣленнаго освѣщенія, если ex hypothesi

мы занимаемся изслѣдованіемъ отдаленнаго времени, предшествовавшаго развитію у человѣка живого интереса къ жизни чужихъ народовъ. Въ этомъ частномъ случаѣ мы обсуждаемъ происхожденіе цивилизаціи, которая была дѣйствительно самой древней, давшей развитіе какой-либо изъ существующихъ, вдохновленныхъ подобнымъ интересомъ литературъ. Показанія литературы, относящіяся къ возникновенію іонійской цивилизаціи, могутъ быть получены изъ источниковъ, изъ которыхъ древнѣйшіе необходимо были позднѣе его на нѣсколько столѣтій. Безъ помощи археологіи эти указанія рѣдко могутъ быть поняты и никогда не могутъ быть безошибочно использованы. Таковыми являются греческія записи мѣстныхъ преданій, греческія археологическія указанія о фактахъ прошедшаго времени и греческія археологическія умозаключенія, изложенныя писателями ранѣе, чѣмъ были установлены какіе-либо объективные образцы для оцѣнки показаній археологіи. У насъ имѣются примѣры подобной литературы, сознательно или безсознательно касающейся древней исторіи эллинской цивилизаціи, съ одной стороны въ видѣ собранія пѣсенъ, составлявшихъ основу во всякомъ случаѣ Гомеровской Иліады и большей части сохранившихся киклическихъ отрывковъ, и, съ другой стороны, въ видѣ исторической работы, написанной азіатскимъ Грекомъ, человѣкомъ большой проницательности и эрудиціи, въ пятомъ вѣкѣ до Р. Х. Геродотъ не только повѣствовалъ о многихъ предшествовавшихъ фактахъ, но сообщалъ также современныя ему, относящіяся къ тому-же вопросу мѣстныя преданія. Въ дальнѣйшемъ я буду часто ссылаться на эти источники; теперь-же напомню о двухъ фактахъ въ подтвержденіе моего убѣжденія относительно сравнительной трудности пониманія указаній древнѣйшей литературы и опасности примѣненія ихъ безъ помощи указаній археологіи въ такомъ вопросѣ, какъ возникновеніе цивилизаціи. Во-первыхъ, самое тщательное изученіе Гомеровскаго эпоса совершенно не дало ученымъ возможности точно опредѣлить культуру, нашедшую въ немъ отраженіе, и то относительное положеніе, которое она занимала въ эволюціи эгейскаго человѣка, но, наоборотъ, стало причиной упорнаго предрасположенія къ ошибкамъ въ опредѣленіи временъ и мѣстъ его высшаго развитія. Во-вторыхъ, изъ числа дошедшихъ до насъ греческихъ авторовъ одинъ только Геродотъ далъ нѣкоторыя опредѣленныя указанія о замѣчательной древней культурѣ восточной Малой Азіи, а именно сиро-каппадокійской или хеттской; однако, его указанія почти не возбудили интереса, и еще за одно поколѣніе до насъ этой культурѣ совершенно не придавали значенія. Дѣйствительно,

еще должна быть сдѣлана оцѣнка величины необходимой связи, бывшей у нея съ той самой греческой цивилизаціей, къ которой Галикарнасецъ обнаружилъ столь значительный интересъ.

Поэтому вся тяжесть приведенія доказательствъ въ этомъ изслѣдованіи падаетъ теперь, какъ и ранѣе, на археологію. Но, какова бы ни была компетенція археологіи въ наши дни, еще въ концѣ девятнадцатаго вѣка она несомнѣнно была слишкомъ слаба, чтобы представить какія-либо данныя. Прежде всего, археологія должна была бы съумѣть познакомиться съ множествомъ разнообразныхъ вещественныхъ документовъ для освѣщенія не только самой іонійской культуры въ древнѣйшихъ стадіяхъ ея развитія, но и того предшествовавшаго состоянія, въ которомъ находилось первобытное населеніе западной Малой Азіи и будущіе колонисты изъ Европы въ теченіе нѣкотораго времени до перехода ихъ черезъ Эгейское море. Далѣе, если и могли быть признаны достаточными свѣдѣнія археологіи о болѣе значительныхъ восточныхъ цивилизаціяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ, какъ предполагали, развивалась іонійская культура, то она должна была располагать одинаковыми познаніями и о посредствовавшихъ культурахъ, находившихся на сухомъ и морскомъ путяхъ, по которымъ должны были распространяться въ западномъ направленіи вліянія Месопотаміи и Нила. Однако, что мы видимъ въ дѣйствительности? Позволю себѣ вкратцѣ указать, каково было положеніе дѣла въ концѣ девятнадцатаго вѣка, подразумѣвая, понятно, что нынѣ обстоятельства измѣнились во многихъ отношеніяхъ.

Въ отношеніи самой Іонія исторія мѣстныхъ документовъ, касающихся древнѣйшихъ стадій ея культурнаго развитія, представлялась чрезвычайно краткой. Въ продолженіе прошлаго поколѣнія производители раскопокъ потратили такъ же много времени и денегъ въ областяхъ западной Малой Азіи, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ вокругъ Средиземнаго моря. До 1900 г., въ продолженіе почти четверти вѣка, велось въ большихъ размѣрахъ изслѣдованіе Пергама. Ранѣе этого начались британскія раскопки въ Галикарнассѣ и Книдѣ, и были закончены развѣдочныя изслѣдованія нѣкоторыхъ мѣстностей въ нижней долинѣ Меандра. Вудъ производилъ изслѣдованія города и храма въ Эфесѣ, но затѣмъ оставилъ ихъ; Австрійскій Археологическій Институтъ снова открылъ городъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ производилъ тамъ вторичное изслѣдованіе. Магнезія на Меандрѣ, какъ полагали, открыла свои тайны и уступила всю добычу, достойную вывоза, Гуману и его сподвижникамъ. Изслѣдованіе Пріены закончено было Вигандомъ и начато было изслѣдованіе Милета.

Однако, по поводу всѣхъ этихъ изслѣдованій, изъ которыхъ многія являются весьма значительными предпріятіями, можно сказать одно: они ни разу не дали возможности обнажить какой-либо слой съ остатками, которые могли бы быть отнесены либо къ раннему утру, либо, еще менѣе, къ зарѣ эллинской цивилизаціи въ западной Азіи. Наиболѣе приблизились къ первобытнымъ слоямъ британскіе изслѣдователи. Ньютонъ имѣлъ счастіе найти въ Бранхидахъ нѣкоторые остатки іонійскаго искусства седьмого и шестого вѣковъ, а Вуду удалось спуститься въ Эфесѣ до остатковъ Артемизія, относящихся къ послѣднему изъ этихъ столѣтій; но затѣмъ онъ вдругъ остановился.

Почти всѣ прочія большія раскопки производились безъ видимаго намѣренія изслѣдовать древнѣйшіе слои. Въ Пергамѣ, Магнезіи и Пріенѣ изслѣдователи ставили себѣ задачей обнаруженіе эллинистическихъ и греко-римскихъ матеріаловъ, главнымъ образомъ архитектурнаго характера, и избиравшіеся пункты не относились къ такимъ, которые могли бы подать добрую надежду на открытіе чего-либо принадлежащаго болѣе древнему періоду. Постройка римскаго города Эфеса должна была произойти на одномъ изъ пунктовъ, которые были расположены надъ слоями, отложившимися какъ результатъ обитанія со времени первыхъ дней Іоніи; однако, въ теченіе десятилѣтнихъ раскопокъ австрійскіе изслѣдователи города не достигли этихъ слоевъ и удовольствовались открытіемъ мостовыхъ построекъ императорскаго времени.

Правило, указанное выше, т. е. состоящее въ томъ, что раскопки, производившіяся въ значительныхъ размѣрахъ въ эллинской Азіи, до сихъ поръ не затрагивали древнѣйшихъ слоевъ, имѣетъ одно замѣтное исключеніе: я разумѣю, конечно, изслѣдованіе Гиссарлика Шлиманомъ и Дёрпфельдомъ.

Я не имѣю надобности напоминать, что здѣсь до самаго основанія была произведена развѣдка ранняго поселенія, и что были изслѣдованы послѣдовательныя наслоенія, которыя содержали документы, относящіеся къ значительно болѣе отдаленному времени, чѣмъ древнѣйшій періодъ эллинской культуры въ Малой Азіи. Однако, независимо отъ долго господствовавшаго общаго предубѣжденія противъ признанія причинной связи между доисторической и исторической культурами эллинской области, особыя условія Гиссарлика задерживали признаніе учеными связи между его остатками и іонійскимъ вопросомъ. Этотъ пунктъ расположенъ сравнительно далеко отъ той части анатолійскаго побережья, гдѣ первоначально развилась высшая эллинская культура. Остатки болѣе древнихъ и самыхъ значительныхъ періодовъ въ Гиссарликѣ

принадлежатъ къ типамъ, отличающимся въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ общей культуры доисторической Греціи и совершенно не наблюдаемымъ въ Іоніи. Въ дѣйствительности отнесенные къ началу историческаго періода остатки были скудны и обнаруживали мѣстный упадокъ, тогда какъ другіе, которые также могли быть отнесены къ этому періоду, были смѣшаны со слоями болѣе древнихъ періодовъ, и въ опредѣленіи ихъ значенія произошла ошибка. Въ результатѣ оказалось, что изслѣдованіе Гиссарлика съ начала до конца не въ состояніи было повліять существенно на обсужденіе іонійской проблемы.

Вслѣдствіе этого ученымъ оставалось въ поискахъ древнѣйшихъ вещественныхъ документовъ іонійской исторіи обратиться преимущественно къ незначительному числу сравнительно позднихъ іонійскихъ архитектурныхъ и скульптурныхъ памятниковъ, изъ которыхъ очень немногіе были найдены въ самой Іоніи и немного больше происходило съ территоріи Каріи или съ Эгейскихъ острововъ, особенно съ Делоса. Затѣмъ могли оказать помощь монеты, изъ которыхъ древнѣйшія были отнесены ко времени не ранѣе седьмого вѣка, и очень небольшое число архаическихъ надписей, изъ которыхъ самыя древнія были отнесены не къ такому-же раннему періоду. Правда, въ небольшомъ числѣ были открыты мѣстные остатки твореній рукъ человѣческихъ, которые были признаны болѣе древними. Таковы были извѣстныя изображенія «Сезостриса» на скалахъ Кара-Бель, «Ніоба» и нѣкоторые другіе первобытные остатки на горѣ Сипилѣ, а также разрушенная «гробница Тантала» въ эолійской Смирнѣ и нѣкоторые слѣды смежнаго поселенія, алтарей, укрѣпленій и обсерваціонныхъ пунктовъ на лежащихъ позади холмахъ. Однако, изображенія «Сезостриса» и «Ніобы», какъ сиро-каппадокійскіе памятники недолговременнаго чужеземнаго нашествія изъ отдаленной глубины страны, оставлялись безъ вниманія, и въ Іоніи одни только скудные остатки «гробницы Тантала» могли свидѣтельствовать о прото-іонійской цивилизаціи.

Если мы обратимся къ странамъ, которыя одновременно съ Іоніей развивались на материкѣ, то увидимъ, что положеніе археологіи было и здѣсь не многимъ лучше. Съ археологической точки зрѣнія Лидія какъ ранѣе была, такъ и теперь остается наименѣе продуктивной областью Малой Азіи, несмотря на торговлю, культуру и могущество, принадлежавшія ей, по свидѣтельству исторіи, въ эпоху формированія іонійской цивилизаціи. Научныя раскопки на лидійской почвѣ не производились. Неизвѣстны мѣстные памятники сколько-нибудь значительные, которые были бы признаны лидійскими. Въ Лидіи не было найдено несомнѣнно

лидійскихъ надписей. Для моей настоящей цѣли сказаннаго достаточно. Въ одной изъ слѣдующихъ лекцій я возвращусь къ Лидіи, чтобы полнѣе выяснить то положеніе, въ которомъ она должна стоять по отношенію къ іонійской проблемѣ.

Далѣе, что можно сказать о смежныхъ земляхъ на югѣ и на сѣверѣ? Частичныя раскопки Ассарлика ранѣе 1900 г. указывали намъ, что эгейское вліяніе или, можетъ быть, небольшое число эгейскихъ колонистовъ въ исходѣ бронзоваго вѣка перешло въ Карію и вызвало заносную культуру ничтожнаго значенія. Далѣе изъ греческаго преданія можно было почерпнуть нѣчто большее, но археологическихъ доказательствъ не было. Немного болѣе полныя свѣдѣнія имѣлись относительно большого сосѣдняго острова Родоса И здѣсь древнѣйшіе мѣстные документы, именно содержавшіеся въ нѣкоторыхъ могилахъ въ г. Ялисѣ, показали участіе въ позднѣйшемъ развитіи эгейской цивилизаціи; стало возможно провести исторію черезъ темную пропасть между эгейской и эллинской эпохами. Открытія братьевъ Биліотти въ Камирѣ освѣтили производительную культуру, дѣйствовавшую въ седьмомъ столѣтіи до Р. Х. и, очевидно, связанную съ культурой ранняго эллинскаго періода въ западныхъ греческихъ странахъ, со включеніемъ южной Италіи, и въ Этруріи. Но кромѣ этой связи, ученые усмотрѣли также связь съ не-греческой культурой, особенно же съ одновременной египетской. Для объясненія этого они обратились къ посредничеству Финикійцевъ, напоминая намъ о томъ удобномъ положеніи, которое Родосъ занималъ по отношенію къ западнымъ морскимъ путямъ этого семитическаго народа. Могилы Камира заставили археологовъ въ большей степени, чѣмъ что-либо иное, за исключеніемъ, пожалуй, нѣкоторыхъ открытій на Кипрѣ, о которыхъ я буду говорить впослѣдствіи, согласиться съ обычнымъ мнѣніемъ о значительныхъ и разнообразныхъ обязательствахъ Греціи передъ Финикіей.

На сѣверѣ отъ іонійскаго пояса любопытные храмовые рельефы Асса создали впечатлѣніе, что эолійскій эллинизмъ издавна находился въ тѣсной связи съ не-эллинскими вліяніями, оказывавшими на него могущественное воздѣйствіе, а нѣкоторыя другія открытія въ Мизіи, особенно Неандрійская капитель съ волютой и древняя Неандрійская постройка, по предположенію храмъ, еще болѣе укрѣпили этотъ взглядъ. Обильная добыча изъ могилъ Мирины почти полностью относится къ эпохѣ слишкомъ поздней для того, чтобы быть поучительной въ вопросѣ о возникновеніи Іоніи. Только случайныя находки изъ эолійскихъ побережныхъ кладбищъ въ Кимѣ, Эгахъ и Питанѣ, повидимому, подтверждали данныя Асса. Однако, никто не рѣшался опредѣлить, откуда

и какимъ образомъ восточныя вліянія проникли къ греческимъ колонистамъ, и насколько значительную предшествовавшую культуру они сами принесли изъ-за моря.

Этотъ послѣдній вопросъ проблемы, а именно, вопросъ о культурномъ богатствѣ, которымъ обладали ранніе эллинскіе колонисты во время ихъ отправленія изъ Европы, является наименѣе выясненнымъ изъ всѣхъ факторовъ. Но прежде чѣмъ разсматривать его, чтобы покончить на время съ Азіей, подведемъ итоги свѣдѣніямъ, которыми наука располагала до 1900 г., относительно вѣроятныхъ путей проникновенія въ Іонію вліяній Месопотаміи и Египта. Было признано, что если эти вліянія направлялись сухимъ путемъ, то они должны были проникать черезъ область недавно вновь открытой культуры въ восточной Малой Азіи и сѣверной Сиріи, которую ученые называли «сиро-каппадокійской» или «хиттитской». Звенья возможной цѣпи отношеній, дѣйствовавшихъ въ западномъ направленіи, были намѣчены благодаря наблюденіямъ Перро и Рамзая надъ присутствіемъ сиро-каппадокійскихъ чертъ въ древнѣйшемъ монументальномъ искусствѣ Фригіи, и благодаря основанному на скульптурныхъ произведеніяхъ на скалахъ западной Лидіи и иныхъ свидѣтельствахъ памятниковъ и преданій блестящему заключенію Сэйса, что Лидія нѣкогда была «Хиттитской сатрапіей». Однако, по разнымъ причинамъ этой цѣпи не придавали большого значенія. Ученые болѣе склонялись къ мнѣнію, что вліянія Востока, если только они вообще распространялись сухимъ путемъ, достигли берега скорѣе черезъ посредство ранняго распространенія населенія Фригіи въ сѣверо-западномъ направленіи, чѣмъ черезъ Лидію, которая, какъ полагали, ранѣе утвержденія династіи Мермнадовъ въ началѣ седьмого вѣка до Р. Х. была еще сравнительно варварской и не имѣвшей значенія страной и была обязана большей частью своей высшей культуры рефлективнымъ вліяніямъ самой Іоніи. И Фригія, въ свою очередь, считалась въ большомъ долгу передъ подобными рефлективными вліяніями за культуру, оставившую намъ великолѣпные памятники въ скалахъ бассейна Сангарія и, въ частности, за ея азбучную систему письма; въ то-же время связь между ея древней культурой и сиро-каппадокійской хотя и предполагалась, но не могла считаться достовѣрнымъ или важнымъ факторомъ въ эволюціи западной культуры, пока по сю сторону Галиса было открыто едва лишь около полдюжины широко разбросанныхъ памятниковъ каппадокійскаго характера, а на другой сторонѣ его не было найдено ни одного памятника фригійскаго характера. Фактически вся область сиро-каппадокійской цивилизаціи была еще слишкомъ мало извѣстной, а памятники ея къ сѣверу

отъ Тавра—еще слишкомъ малочисленными и разбросанными для того, чтобы при обсужденіи вопроса о происхожденіи западной культуры ученые могли придавать большое значеніе вліянію этой цивилизаціи. Несмотря на неоднократно высказанные взгляды Рамзая, Сэйса, Перро и другихъ, продолжало существовать мнѣніе о «хиттитской» цивилизаціи вообще, какъ о сирійской, лишь частично и временно распространившейся на сѣверъ отъ Тавра и передававшей свое вліяніе скорѣе моремъ черезъ Финикійцевъ Сиріи, чѣмъ континентальными путями Малой Азіи.

Дѣйствительно, именно Финикійцамъ ученые продолжали приписывать ту значительную сумму развитія, которою, по общему мнѣнію, греческіе народы были обязаны Востоку. На основаніи свидѣтельства многихъ предметовъ болѣе совершеннаго изготовленія изъ числа найденныхъ среди микенскихъ остатковъ, особенно такихъ, которые, повидимому, имѣли отношеніе къ культу, время начала дѣйствительнаго вліянія Финикійцевъ на Эгейскую область многіе еще относили далеко вглубь до-эллинскаго періода. Главныя стоянки на западномъ морскомъ пути Семитовъ были открыты на Кипрѣ, Родосѣ и Критѣ. Что касается Кипра, то послѣ открытія замѣчательнаго сокровища Саламинскихъ могилъ въ Энкоми выяснилась необходимость тщательнаго пересмотра обычнаго предположенія о финикійскомъ происхожденіи кипрскаго искусства. Но постоянное приписываніе восточнаго происхожденія многимъ изъ лучшихъ предметовъ въ этомъ сокровищѣ и споръ относительно датировки всей находки затемнили смыслъ ея указаній, несмотря на то, что Мирсъ и Рихтеръ дали правильную оцѣнку фактовъ въ изданномъ ими въ 1899 г. «Catalogue of the Cyprus Museum». Далѣе, архаическая цивилизація Родоса считалась въ долгу передъ Финикіей главнѣйше благодаря свидѣтельству уже упомянутыхъ выше предметовъ, найденныхъ къ Камирѣ, а цивилизація Крита — вслѣдствіе находки древнихъ бронзъ въ Идейской пещерѣ. Къ этимъ археологическимъ наблюденіямъ присоедините сильную вѣроятность образованія первобытнаго эллинскаго искусства и торговли подъ воздѣйствіемъ финикійскаго вліянія, вѣроятность, основанную на указаніяхъ Гомера и утвержденіяхъ греческихъ археологовъ-историковъ, на раннихъ Ѳиванскихъ легендахъ, на филологическихъ объясненіяхъ именъ тѣхъ греческихъ мѣстностей и божествъ, которыя, повидимому, не имѣли индо-европейскаго происхожденія и, наконецъ, но не въ меньшей степени, на неоспоримомъ пока финикійскомъ происхожденіи іонійскаго алфавита. Если Вы все это присоедините, то Вамъ не покажется удивительнымъ, что протесты, высказанные Саломономъ Ренакомъ въ его «Mirage Oriental» и Артуромъ

Эвансомъ въ его первыхъ статьяхъ о критскомъ письмѣ, не ослабили существенно позицію, занятую Семитами. Ученые продолжали считать достаточнымъ уступить лишь немного мѣста вліяніямъ Месопотаміи, которыя передавались сухимъ путемъ черезъ сиро-каппадокійскую область, и вліяніямъ Египта, которымъ подвергались греческіе солдаты и купцы, передвигавшіеся изъ западной Малой Азіи въ долину Нила во времена Новой имперіи и обратно. По передачу по крайней мѣрѣ девяти десятыхъ того стимула Востока, который дѣйствовалъ на нарождающуюся культуру архаической Эллады, ученые продолжали приписывать «степенному негоціанту Тира».

Наконецъ, посмотримъ, каковы были тѣ взгляды, которые существовали относительно самихъ Іонійцевъ и относительно предполагаемаго культурнаго развитія, съ которымъ они двинулись въ путь. По этимъ вопросамъ возможно сказать лишь немногое, такъ какъ вполнѣ опредѣленнаго на нихъ взгляда не существовало. Дѣйствительно, слишкомъ мало еще знали первобытную Грецію. Такъ, одни доказывали, что колонизація не вся цѣликомъ вышла изъ греческихъ гаваней, но отчасти изъ внутренней Ѳракіи черезъ проливы. Однако, такая возможность совершенно не освѣщала культуры колонистовъ, такъ какъ первобытная Ѳракія еще менѣе была извѣстна, чѣмъ первобытная Греція. Немногіе изъ археологовъ обращали вниманіе на раннюю средне-европейскую культуру позднѣйшаго періода бронзоваго вѣка и древнѣйшаго періода желѣзнаго вѣка, остатки которой были найдены въ изобиліи, особенно въ верхней и средней частяхъ бассейна Дуная. Здѣсь, какъ они указывали, было доказательство того, что сѣверныя племена спустились въ Грецію не изъ совершенно варварской области. Однако, это полезное замѣчаніе не могло оказать вполнѣ своего дѣйствія вслѣдствіе укоренившагося предрасположенія считать, что Эллины вышли прямо изъ первоначальной своей родины въ Азіи черезъ крайній Востокъ Европы, не смѣшиваясь съ средне-европейскими «варварами».

Другіе ученые въ стремленіи къ выясненію этого фактора проблемы стали испытующе обращать взоры къ микенскимъ и послѣ-микенскимъ остаткамъ Аттики и сосѣднихъ береговъ. Но даже тѣ, которые весьма основательно полагали, что содержимое древнихъ могилъ въ Мениди и въ Спатѣ, а также «микенскіе» черепки, найденные въ самомъ нижнемъ слоѣ на Аѳинскомъ акрополѣ, и древности Эгинскаго клада захватываютъ весь періодъ, приписываемый обыкновенно іонійской колонизаціи, и свидѣтельствуютъ о культурѣ, которая не могла не имѣть сильнаго воздѣйствія на колонистовъ ранѣе ихъ

выселенія,—даже эти ученые затруднялись разсматривать микенскіе или послѣмикенскіе предметы какъ произведенія культуры, которая могла сама имѣть въ какой-либо части іонійскій характеръ.

Для многихъ варіантовъ теоріи, затрагивающей вопросъ, «кто изготовилъ предметы, названные микенскими», какъ выразился проф. Ridgeway, нѣкоторые пункты долго оставались почти безъ исключеній общими; именно, существовало общее мнѣніе, что эти предметы создалъ народъ, совершенно отличный отъ Іонійцевъ, что эти послѣдніе пришли съ сѣвера въ концѣ бронзоваго вѣка, и что ихъ древнѣйшія усилія на поприщѣ искусства выразились въ геометрическомъ «дипильскомъ» стилѣ, который ни въ какомъ отношеніи не былъ эгейскимъ.

Возраженія противъ различныхъ положеній этой теоріи, принятой относительно происхожденія іонійской цивилизаціи, были очевидны, и уже высказаны. Пожалуй, наиболѣе очевидное изъ нихъ затрагивало послѣдній пунктъ, котораго я касался, а именно постулатъ, что эта цивилизація въ значительной части была обязана своимъ началомъ колонистамъ изъ расы, не создавшей въ теченіе какого-либо предшествовавшаго періода своихъ переселеній ничего дѣйствительно художественнаго, ничего, по крайней мѣрѣ, такого, чему было бы найдено фактическое доказательство, несмотря на то, что предпослѣднимъ этапомъ колонистовъ было прохожденіе по хорошо изслѣдованной почвѣ Аттики. Даже если «дипильскія» издѣлія могли быть приняты какъ доказательство нарождавшагося іонійскаго искусства, они относились, повидимому, къ послѣдующему за колонизаціей періоду. Вообще предполагали, что колонисты переправились послѣ весьма краткаго пребыванія въ западной Греціи, и что вся ихъ подготовка заключалась въ исключительномъ «врожденномъ инстинктѣ гуманизма». Встрѣтивъ на противоположномъ берегу свѣжее и могучее дыханіе Азіи, этотъ инстинктъ долженъ былъ оплодотвориться совершенно новымъ эмбріономъ цивилизаціи.

Конечно, въ этой давно принятой теоріи іонійскаго переселенія есть нѣкоторая доля истины. Однако, научный умъ, воспитанный въ школѣ эволюціи, не можетъ не остановиться на отсутствіи причинности и на внезапности развитія, заключающихся въ объясненіи такого рода. Въ частности, довольно затруднительно признать «врожденный инстинктъ гуманизма» единственнымъ или хотя-бы главнымъ активомъ странствовавшаго народа, который черезъ очень небольшое число поколѣній долженъ былъ развить наиболѣе высокую артистическую и общественную культуру вѣка, культуру, сверхъ того,

строго индивидуальную. Дѣйствительно, повѣрить этому возможно лишь находясь подъ обаяніемъ духа Отфрида Миллера и его школы эллинистовъ, столь долго не признававшей у греческой культуры какого-либо иноземнаго родства. Даже нынѣ еще не вполнѣ исчезло предубѣжденіе этой школы противъ включенія происхожденія эллинской цивилизаціи въ число вопросовъ, допускающихъ научное эволюціонное объясненіе. Какъ въ Англіи, такъ и въ Германіи эллинизмъ настолько превратился въ культъ, что, повидимому, онъ еще теперь имѣетъ приверженцевъ, которымъ трудно допустить обязательства его передъ чѣмъ-либо инымъ, кромѣ озаренія свыше. Происхожденіе Грековъ отъ прежде существовавшихъ непросвѣщенныхъ культуръ было отвергнуто слишкомъ рьяными эллинистами въ выраженіяхъ, которыя обнаружили, что что они считаютъ такое предположеніе чуть-ли не нечестіемъ. Не допуская никакой болѣе матеріальной причинности, чѣмъ смутныя мѣстныя вліянія воздуха и свѣта, горъ и моря, они желали бы принять появленіе эллинизма на свѣтъ какъ чудесное зарожденіе, подобно происхожденію его богини Аѳины изъ головы Зевса.

Далѣе, было сдѣлано возраженіе противъ того пункта въ принятомъ ученіи, который исходилъ главнѣйше отъ Эрнста Курціуса. Согласно этому пункту, іонійскіе колонисты нашли на противоположномъ берегу Эгейскаго моря прото-іонійское племя, близкое родство и культурное сочувствіе котораго имѣли большое значеніе для быстраго развитія послѣдующей мѣстной цивилизаціи. Однако, на этомъ возраженіи нельзя было настаивать изъ-за простой невозможности доказать положеніе обратное теоріи, или даже привести въ его пользу что-либо имѣющее значеніе. Противъ очевиднаго вопроса, «гдѣ-же археологическіе остатки этихъ прото-Іонійцевъ?» имѣется наготовѣ не менѣе очевидный и для того времени достаточный отвѣтъ, что западная Малая Азія крайне недостаточно еще изслѣдована, и что въ ея древнѣйшихъ мѣстахъ поселеній почти совершенно не производились раскопки. Какими располагали мы вещественными документами іонійской цивилизаціи, которые не являлись показателями нѣкоторой возмужалости? Въ частности, напримѣръ, какія были въ нашемъ распоряженіи надписи, которыя обнаруживали формы, отмѣчавшія переходъ отъ родственныхъ финикійскихъ? Если документы младенческой іонійской культуры еще не были открыты, кто сомнѣвался въ существованіи таковыхъ? И если предстояло еще ихъ найти, то же оставалось сдѣлать и по отношенію къ прото-іонійскимъ документамъ. Въ то время этотъ отвѣтъ не могъ быть отвергнутъ. Его нельзя отвергнуть и теперь.

Но наибольшему обсужденію въ принятой теоріи подверглось третье положеніе, а именно, что Финикійцамъ принадлежала роль главныхъ дѣйствующихъ лицъ по передачѣ восточныхъ вліяній въ Іонію, такъ какъ это положеніе заключало въ себѣ меньше вѣры и болѣе знанія. Оно было основано на истолкованіи большого количества историческихъ, болѣе или менѣе хорошо удостовѣренныхъ, данныхъ и не зависѣло отъ доисторическихъ вѣроятностей въ такой степени, какъ другія положенія. Финикійцы, вліянію которыхъ на греческую цивилизацію Отфридъ Миллеръ и его послѣдователи придавали наибольшое значеніе, пріобрѣли большую силу при позднѣйшей школѣ германскихъ историковъ, однимъ изъ наиболѣе выдающихся вождей которой былъ Бузольтъ. Но въ послѣдніе годы девятнадцатаго столѣтія наступила реакція, и притязанія Семитовъ часто стали горячо оспаривать.

Чувствовалась необходимость въ нѣкоторыхъ сильныхъ возраженіяхъ противъ признанія за финикійскимъ посредничествомъ въ искусствѣ такого значенія, которое придала ему школа Бузольта. Во-первыхъ, несмотря на то, что сама родина Финикійцевъ уже давно была хорошо доступна для изученія и еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ была довольно широко изслѣдована, здѣсь было обнаружено замѣчательно мало памятниковъ, которые свидѣтельствовали бы о творчествѣ въ области искусства. Послѣ того какъ предметы сомнительнаго происхожденія, которые могли быть изготовлены въ другихъ частяхъ Сиріи, и раннія кипрскія древности, найденныя не въ Китіи или въ иныхъ извѣстныхъ финикійскихъ поселеніяхъ, подверглись отводу, не оставалось почти никакихъ свидѣтельствъ о финикійскомъ искусствѣ до эллинскаго вѣка. Во-вторыхъ, имѣлось возраженіе, что такое эклектическое, производное и не прогрессивное искусство, каковымъ было финикійское даже по изображенію тѣхъ, которые желали приписывать ему обширнѣйшій рядъ произведеній, едва-ли могло оказать значительное вліяніе на такой сильный и искренній артистическій духъ, какимъ обладали ранніе Греки. Въ-третьихъ, многіе, какъ напр. Radet въ своемъ сочиненіи о Лидіи, справедливо полагали, что вопросъ о возможныхъ смѣнявшихся посредникахъ между Востокомъ и Западомъ еще не былъ въ достаточной степени подвергнутъ обсужденію. Наиболѣе обоснованныя посылки въ теоріи, построенной въ защиту Семитовъ, не избѣжали нападокъ. Въ возраженіяхъ указывалось, что значеніе свидѣтельствъ Гомера въ пользу ея было сильно преувеличено, въ виду того, что превосходство какъ въ мореходномъ дѣлѣ, такъ и въ произведеніяхъ искусства въ эпосѣ приписывается не Семитамъ, а богамъ или Грекамъ. Артуръ Эвансъ

сообщилъ о своемъ открытіи на Критѣ древняго письма, которое не имѣло ничего общаго съ финикійской системой, и болѣе чѣмъ намекнулъ о своемъ намѣреніи поднять вопросъ о предполагаемой зависимости Европы отъ Финикіи даже въ отношеніи письма. Вообще-же, хотя и выступивъ во всеоружіи, антисемиты не отличались численностью, и Финикійцы, вообще говоря, сохранили занятую позицію.

Ни въ какомъ случаѣ нельзя утверждать, что все то, что въ 1900 г. было спорнымъ, въ 1908 г. сдѣлалось хорошо обоснованнымъ. Во многихъ отношеніяхъ все-же обоснованность улучшилась. Много свѣта было пролито вновь, и о немъ я постараюсь сообщить вамъ въ послѣдующихъ лекціяхъ. Я предполагаю распредѣлить новыя данныя на четыре географическихъ отдѣла, изъ которыхъ первый составляетъ Западная Эллада, второй — эллинская Азія, третій—внутренняя Малая Азія, и четвертый—Сирія съ Кипромъ и Египтомъ.

Однако, будетъ безполезно, да и невозможно строго разграничивать эти отдѣлы, подобно водонепроницаемымъ камерамъ. Сфера вліянія одного какого-либо изслѣдованія часто имѣла далеко не мѣстное только значеніе, и поэтому невозможно избѣжать какъ предвареній, такъ и повтореній.

Лекція II.

Іонійцы до Іоніи.

Прежде всего мы должны составить нѣкоторое понятіе, если это возможно, о культурномъ достояніи, которое могли принести съ собой въ Азію европейскіе эмигранты, сыгравшіе, по единогласному свидѣтельству греческаго преданія, главную роль въ развитіи іонійской культуры. Намъ извѣстны двѣ значительныя культуры, господствовавшія въ юго-восточной Европѣ ранѣе этого переселенія и заполнявшія, повидимому, всю географическую область, изъ которой, какъ предполагается, должны были выйти эмигранты, или которую, какъ достовѣрно извѣстно, они прошли послѣднею. Этими культурами являются, если придать имъ надлежащія географическія названія, дунайская и эгейская. Остатки этихъ обѣихъ культуръ позволяютъ прослѣдить ихъ отъ позднѣйшаго періода каменнаго вѣка, черезъ бронзовый вѣкъ, по крайней мѣрѣ до начала желѣзнаго вѣка. Правдоподобно-ли, что какая-либо изъ нихъ или обѣ онѣ оказали образующее вліяніе на Іонійцевъ ранѣе ихъ отправленія изъ Греціи въ Азію, и возможно-ли доказать, что онѣ оказали такое вліяніе въ дѣйствительности?

Обратимся сначала къ эгейской культурѣ, относительно которой раскопки на Критѣ доставили весьма разнообразныя и важныя новыя свѣдѣнія. Нѣтъ ни времени, ни надобности входить здѣсь въ детальное описаніе открытій, сдѣланныхъ при этихъ раскопкахъ. Я долженъ предположить Ваше общее знакомство съ ними и ограничиться въ моемъ изложеніи попыткой оцѣнить отношеніе ихъ къ іонійской проблемѣ. Въ виду того, что іонійская проблема выдвигается и литературными преданіями и археологіей не ранѣе послѣдней части второго тысячелѣтія до Р. Х., наше настоящее изслѣдованіе, естественно, будетъ касаться главнымъ образомъ позднѣйшаго періода эгейской эпохи. Но кромѣ того, на основаніи указаній болѣе раннихъ эгейскихъ періодовъ также должны быть сдѣланы нѣкоторые широкіе выводы, которые имѣютъ

большое значеніе для даннаго вопроса и должны быть изложены, хотя-бы и очень кратко, въ самомъ началѣ.

Едва-ли необходимо указывать, что причинная связь между доисторической эгейской культурой и позднѣйшей исторической, развившейся въ той-же самой географической области, имѣетъ значительно бо́льшую вѣроятность а priori въ томъ случаѣ, если первая изъ этихъ культуръ имѣла за собой бо́льшую древность, если была мѣстною по происхожденію, независимою въ развитіи, высшею по стремленіямъ и окончательному завершенію, какъ свойственно древнимъ культурамъ, и если находилась съ другими высокими современными цивилизаціями въ такихъ сношеніяхъ, которыя позволяли ей принимать участіе въ ихъ прогрессѣ, чѣмъ въ томъ случаѣ, если эта культура обладала не всѣми указанными качествами или однимъ изъ нихъ. Въ дѣйствительности, какъ доказываютъ ея остатки, она обладала всѣми ими.

Критскіе матеріалы установили, не оставивъ мѣста для какихъ-либо сомнѣній, первобытный мѣстный характеръ и многовѣковое мѣстное развитіе культуры бронзоваго вѣка эгейской области. Теперь нѣтъ болѣе рѣчи какъ о томъ, что она была завезена иностранными морскими предпріятіями, а не была отраженіемъ первобытнаго состоянія эгейской жизни, такъ и о томъ, что она развивалась слишкомъ быстро и спорадически, чтобы пустить глубокіе соціальные корни и имѣть болѣе, чѣмъ частичное мѣстное вліяніе. Если бы даже не существовало другихъ доказательствъ, было бы вполнѣ достаточно одного факта правильнаго развитія эгейскаго керамическаго искусства, начиная съ наиболѣе примитивныхъ неолитическихъ издѣлій, въ непрерывной послѣдовательности до конца бронзоваго вѣка. При этомъ непрерывный рядъ былъ открытъ не только на Критѣ. Подобныя доказательства продолжительнаго развитія керамическаго искусства обнаружены также въ Гиссарликѣ, Арголидѣ и на Кикладахъ.

Далѣе, мы теперь знаемъ, что эгейская цивилизація можетъ считаться независимой съ такимъ-же правомъ, какъ и всякая другая, ей современная. Но, говоря такъ, я, конечно, не исключаю результатовъ чужеземныхъ вліяній, о которыхъ я намѣренъ сейчасъ говорить. Цивилизація, достигнувшая нѣкоторой высоты въ своемъ развитіи, никогда не преминетъ извлечь пользу изъ результатовъ развитія другихъ современныхъ цивилизацій. По мѣрѣ своего роста она повсюду заводитъ сношенія и заимствуетъ, гдѣ можетъ, то, что ей необходимо. Но если эта цивилизація въ то же время воздаетъ quid pro quo, если она претворяетъ заимствованное и если она сохраняетъ ясную инди-

видуальность въ главныхъ способахъ общественнаго выраженія, какъ, напр., въ своемъ искусствѣ и въ своей системѣ письменнаго общенія, то такая цивилизація должна быть названа независимой, въ разумномъ значеніи этого эпитета. Таковой эгейская цивилизація оставалась въ теченіе всей своей долгой исторіи. Какія-бы иностранныя вліянія ни обнаруживало ея искусство, оно съ начала до конца выражается съ опредѣленной индивидуальностью. Объ его произведеніяхъ возможно повторить то, что было сказано первоначально Чарльзомъ Ньютономъ по поводу такъ называемыхъ «островныхъ камней», т. е. нѣкоторыхъ рѣзныхъ геммъ, впервые найденныхъ на Кикладахъ, а именно, что они никоимъ образомъ не могутъ быть приняты за произведенія какого-либо иного искусства. По поводу принадлежащей эгейской цивилизаціи системы письменнаго общенія никто никогда не выражалъ малѣйшихъ сомнѣній въ мѣстномъ ея происхожденіи, въ мѣстномъ развитіи изъ независимаго пиктографическаго письма и въ многовѣковой модификаціи безъ обращенія къ какой-либо иной системѣ.

Затѣмъ, памятники этой мѣстной и независимой цивилизаціи показываютъ, что она достигла такой высокой степени совершенства, которая даетъ ей право занять мѣсто наравнѣ съ наивысшими современными ей цивилизаціями. Фактъ этотъ, сдѣлавшійся яснымъ только послѣ критскихъ открытій, имѣетъ особую важность для нашего настоящаго изслѣдованія въ виду того, что онъ долженъ глубоко измѣнить прежнее наше стремленіе обращаться къ области Нила или Месопотаміи за всѣми внѣшними импульсами къ высшимъ ступенямъ культуры, которые могла испытать на себѣ классическая средиземноморская цивилизація. Едва-ли можно признать слишкомъ сильнымъ утвержденіе, что эллинская цивилизація, далеко не имѣя характера свѣта, впервые просіявшаго во мракѣ въ области, занимавшейся варварами, въ дѣйствительности была лишь новой вспышкой, потребовавшей много времени для достиженія полноты прежняго блеска, и что та же почва, на которой эта цивилизація въ концѣ концовъ должна была блистать, произвела уже расцвѣтъ культуры, достаточно яркой для созданія столь же продолжительныхъ стимулирующихъ вліяній, каковыми были вліянія Египта или Вавилона. Даже если мы должны предположить, что этотъ расцвѣтъ поблекнулъ или совершенно зачахъ ранѣе времени возникновенія эллинской цивилизаціи въ строгомъ смыслѣ слова (хотя вопросъ о томъ, насколько значителенъ и одинаковъ-ли во всѣхъ отношеніяхъ былъ этотъ упадокъ, остается еще вполнѣ

открытымъ), все-же тотъ фактъ, что эта культура когда-либо достигала подобной высоты, вводитъ новый факторъ въ іонійскую проблему.

Наконецъ, мы теперь имѣемъ возможность сказать, что сношенія между континентальными культурами Африки и Азіи, съ одной стороны, и эгейской культурой съ другой, въ доисторическомъ періодѣ были гораздо болѣе частыми и тѣсными, чѣмъ впослѣдствіи, до сравнительно поздняго времени историческаго періода.

Мнѣ нѣтъ надобности долго останавливаться на доказательствѣ существованія сношеній между эгейской и египетской культурами, возникшихъ въ раннемъ періодѣ, даже современномъ отчасти Древнему царству, и достигшихъ высшаго развитія при восемнадцатой и девятнадцатой династіяхъ. Оно хорошо извѣстно и недавно изложено съ достаточной подробностью въ очень доступномъ трудѣ проф. Р. М. Бѣрроуса. Общій выводъ изъ этого доказательства убѣждаетъ всѣхъ изучавшихъ этотъ вопросъ. Существуютъ сомнѣнія относительно того, какую давность въ египетской исторіи мы можемъ принять для этихъ сношеній, и относительно абсолютной даты первой эпохи, въ которой, повидимому, они стали вполнѣ взаимными, а именно, эпохи двѣнадцатой династіи. Но никакихъ сомнѣній нѣтъ теперь относительно дѣйствительнаго характера этихъ сношеній съ того времени и относительно вліянія ихъ на культуру средняго и позднѣйшаго періодовъ бронзоваго вѣка. Ясно, что при первыхъ династіяхъ новаго царства, если не ранѣе, Египтяне и Кефты съ Крита и другихъ Эгейскихъ острововъ и береговъ были отлично знакомы взаимно, поддерживали непосредственныя постоянныя сношенія и испытывали взаимныя вліянія. Однимъ словомъ, Эгейская область была открыта для вліяній Египта и была насыщена ими еще задолго до эллинскаго періода.

Можно-ли сказать то-же и объ азіатскихъ вліяніяхъ? Съ достовѣрностью отвѣтить на этотъ вопросъ довольно затруднительно. До сихъ поръ въ эгейскихъ мѣстахъ поселенія не были найдены предметы несомнѣнно месопотамскіе, а въ Месопотаміи—предметы несомнѣнно эгейскіе. Но въ Месопотаміи начали уже подозрѣвать присутствіе эгейскаго вліянія. Найденныя въ древнихъ слояхъ Эфесскаго Артемисія нѣкоторыя издѣлія изъ слоновой кости заставили вспомнить о нѣкоторыхъ другихъ, найденныхъ Лэярдомъ сорокъ лѣтъ назадъ во дворцѣ Сеннахериба въ Нимрудѣ. Эти вещи находятся въ Британскомъ музеѣ и, всегда представляя загадку для археологовъ, опредѣлялись, какъ финикійскія. Мы примемъ ихъ въ соображеніе впослѣдствіи, а здѣсь отмѣтимъ только,

что одинъ изъ фрагментовъ съ изображеніемъ головы быка является настолько же эгейскимъ по стилю, какъ и издѣлія поздняго минойскаго искусства, когда-либо найденныя на Критѣ или въ Арголидѣ. Замѣчу также, что не одинъ только этотъ примѣръ, повидимому, свидѣтельствуетъ ясно о нѣкоторой инфильтраціи эгейскаго художественнаго вліянія во внутреннюю Азію. О томъ, какимъ путемъ могло проходить это теченіе, я выскажусь позднѣе.

Какъ и слѣдовало ожидать, непосредственный обмѣнъ произведеній и вліяній между Эгейской областью и Месопотаміей оставилъ мало слѣдовъ; это произошло вслѣдствіе того, что между обѣими странами географически расположены были второстепенныя культуры. Болѣе правильно искать указаній о сношеніяхъ и обмѣнѣ между эгейской культурой и культурами Сиріи и Малой Азіи. Этотъ вопросъ еще не разработанъ, но уже замѣчено, что существуетъ много характерныхъ чертъ, общихъ въ большей или меньшей степени, съ одной стороны, эгейской культурной области, а съ другой—либо хиттитской, либо сирійской семитической области, либо обѣимъ этимъ областямъ. Къ сожалѣнію, западныя азіатскія культуры второго тысячелѣтія до Р. Х. до сихъ поръ извѣстны еще очень поверхностно, а области ихъ еще не изслѣдованы научно по отношенію къ тѣмъ мелкимъ древнимъ издѣліямъ, которыя чаще всего служили предметами обмѣна и терялись на торговыхъ путяхъ. Дѣйствительно, единственные пункты, гдѣ были произведены глубокія раскопки поселеній названной эпохи, находятся въ странѣ Филистимлянъ и въ южной Палестинѣ, въ Синджерли и Сакъегёсу въ сѣверной Сиріи и въ Богазкёѣ въ сѣверо-западной Каппадокіи. Въ Гезерѣ, Телль-эсъ-Сафи и другихъ мѣстностяхъ южной Сиріи были найдены эгейскія гончарныя издѣлія и оружіе, а также постройки эгейскаго типа въ количествѣ, достаточномъ для доказательства того факта, что критскія сношенія съ юго-восточными левантскими берегами во время поздне-минойскаго періода не ограничивались однимъ Египтомъ, т. е. факта, который, во всякомъ случаѣ, могъ быть предположенъ на основаніи преданія, связывавшаго критскаго Миноса съ Газой и ея культомъ Зевса Критскаго. Что касается Синджерли, то найденныя здѣсь гончарныя издѣлія и прочія мелкія находки до сего времени еще не изданы, хотя работы на мѣстѣ прекратились не менѣе четырнадцати лѣтъ назадъ. Будемъ отъ души надѣяться, что какія-либо подобныя затрудненія не помѣшаютъ изданію мелкихъ предметовъ, которые были и будутъ найдены въ Богазкёѣ.

Но независимо отъ результатовъ азіатскихъ раскопокъ, имѣются нѣкоторыя очень важныя свидѣтельства о томъ, что эгейская и западно-азіатскія

области находились подъ взаимнымъ вліяніемъ и взаимно были знакомы. Въ виду того, что эти свидѣтельства касаются лишь вступительной части нашего настоящаго изслѣдованія, я ограничусь лишь тѣмъ, что направлю ваше вниманіе къ источникамъ ихъ. Однимъ изъ этихъ источниковъ являются, какъ вы могли ожидать, имѣя въ виду географическое положеніе острова Кипра, его ранніе древности и, въ частности, тѣ находки изъ могилъ Энкоми, которыя нынѣ хранятся въ Британскомъ музеѣ. Эти предметы, по моему мнѣнію, относятся къ очень позднему времени бронзоваго вѣка, но въ главной своей части они явно принадлежатъ эгейской культурѣ и представляютъ собой мѣстныя произведенія. Обратите вниманіе, напримѣръ, на прекраснѣйшій изъ энкомійскихъ предметовъ, а именно, на ларчикъ изъ слоновой кости. Вырѣзанная на немъ охотничья сцена приводитъ насъ, несомнѣнно, къ ассирійскому мотиву, правда, не непосредственно, но черезъ такія сирійскія подражанія, какъ охотничья сцена на хиттитскихъ плитахъ изъ Сакъегёсу, нынѣ находящихся въ Константинополѣ и Берлинѣ. Но мотивъ трактованъ такъ, какъ не сталъ бы его трактовать ни хиттитскій, ни ассирійскій скульпторъ. Затѣмъ вы почерпнете указанія изъ очевидной общности концепцій, принятыхъ эгейской религіей, съ одной стороны, и западными азіатскими религіями съ другой, а также изъ общности символизма и представленій культа, что является вѣрнѣйшимъ критеріемъ. Если большое значеніе имѣетъ то обстоятельство, что въ обѣихъ областяхъ божественный Духъ представляли пребывающимъ на священныхъ деревьяхъ и колоннахъ и олицетворяли въ образѣ женщины, какъ источника и наблюдательницы всякой жизни, придавая ей соучастіе сына, чтобы сдѣлать понятной ея связь съ человѣчествомъ, то еще большее значеніе имѣетъ, что также въ обѣихъ областяхъ *бетилъ* является въ троицахъ и съ сидящими сверху птицами, что богиня имѣетъ свиту изъ львовъ и помѣщается на холмѣ, что она держитъ двойную сѣкиру, bipennis, какъ въ Кноссѣ и Лаодикеѣ на Оронтѣ, и что она стоитъ между геральдически противопоставленными животными или птицами, которыхъ она держитъ руками. Дальнѣйшія указанія вамъ дастъ общее для Эгейской области и Азіи пользованіе оружіемъ особенныхъ видовъ, какъ, напр., щитомъ въ формѣ цифры восемь, употребленіе одежды особаго покроя, какъ, напр., отдѣланной оборками юбки, примѣненіе архитектурныхъ плановъ, напр., въ видѣ дворца расположеннаго вокругъ центральнаго двора, и архитектурныхъ орнаментовъ, какъ, напр., глазированнаго розеточнаго валика, которымъ были облицованы базы колоннъ въ Вавилоніи, а также на Критѣ; пользованіе художественными

условностями, какъ напр., въ изображеніи на хиттитскихъ памятникахъ Ибриза и Кара-Беля и на многихъ эгейскихъ геммакъ мотива трижды окаймленной туники, ниспадающей бахромой подъ угломъ между ногъ у профильныхъ фигуръ. Достаточное само по себѣ доказательство существованія тѣсныхъ сношеній между Критомъ и западной Азіей вы найдете еще въ найденныхъ мною въ 1901 г. въ Закро предметахъ, напр., въ тѣхъ типахъ чудовищъ на печатяхъ, изготовлявшихся на мѣстѣ, которые напоминаютъ смѣшанныя фигуры демоновъ хиттитскихъ и месопотамскихъ священныхъ изображеній, и въ вазахъ съ рельефными украшеніями въ видѣ полумѣсяца и диска. Наконецъ, если у васъ еще остается какое-либо сомнѣніе, то обратитесь къ опубликованнымъ Т. Эвансомъ въ «Numismatic Chronicle» даннымъ для доказательства употребленія въ Кноссѣ такъ называемаго легкаго вавилонскаго образцоваго вѣса.

Мы должны только доказать существованіе взаимныхъ сношеній, и для нашей цѣли не имѣетъ значенія вопросъ, въ которой именно изъ обѣихъ областей возникли эти общія черты. Такія сношенія ихъ доказываются уже ихъ общностью. Однако, замѣчу попутно, предположеніе, что Эгейская область научила Азію, имѣетъ такую же вѣроятность, какъ и обратное. На азіатской сторонѣ параллелизмы замѣчаются въ ассирійскомъ и позднѣйшемъ вавилонскомъ искусствѣ чаще, чѣмъ въ раннемъ вавилонскомъ. Однако, несомнѣнно, что эгейское искусство достигло зрѣлости и начало приходить въ упадокъ еще до появленія хотя бы какого-либо ассирійскаго искусства и такого финикійскаго искусства, памятники котораго дошли бы до насъ. Если вообще существовало родство между эгейскимъ искусствомъ съ одной стороны и позднѣйшимъ западно-азіатскимъ съ другой, то эгейское искусство должно быть признано родоначальнымъ и отвѣтственнымъ за параллелизмы, замѣченные въ издѣліяхъ изъ слоновой кости Нимруда и въ древнѣйшихъ гончарныхъ издѣліяхъ и фигуркахъ Финикіи. Эти соображенія мнѣ кажутся гораздо болѣе важными, чѣмъ основанныя на отсутствіи на Критѣ скарабеевъ и цилиндровъ противоположные доводы, на которыхъ ранѣе настаивалъ Т. Эвансъ. Отсутствіе скарабеевъ равнымъ образомъ должно было бы опровергать существованіе сношеній между Критомъ и Египтомъ, что является абсурдомъ. Мало значенія имѣетъ и отсутствіе цилиндровъ, если вспомнить, что даже въ Финикіи цилиндрическія печати были найдены въ крайне ограниченномъ количествѣ, едва-ли большемъ, чѣмъ на Кипрѣ. Этотъ очень неудобный видъ печати, утвердившійся въ Месопотаміи вслѣдствіе недостатка въ камнѣ, въ Сиріи былъ явно вытѣсненъ коническими или щипце-

видными формами, при которыхъ требуемый отпечатокъ могъ быть сдѣланъ однимъ движеніемъ руки. Однако, кто сталъ бы утверждать, что Сирійцы находились подъ вліяніемъ Ассиріи? Я не говорю, что здѣсь въ отношеніи вліяній не было взаимности. Въ высшей степени вѣроятно, что она существовала. Нижняя Месопотамія была очагомъ значительной культуры, по крайней мѣрѣ столь же древней, какъ и эгейская, и разъ сношенія между обѣими областями черезъ сирійскихъ или египетскихъ посредниковъ установились, то вліянія Вавилона должны были чувствоваться даже на Критѣ. Однако, балансъ склоняется въ пользу эгейскаго вліянія. Мы болѣе не принимаемъ безъ оговорокъ старое изреченіе «ex Oriente lux!»

Сказаннымъ ограничимся по поводу древнѣйшихъ данныхъ, свидѣтельство которыхъ клонится къ тому, что туземная независимая цивилизація очень высокаго порядка, развившаяся въ тѣсномъ соприкосновеніи съ восточными цивилизаціями, въ теченіе вѣковъ пропитывала Эгейскую область, черезъ которую, какъ предполагается, прошли въ Азію іонійскіе колонисты. Пойдемъ далѣе и попытаемся выяснить, пережили-ли традиціи и вліянія этой цивилизаціи то время, которое обыкновенно разсматривается, какъ конецъ эгейскаго вѣка, особенно въ той части материковой Греціи, откуда вышла іонійская эмиграція. Свѣдѣнія о состояніи Эгейской области въ такъ называемомъ темномъ вѣкѣ до сихъ поръ еще очень скудны и не приведены въ порядокъ. Этотъ вѣкъ разсматриваютъ обыкновенно, какъ результатъ слѣдовавшихъ одно за другимъ вторженій въ область старой и уже падавшей эгейской культуры сравнительно не культурныхъ, искусно владѣвшихъ желѣзнымъ оружіемъ сѣверныхъ племенъ. Повидимому, самымъ позднимъ и наиболѣе сильнымъ по дѣйствію вторженіемъ было дорійское. Этотъ періодъ отчасти съ Крита, отчасти изъ Спарты получилъ нѣкоторое новое, хотя и довольно тусклое освѣщеніе, съ которымъ полезно познакомиться прежде, чѣмъ окончательно обратиться къ іонійской части Греціи.

Изслѣдованіе Т. Эвансомъ позднѣйшихъ остатковъ Кносскаго дворца вмѣстѣ съ остатками расположеннаго къ западу меньшаго зданія и предметами, содержавшимися въ расположенномъ къ сѣверу большомъ кладбищѣ, погребенія котораго относились какъ ко времени разрушенія дворца, такъ и къ послѣдующему, имѣютъ своимъ результатомъ слѣдующее. Въ концѣ такъ называемаго второго поздняго минойскаго періода, т. е. около 1400 г. до Р. Х., въ Кноссѣ несомнѣнно имѣла мѣсто катастрофа, слѣдствіемъ которой было общее разрушеніе. Добавимъ, что подобныя катастрофы произошли, повидимому, болѣе или

менѣе одновременно и во всѣхъ другихъ изслѣдованныхъ до сихъ поръ важныхъ критскихъ мѣстахъ поселенія. Но Кносскій дворецъ и меньшее зданіе къ западу отъ него были впослѣдствіи отчасти возстановлены и снова заняты людьми, которые продолжали пользоваться линейнымъ минойскимъ письмомъ и употреблять домашніе и иные предметы, развившіеся по прямой линіи всецѣло изъ формъ, существовавшихъ до катастрофы. Дѣствительно, минойская культура въ то время еще не участвовала и не была въ значительной степени замѣнена или даже заражена какой-либо другой критской культурой, хотя все время шло воспринятіе египетскаго вліянія, и появились въ небольшомъ количествѣ сѣверные типы оружія совмѣстно съ сѣвернымъ же типомъ жилищъ. Въ самое послѣднее время ученый ассистентъ-производитель раскопокъ въ Кноссѣ, д-ръ Дункаль Мэкензи указалъ въ своемъ очень интересномъ и, въ общемъ, убѣдительномъ трудѣ, что объясненіе такой культурной непрерывности на Критѣ, доходящей до конца бронзоваго вѣка, слѣдуетъ искать въ той вѣроятности, что разрушителями минойскихъ дворцовъ около 1400 г. до Р. Х. были не сѣверные «варвары», но сопричастныя эгейской цивилизаціи племена, ушедшія съ материка подъ давленіемъ сѣвернаго нашествія. Находясь въ расовомъ родствѣ съ критскими Эгейцами, эти выходцы водворились послѣ низверженія Минойской династіи, не нарушая и не измѣняя теченія критскаго художественнаго развитія. Лишь въ значительно болѣе позднихъ мѣстахъ поселенія мы впервые находимъ кое-какія указанія на новый культурный элементъ на Критѣ. Такъ, эти указанія встрѣчаются въ нѣкоторыхъ могилахъ, относящихся, повидимому, къ зарѣ желѣзнаго вѣка. Мы замѣчаемъ, что здѣсь появляется не только желѣзо, но также и фибула (fibula), или, скорѣе, фасонъ платья, требовавшій для закрѣпленія употребленіе фибулъ, и практикуется сжиганіе труповъ. Въ связи съ оружіемъ не древнѣйшихъ критскихъ формъ, а континентальныхъ европейскихъ типовъ, въ указанныхъ могилахъ, расположенныхъ въ восточной части Крита, были найдены нѣкоторыя гончарныя издѣлія, опредѣленныя уже производителями раскопокъ въ Палэокастро, какъ болѣе позднія, чѣмъ самыя позднія минойскія.

Рядомъ съ болѣе древними эгейскими рисунками и формами на этихъ издѣліяхъ появляется новый геометрическій элементъ украшеній. По мнѣнію д-ра Мэкензи, эти могилы съ ихъ гончарными издѣліями должны быть приписаны первымъ «эллинскимъ» поселенцамъ, которые появились въ началѣ желѣзнаго вѣка и, вѣроятно, были Ахейцами. Почти неожиданно съ

тѣхъ поръ геометрическій стиль дѣлается повсюду преобладающимъ, а континентальные типы оружія перестаютъ быть исключеніемъ. Этотъ дальнѣйшій шагъ, можетъ быть, слѣдуетъ приписать послѣдующей и окончательной волнѣ иммиграціи, которую мы называемъ дорійской. Но, имѣя въ виду мою настоящую цѣль, я настаиваю главнѣйше на слѣдующемъ обстоятельствѣ. Минойскія формы и декоративные узоры имѣютъ преобладающее значеніе даже въ совершенно «дорійскихъ» геометрическихъ издѣліяхъ Крита. Безошибочно можно наблюдать, что они продолжали существовать въ теченіе всего бронзоваго вѣка и вступили въ желѣзный, переживъ послѣдовательныя вторженія на островъ материковыхъ эгейскихъ народовъ, Ахейцевъ и Дорійцевъ. На Критѣ, во всякомъ случаѣ, эллинскій періодъ получилъ начало въ колыбели минойскихъ традицій; даже если бы воспоминанія эгейской культуры нигдѣ болѣе не сохранились,—что представляется неразумнымъ предположеніемъ,—даже въ этомъ случаѣ всякій, кто впредь будетъ разбирать вопросъ о происхожденіи эллинизма, долженъ принимать въ соображеніе тотъ фактъ, что на большомъ эгейскомъ островѣ, расположенномъ въ виду Пелопоннеса, эти воспоминанія упорно держались съ значительной жизненностью долгое время послѣ самой поздней даты, предполагаемой для отплытія іонійскихъ переселенцевъ въ Азію.

Обращаюсь теперь къ Спартѣ, хотя и съ недовѣріемъ, въ виду того, что результаты работъ послѣдней кампаніи, да и многіе изъ результатовъ прежнихъ кампаній до сихъ поръ опубликованы лишь въ суммарномъ видѣ. Вы знаете, что въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ Британская Аѳинская школа производила изслѣдованія въ святилищѣ Артемиды-Орѳіи, извѣстномъ, какъ мѣсто, гдѣ производилось бичеваніе лаконскихъ мальчиковъ. Изслѣдователи спускались отъ слоя къ слою, уничтожая по мѣрѣ своего движенія послѣдніе слѣды такъ долго выставлявшагося противъ Спарты упрека въ пренебрежительномъ отношеніи къ изящнымъ искусствамъ. Какъ оказывается теперь, эти типичные Дорійцы не только обладали въ шестомъ вѣкѣ до Р. Х. своей мѣстной школой довольно суровой скульптуры, немногіе образцы которой давно уже извѣстны, но даже еще ранѣе занимались рѣзьбой по слоновой кости, которая была столь-же прекрасна, какъ и всякая иная современная, и работали по бронзѣ, глинѣ и твердому камню съ искусствомъ, не уступавшимъ лучшимъ образцамъ ихъ времени. Если дѣйствительно оправдается заключеніе, составленное на основаніи послѣднихъ спартанскихъ отчетовъ, что вазы, давно извѣстныя подъ названіемъ «Киренаикскихъ», въ дѣй-

ствительности были произведеніями спартанскаго искусства, развившагося изъ болѣе древнихъ мѣстныхъ издѣлій «оріентализующаго» типа, сходнаго съ древнимъ коринѳскимъ, то окажется, что въ седьмомъ вѣкѣ Дорійцы стояли впереди всѣхъ греческихъ производителей гончарныхъ издѣлій и сбывали свои произведенія даже въ Египетъ.

Сказаннымъ исчерпывается все то, что, повидимому въ состояніи былъ выполнить Доріецъ въ восьмомъ и седьмомъ столѣтіяхъ. Однако, мы можемъ теперь прослѣдить его исторію еще далѣе. Древнѣйшей постройкой въ оградѣ Орѳіи являются остатки храма изъ сырцоваго кирпича съ деревяннымъ остовомъ, крыша котораго поддерживалась одной осевой колоннадой. Изслѣдователи, открывшіе эту постройку, относятъ ее къ девятому вѣку до Р. Х. А такъ какъ подобный примитивный типъ обнаруженъ также въ эллинской Азіи, а именно въ Неандріи, въ эолійской Троадѣ, то оказывается, что уже въ столь раннее время существовала нѣкоторая общность преданій между Европой и Азіей въ наиболѣе строгой и консервативной области архитектуры, а именно въ области священныхъ зданій. Къ древнѣйшему храму долженъ быть отнесенъ и близлежащій большой алтарь жертвоприношеній, имѣющій такую-же оріентировку. Около основаній его были найдены зарытыми многочисленные вотивные предметы, изъ которыхъ наиболѣе примитивные должны быть отнесены къ столь-же отдаленной эпохѣ; къ нимъ слѣдуетъ присоединить также содержимое слоевъ той-же давности изъ одного-двухъ сосѣднихъ мѣстъ. Такимъ образомъ, мы получили впервые рядъ документовъ, характеризующихъ искусство материковой вѣтви эллинской расы въ девятомъ вѣкѣ до Р. Х. Они состоятъ, главнымъ образомъ, изъ расписныхъ гончарныхъ издѣлій, пластинчатыхъ фибулъ изъ слоновой или простой кости и бронзовыхъ носильныхъ предметовъ, особенно фибулъ. Поскольку можно воспользоваться предварительнымъ опубликованіемъ ихъ, разсмотримъ, какія указанія они даютъ намъ относительно вліяній, которыя могло имѣть дорійское искусство.

Гончарныя издѣлія древнѣйшаго дорійскаго производства принадлежатъ къ геометрическому классу. Они очень просты по украшеніямъ и имѣютъ своей ближайшей параллелью нѣкоторыя геометрическія издѣлія, найденныя на противоположномъ берегу Адріатики, въ средней и южной Италіи. Геометрическій орнаментъ столь простого вида не можетъ дать намъ полезныхъ указаній о происхожденіи, и подобныя сочетанія линій и изгибовъ, безъ сомнѣнія, часто возникали самостоятельно въ различныхъ областяхъ. Въ

виду того, что я самъ не видѣлъ тѣхъ черепковъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, я рѣшаюсь сказать только, что изданныя уже изображенія, по моему мнѣнію, не исключаютъ такой-же теоріи частичнаго происхожденія отъ какого-либо поздняго эгейскаго «Bauernstil»'я, какая, несомнѣнно, примѣнима къ критскому геометрическому стилю. Поздніе эгейскіе черепки были найдены, какъ оказывается, на мѣстѣ Амиклеума, а лаконскіе геометрическіе черепки лежатъ, повидимому, непосредственно надъ ними. То обстоятельство, что эгейскіе черепки или иные эгейскіе предметы не были найдены на мѣстѣ самого святилища Орѳіи, доказываетъ только то, что въ болѣе раннемъ періодѣ Лаконіи оно не служило святилищемъ или мѣстомъ жительства.

Пластинки фибулъ изъ слоновой кости болѣе поучительны. Изданныя древнѣйшія изъ нихъ неоднократно повторяютъ обычные эгейскіе мотивы, трактованные, однако, въ болѣе восточной манерѣ, чѣмъ та, которая была свойственна эгейскимъ художникамъ, и съ новой, не имѣющей ни эгейскаго, ни восточнаго характера, тяжеловѣсностью и грубостью стиля. Онъ очень ясно напоминаетъ мнѣ стиль болонскихъ situlae, большихъ чеканныхъ бронзовыхъ ведеръ періода Виллановы, а также стиль нѣкоторыхъ предметовъ среди идейскихъ бронзъ Крита. Я могъ бы предложить слѣдующій выводъ, хотя и съ извиненіемъ за то, что вообще берусь спѣшно дѣлать какой-либо выводъ, не осмотрѣвъ лично разбираемыхъ предметовъ и имѣя въ своемъ распоряженіи не болѣе свѣдѣній, чѣмъ сколько даютъ предварительные отчеты о раскопкахъ. Два новыя вліянія оказывали свое воздѣйствіе на остатки эгейской культуры, сохранившейся среди подчиненнаго эгейскаго населенія Лаконіи съ того періода, къ которому относится сооруженіе могилъ Вафіо и Кампоса. Наименьшее по значенію вліяніе оказали финикійскіе купцы, посѣщавшіе берега Пелопоннеса, согласно повѣствованію Гомеровскихъ поэмъ и греческаго преданія, послѣ паденія минойскаго морского могущества. Это вліяніе вдохновлялось, въ концѣ концовъ, месопотамскимъ искусствомъ, но черезъ посредство второстепенной хиттитской культуры сѣверной и центральной Сиріи. Болѣе сильное вліяніе вступило вмѣстѣ съ сѣверными, пользовавшимися желѣзомъ, переселенцами, ранѣе принимавшими участіе въ важной культурѣ бронзоваго вѣка придунайскихъ странъ. Объ этой культурѣ мы еще будемъ говорить подробнѣе. Здѣсь достаточно указать, что, судя по ея остаткамъ, она была такъ широко распространена по всей Балканской области и поперекъ широкаго перешейка между Альпами и Чернымъ моремъ, что было бы непонятно, если бы какіе-либо переселенцы, шедшіе съ сѣвера въ началѣ желѣзнаго вѣка, могли не

быть причастными къ ней или, по крайней мѣрѣ, не находиться подъ ея вліяніемъ. Эта культура, несомнѣнно, отвѣтственна за сѣверный элементъ въ культурѣ Виллановы въ сѣверной Италіи и такъ же несомнѣнно отвѣтственна за тотъ фактъ, что ни одна изъ двухъ большихъ сѣверныхъ волнъ, которыя послѣдовательно обрушились на Пелопоннесъ, не состояла изъ варваровъ. Какъ гомеровскіе Ахейцы, такъ и историческіе Дорійцы Спарты должны были внести съ собою и духъ искусства, и привычку къ нему. Но, насколько намъ извѣстно, ни тѣ, ни другіе у себя на сѣверной родинѣ не произвели ничего хотя-бы приблизительно столь-же прекраснаго, какъ упомянутыя древнѣйшія спартанскія издѣлія изъ слоновой кости. Какъ только они осѣли на югѣ, послѣдовалъ изумительно быстрый успѣхъ въ развитіи ихъ способностей, что мы можемъ приписать только воспитанію ихъ подъ вліяніемъ родственной утонченной, хотя и упадочной, культуры болѣе древняго туземнаго населенія. Я не буду долѣе останавливаться на этой захватывающей темѣ; однако, я могу еще напомнить вамъ, что греческое преданіе всегда считало лаконское населеніе разнороднымъ и состоящимъ въ большой степени изъ порабощенныхъ элементовъ, и что, согласно недавнимъ изслѣдованіямъ Мейстера, настоящій дорійскій діалектъ не былъ въ употребленіи въ большей части Лаконіи.

Наконецъ, фибулы въ большой степени подтверждаютъ присутствіе сильнаго сѣвернаго элемента въ ранней спартанской культурѣ. Онѣ въ значительномъ большинствѣ имѣютъ форму соединенныхъ колецъ, или «очковъ», которая обычна для дунайскихъ отложеній бронзоваго вѣка, но не извѣстна среди чисто эгейскихъ остатковъ. Въ другихъ бронзовыя кольца замѣнены вырѣзанными изъ кости въ подобную-же форму пластинками. Такія фибулы также встрѣчаются въ дунайскихъ мѣстностяхъ, особенно въ Босніи, но въ эгейскихъ земляхъ существованіе ихъ до наступленія геометрическаго послѣ-эгейскаго періода не доказано. Я нашелъ два экземпляра ихъ въ самомъ позднемъ слоѣ Диктейской пещеры на Критѣ; онѣ попадались также въ большомъ количествѣ въ слояхъ фундаментовъ Эфесскаго Артемизія, относящихся къ восьмому вѣку.

Теперь я дѣлаю слѣдующій общій выводъ. Дорійское искусство въ Лаконіи было обязано своимъ существованіемъ оживленію художественныхъ инстинктовъ болѣе древняго эгейскаго населенія послѣдовательными рядами иммигрантовъ, вышедшихъ изъ области той дунайской культуры бронзоваго вѣка, которая, хотя и родственная, не достигла даже приблизительно высоты развитія эгейскаго искусства и не была столь сильно истощена. Дальнѣйшій толчекъ былъ данъ скорѣе, пожалуй, Ахейцамъ, чѣмъ Дорійцамъ, благодаря сноше-

ніямъ съ Финикійцами, привозившими на побережье подражанія произведеніямъ искусства сѣверной Сиріи или самыя эти произведенія. Однако, старое эгейское населеніе, вѣроятно, исчезло, и его художественное вліяніе постепенно перестало быть замѣтнымъ. Вслѣдствіе этого замѣчательное дорійское искусство эпохи отъ девятаго до шестого столѣтій въ пятомъ вѣкѣ исчезло, и съ того времени впредь спартанская культура, какъ намъ сообщаютъ позднѣйшіе изслѣдователи, дѣйствительно сдѣлалась не художественной, т. е. такой, какой, по нашимъ предположеніямъ, существовавшимъ до послѣдняго времени, она была съ самаго начала.

Обратимся, наконецъ, къ Іонійцу Аттики. Здѣсь имѣется стойкое предположеніе, что его древнѣйшая исторія была болѣе или менѣе одинакова съ таковою-же исторіею Дорійца: греческое преданіе производило его отъ тѣхъ-же первоначальныхъ предковъ и изъ той-же родины; а греческое преданіе о началѣ Грецiи, нужно замѣтить, въ послѣднее время довольно замѣтно оправдалось. Мы можемъ питать къ нему довѣріе настолько, чтобы принять, что сѣверные иммигранты спустились въ Аттику и на сосѣдніе берега въ началѣ историческаго періода и что они состояли въ близкомъ родствѣ съ Дорійцами, которые были увлечены на югъ подъ вліяніемъ болѣе или менѣе однородныхъ причинъ, каковъ бы ни былъ ихъ характеръ. Далѣе мы можемъ принять, что они, вступивъ въ сферу тѣхъ-же самыхъ культурныхъ вліяній центральной части юго-восточной Европы, ни въ коемъ случаѣ не были варварами въ то время, когда они окончательно спустились на эллинскій полуостровъ, но обладали особенно подходящей подготовкой для пониманія и усвоенія всего того, что оставалось отъ первобытной высокой цивилизаціи эгейской области.

Однако, соотношенія обоихъ элементовъ, изъ которыхъ сложилось историческое населеніе Аттики, повидимому, не были тѣми-же, что и въ Лаконіи. Основываясь на авторитетѣ Ѳукидида, мы знаемъ, что высшій классъ аѳинскаго общества, къ которому онъ принадлежалъ, производилъ себя отъ мѣстнаго первобытнаго племени; а имѣя въ виду то, какъ именно Ѳукидидъ объ этомъ говоритъ, мы, естественно, можемъ заключить, что эта претензія составляла, среди Эллиновъ, особенность аттическихъ Іонійцевъ и что она признавалась эллинскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Въ Лаконіи-же, повидимому, произошло обратное явленіе. Господствующій классъ составился изъ иммигрантовъ, тогда какъ подчиненные классы періиковъ и илотовъ, вѣроятно, представляли болѣе древнее населеніе. Археологическія данныя указываютъ,

что въ Аттической области сохранилъ существованіе необычайно поздній и сильный отпрыскъ эгейской культуры, который по имѣющимся признакамъ подвергался въ необычайной степени какому-то восточному вліянію. Мнѣ достаточно лишь напомнить тѣмъ, которые изучали «микенскіе» остатки, о могилахъ Спаты съ ихъ своеобразными въ высшей степени издѣліями изъ слоновой кости, намекающими на какое-то искусство западной Азіи и вызывающими на сравненіе даже съ Лэярдовскими Нимрудскими предметами изъ слоновой кости. Судя по литому стеклу и гончарнымъ издѣліямъ изъ этихъ могилъ, онѣ датируются, повидимому, даже болѣе позднимъ временемъ, чѣмъ такъ называемый Кносскій «періодъ реоккупаціи», и принадлежатъ, вѣроятно, самому концу бронзоваго вѣка. Позвольте мнѣ въ то-же время напомнить Вамъ о находящемся въ Британскомъ музеѣ «кладѣ съ одного изъ греческихъ острововъ», найденномъ въ дѣйствительности на Эгинѣ. И въ этомъ случаѣ мы имѣемъ въ іонійской области очень тонкую работу еще болѣе поздняго послѣ-эгейскаго стиля, для котораго г. Эвансъ, издавая этотъ кладъ нѣсколько лѣтъ назадъ, предположилъ эпоху восьмого или девятаго вѣка. Подобно болѣе древнимъ поздне-эгейскимъ предметамъ Аттики, эти предметы также представляютъ признаки восточнаго вліянія, какъ, напр., египетскихъ мотивовъ, перелитыхъ, по выраженію г. Эванса, въ болѣе восточную форму, а также замѣтные слѣды родства съ искусствомъ болѣе поздняго дунайскаго бронзоваго вѣка.

Однако, въ связи съ ранней эллинской Аттикой не слѣдуетъ забывать принимать въ соображеніе указанія сравнительно богатаго мѣстнаго геометрическаго искусства, слѣдовавшаго за упадкомъ позднѣйшей эгейской культуры. Мало сомнѣній можетъ быть относительно того, что такъ называемое «дипильское» искусство представляло характерный ранній стиль смѣшаннаго населенія этой части Греціи и что оно было обязано сѣверному вліянію въ большей степени, чѣмъ переживанію эгейскихъ художественныхъ традицій, хотя эти послѣднія имѣли нѣкоторое значеніе въ его формахъ и орнаментаціи. На основаніи этого факта долженъ быть сдѣланъ естественный выводъ, что въ Аттикѣ сѣверный элементъ былъ даже болѣе многочисленнымъ, чѣмъ въ Лаконіи. Но если придать должное значеніе преданію объ аристократической автохтоніи въ Аѳинахъ, то необходимо предположить, что здѣсь древнѣйшее населеніе не столько было подчинено пришельцамъ, сколько въ большинствѣ переселилось. Быть можетъ, сначала оно, будучи гораздо болѣе многочисленнымъ, пыталось удержаться на своей почвѣ совмѣстно съ менѣе много-

численными, но болѣе сильными иммигрантами. Однако, тощая почва Аттики не была въ состояніи долго выдержать подобную прибыль населенія, и слабѣйшіе элементы въ скоромъ времени оказались припертыми къ стѣнѣ или, вѣрнѣе, устремились къ морю. Такъ мы могли бы объяснить то «переполненіе Аѳинъ», которое, какъ утверждаетъ греческое преданіе, имѣло своимъ результатомъ іонійское переселеніе, и притти къ логическому выводу, что главная составная часть «іонійскаго» населенія, отплывшаго къ востоку, принадлежала къ эгейской расѣ и унесла съ собой въ Азію эгейскія традиціи.

Однако, нѣкоторый элементъ сѣверныхъ выходцевъ долженъ былъ участвовать въ этомъ переселеніи или, по крайней мѣрѣ, они должны были произвести уже какую-то большую перемѣну въ древнѣйшемъ населеніи еще до его эмиграціи. Дѣйствительно, не допуская примѣси новой крови, Вы еще менѣе удовлетворительно сумѣете объяснить все то, что этимъ Іонійцамъ суждено было исполнить въ Азіи, чѣмъ объясните раннее дорійское искусство въ Лаконіи, если будете отрицать присутствіе здѣсь эгейской подпочвы и станете приписывать все сѣвернымъ иммигрантамъ, которые не оставили на сѣверѣ никакихъ слѣдовъ такого художественнаго дарованія, какое обнаруживаютъ древнѣйшія дорійскія издѣлія Лаконіи. Безъ сомнѣнія, совершенно вѣрно, что многое болѣе древнее и, если угодно, «до-эллинское», снова всплывъ на поверхность въ Элладѣ послѣ волненій великихъ переселеній, опредѣлило въ немалой степени не только развитіе эллинскаго искусства, но также религіозныя и политическія идеи эллинской общественной жизни. Но никогда не слѣдуетъ упускать изъ вида, что эгейская цивилизація, очевидно, была въ упадкѣ въ то время, когда употреблявшіе желѣзо народы впервые затронули ея область, и что въ качествѣ опредѣленной культуры она ушла въ сѣмена будущаго и угасла. Мы знаемъ, что ростъ ея продолжался очень долгое время, но оно, долгое или короткое, прошло, и если ей суждено было воскреснуть, то это могло случиться лишь послѣ новаго оплодотворенія.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для возрожденія цивилизаціи, можетъ быть, не требуется ничего болѣе, кромѣ новаго внѣшняго соприкосновенія съ иностранцами. Въ настоящее время мы, повидимому, наблюдаемъ примѣръ этого на Японіи. Если бы мы были готовы сразу не признавать греческаго генеалогическаго преданія и приписывать финикійскимъ Семитамъ цивилизацію въ гораздо большей степени независимую, живую и динамическую, чѣмъ позволяютъ историческія данныя, то можно было бы утверждать, что они дали

жизнь іонійскому искусству на почвѣ эгейской культуры старой Аттики. Дѣйствительно, представляется несомнѣннымъ, что въ этомъ темномъ вѣкѣ вслѣдствіе упадка эгейскаго морского могущества произошло расширеніе Семитовъ и что единственнымъ сравнительно свѣжимъ вліяніемъ Востока, которое мы можемъ прослѣдить въ это время до береговъ материковой Эллады, было финикійское. Однако, не только возраженія, на которыя я только что указывалъ, а именно, возникающія вслѣдствіе греческаго преданія и извѣстнаго характера финикійской цивилизаціи, являются очень сильными; кромѣ того, даже Японія не оправдываетъ нашего предположенія, что цивилизація, отличавшаяся столь продолжительнымъ и полнымъ ростомъ, какъ эгейская, путемъ простого соприкосновенія съ чуждой культурой могла быть снова оплодотворена такъ, чтобы дать новый расцвѣтъ, хоть сколько-нибудь подобный по свѣжести и силѣ іонійскому. Повидимому, удовлетворительно объяснить факты можно единственно лишь введеніемъ свѣжей крови сильнаго народа, вновь прибывшаго изъ болѣе укрѣпляющаго климата, но долгое время подвергавшагося воздѣйствію культуры, родственной культурѣ древняго народа въ достаточно близкой степени для того, чтобы между ними обѣими существовало готовое сочувствіе. При другихъ обстоятельствахъ, по всей вѣроятности, долженъ былъ бы послѣдовать періодъ дезинтеграціи, слишкомъ долгій и суровый для того, чтобы болѣе древній и болѣе слабый народъ вообще сохранилъ свою силу, и чтобы новый расцвѣтъ высшихъ искусствъ произошелъ хотя приблизительно такъ быстро, какъ случилось съ эллинскимъ расцвѣтомъ въ Іоніи.

Я думаю, что въ настоящее время не найдется ни одного здравомыслящаго историка, который рѣшился бы отбросить греческое преданіе въ вопросѣ о происхожденіи іонійской цивилизаціи. Мы должны признать, что она въ нѣкоторой и даже въ большой степени обязана колонистамъ, прибывшимъ съ Запада въ теченіе приблизительно одного и того же періода, недалекаго отъ начала перваго тысячелѣтія до Р. Х. Болѣе этого греческое преданіе ничего не сообщаетъ. При тщательномъ сравненіи его указаній окажется, что нѣкоторое значеніе оно придаетъ также народамъ, ранѣе обосновавшимся въ Азіи, и не-эллинскимъ цивилизаціямъ. Подробнѣе объ этомъ мы будемъ говорить въ одной изъ слѣдующихъ лекцій. Въ настоящее время мнѣ достаточно возможности признать, что нѣкіе Іонійцы имѣли пребываніе въ восточной Элладѣ еще ранѣе существованія самой Іоніи и что при переходѣ въ Азію они имѣли гораздо болѣе опредѣленное культурное развитіе, чѣмъ простой «врожденный инстинктъ гуманизма». Далѣе, является въ высшей степени правдоподобнымъ,

что они сами представляли расовую смѣсь, одинъ элементъ которой, наиболѣе сильный, но гораздо менѣе многочисленный, сравнительно недавно вышелъ изъ юго-восточной части центральной Европы, гдѣ онъ принималъ участіе въ весьма значительной культурѣ бронзоваго вѣка, тогда какъ другой элементъ, составлявшій численное большинство, являлся по происхожденію и наслѣдственности представителемъ одной изъ наиболѣе передовыхъ предшествовавшихъ культуръ міра, такой, которая, находясь долгое время въ тѣсномъ общеніи съ «живымъ Востокомъ», ввела въ свою систему не малую долю соціальнаго прогресса Востока. То, что Іоніецъ захватилъ съ собой въ Іонію, было смѣсью дунайской и эгейской культуръ. Это могло дать свѣжій расцвѣтъ на новой почвѣ, открытой для жизненныхъ вліяній Востока въ большей степени, чѣмъ всякая иная, на которой процвѣтала каждая изъ этихъ культуръ до того времени. Въ отношеніи іонійской цивилизаціи «чудеснаго» не существуетъ, но многое еще должно быть объяснено.

Лекція III.

Іонія.

Подводя въ моемъ введеніи итоги знаніямъ, существовавшимъ до 1900 г. относительно происхожденія іонійской цивилизаціи, я указалъ, что наиболѣе серіозное затрудненіе въ опредѣленіи его слагаемыхъ возникало вслѣдствіе недостатка археологическихъ данныхъ объ Іоніи до Іонійцевъ. Къ сожалѣнію, это затрудненіе и до сего времени мало уменьшилось. Если тогда разрушенный курганъ около древней эолійской Смирны, извѣстный подъ именемъ могилы Тантала, и нѣкоторые грубые и наполовину погребенные слѣды первобытнаго поселенія и твореній рукъ человѣческихъ, открытые около него и на горѣ за нимъ, представляли темное и единственное свидѣтельство о до-іонійскомъ и прото-іонійскомъ населеніи самой Іоніи, то и нынѣ свидѣтельство ихъ проливаетъ не болѣе свѣта. Дѣйствительно, они не были изслѣдованы вновь, а также нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не было обнаружено чего-либо, имѣющаго къ нимъ отношеніе. Пока не будутъ произведены научныя раскопки и не будутъ найдены черепки и другіе мелкіе предметы либо въ этомъ самомъ курганѣ, либо въ поселеніи около него, до того времени останется подъ полнымъ сомнѣніемъ, къ какому народу и времени онъ долженъ быть отнесенъ. Возможно, что онъ былъ сооруженъ такой прото-іонійской расой, какъ Ѳрако-фригійцы или Лелеги, или былъ дѣломъ рукъ либо Каппадокійцевъ, либо Лидійцевъ, либо какихъ-нибудь иныхъ народовъ, которымъ принадлежатъ скульптуры на окрестныхъ скалахъ Кара-Беля около Нимфи; возможно также, что этотъ курганъ вовсе не до-іонійскаго происхожденія. Во всякомъ случаѣ, скульптуры на скалахъ Нимфи и Сипила являются для насъ наиболѣе важными вещественными памятниками до-іонійской цивилизаціи либо туземнаго, либо иностраннаго происхожденія въ средней части прибрежной полосы западной Малой Азіи.

Я вскорѣ еще вернусь къ нимъ. Литературное свидѣтельство греческихъ преданій и взглядовъ по разсматриваемому вопросу содержитъ болѣе намековъ, чѣмъ точныхъ указаній. Гомеръ не упоминаетъ ни объ одномъ городѣ на западномъ берегу материка, какъ о греческомъ; онъ указываетъ на Милетъ, какъ городъ «на варварскомъ языкѣ говорящихъ Карійцевъ». Однако, нѣкоторые изъ южныхъ острововъ присоединяются къ ахейскимъ силамъ; въ частности, на Родосѣ Линдъ, Ялисъ и Камиръ являются, какъ города предположительно греческіе.

Но никогда нельзя полагаться на молчаніе Гомера. Существуетъ большое основаніе сомнѣваться въ томъ, что творцы гомеровскихъ пѣсенъ имѣли много познаній о какой-либо иной части Малой Азіи, кромѣ крайняго сѣверо-востока ея. Я это говорю съ полнымъ сознаніемъ того, что этимъ пѣснямъ нерѣдко приписывалось іонійское происхожденіе. Однако, эта теорія противорѣчитъ множеству внутреннихъ указаній ихъ. Слогъ пѣсенъ, географическія знанія ихъ творцовъ, соціальное положеніе и традиціонныя отношенія главныхъ дѣйствующихъ лицъ, все это указываетъ на западное происхожденіе. Тѣ свѣдѣнія объ Азіи, которыми располагали эпическіе авторы, пріобрѣтены были ими, по всей вѣроятности, косвеннымъ путемъ отъ участниковъ нашествій на побережье ея, подобныхъ тому, котораго касается сама Иліада. Дальнѣйшія свѣдѣнія могли быть получены отъ странствующихъ ахейскихъ племенъ, подобныхъ тѣмъ Aquaywâsa, которые при нападеніи на Египетъ около 1180 г. до Р. Х. присоединились къ другимъ «народамъ моря». Но эти свѣдѣнія не были обширными. Тѣмъ не менѣе, эпическіе авторы имѣли достовѣрныя свѣдѣнія о Милетѣ, по крайней мѣрѣ, какъ о городѣ существующемъ, городѣ Карійцевъ, которые говорили на неизвѣстномъ Ахейцамъ языкѣ и были свѣдущи въ такомъ деликатномъ искусствѣ, какъ раскрашиваніе слоновой кости.

Въ виду сказаннаго представляется интереснымъ обратиться къ самому мѣстонахожденію Милета и разобрать, насколько раскопки, продолжавшіяся здѣсь съ 1900 г. д-ромъ Теодоромъ Вигандомъ для Берлинской Академіи Наукъ, освѣтили вопросъ о карійскомъ происхожденіи города. Подобно многимъ другимъ германскимъ раскопкамъ въ Малой Азіи, и это изслѣдованіе главнымъ образомъ имѣло въ виду архитектурныя цѣли и поэтому ограничивалось въ большой части мѣстоположенія очисткой развалинъ наиболѣе важныхъ общественныхъ зданій римской императорской эпохи. Но въ немногихъ пунктахъ изслѣдователю удалось проникнуть ниже и вскрыть остатки болѣе древняго времени; именно, это было въ небольшомъ святилищѣ Аѳины и около

него; основаніе его относится по меньшей мѣрѣ къ седьмому вѣку до Р. Х., но, вѣроятно, еще къ болѣе раннему времени. Здѣсь, насколько я понимаю, имѣя въ виду отсутствіе до сего времени полнаго изданія раннихъ остатковъ, изслѣдователь обнаружилъ нѣкоторые слѣды доисторическихъ построекъ и небольшое количество фрагментовъ эгейскихъ вазъ, найденныхъ на материкѣ. Мнѣ не довелось ихъ видѣть, но г. Cecil Smith, которому это удалось, подтверждаетъ ихъ эгейскій характеръ. Я полагаю, что они принадлежатъ очень поздней эпохѣ; д-ръ Вигандъ называетъ ихъ «spätmykenisch». Вѣроятно, они не древнѣе вазъ изъ Ялиса на Родосѣ или изъ Ассарлика въ Каріи, которыя, въ соединеніи съ желѣзнымъ оружіемъ, представляютъ самый конецъ эгейскаго періода. Однако, эти черепки, какъ бы то ни было, свидѣтельствуютъ о существованіи на мѣстѣ Милета поселенія болѣе древняго, чѣмъ принятая дата іонійской колонизаціи.

Все это представляетъ очень незначительныя вещественныя данныя; можно было надѣяться на гораздо большее. Но, насколько можно судить по этимъ черепкамъ, они ясно подтверждаютъ сдѣланный на основаніи Гомера выводъ о существованіи культурнаго Милета еще до появленія Іонійцевъ, выводъ, кромѣ того, согласующійся съ указаніемъ, которое имѣется въ разсказѣ Геродота относительно карійскихъ женъ первыхъ греческихъ поселенцевъ. Существуютъ также другіе намеки на до-іонійскихъ Карійцевъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя впослѣдствіи должны были образовать іонійскую территорію; напримѣръ, согласно Павсанію, Андроклъ со своей толпой колонистовъ нашелъ такихъ обитателей вмѣстѣ съ Лелегами и Лидійцами въ священномъ мѣстѣ около эфесскаго «ἱερόν». Мы не имѣемъ надобности въ попыткѣ дать здѣсь отвѣтъ на вопросъ, кто были эти Карійцы. Рамзэй и другіе показали, что извѣстное подъ этимъ именемъ историческое племя составляли по крайней мѣрѣ два элемента, изъ которыхъ одинъ былъ индо-европейскимъ; существовало также прочное греческое преданіе, связывавшее Карійцевъ съ раннимъ Критомъ и до-эллинскимъ періодомъ на Кикладахъ. Для насъ въ настоящее время достаточно того, что они существовали какъ цивилизованное, повидимому, племя, на западно-центральномъ побережьѣ Анатоліи еще до прибытія первыхъ іонійскихъ переселенцевъ. Если результаты раскопокъ въ Милетѣ, Ассарликѣ и Ялисѣ должны имѣть какое-нибудь значеніе, то слѣдуетъ заключить, что эгейская культура самаго поздняго періода бронзоваго вѣка коснулась ихъ или, можетъ быть, была ими внесена.

Если бы мы могли быть болѣе увѣрены въ большой древности библей-

скихъ упоминаній объ Яванахъ, то мы должны были бы предположить, что имя Іонійцевъ было извѣстно въ Азіи ранѣе іонійскаго переселенія. А въ такомъ случаѣ болѣе ранніе переселенцы должны были принести его черезъ проливы. Но нѣтъ необходимости настолько отдалять его. Первое библейское указаніе, къ которому мы можемъ питать нѣкоторое довѣріе, имѣется у Іезекіиля и касается поставки въ Сирію желѣза Яванами, а это относится къ такому позднему времени, какъ седьмой вѣкъ. Египетское упоминаніе объ Іонійцахъ въ хиттитской конфедераціи четырнадцатаго вѣка до Р. Х., предположенное на основаніи Шампольіонова чтенія поэмы Пентаура, уже давно признано невѣрнымъ.

Итакъ, въ общемъ скудныя греческія преданія и еще болѣе скудныя свидѣтельства памятниковъ изъ самой Іоніи, взятыя вмѣстѣ, имѣютъ наклонность указывать на до-іонійское обитаніе западно-центральной части Анатолійскаго побережья разнороднымъ, слабымъ и разбросаннымъ, но не варварскимъ народонаселеніемъ. Въ древнѣйшую эпоху, о которой мы сколько-нибудь освѣдомлены, это населеніе находилось, повидимому, подъ свободной властью внутренней Сиро-Каппадокійской державы, а затѣмъ, вѣроятно, до нѣкоторой степени подпало подъ власть другой внутренней державы, а именно Фригійской, возвысившейся вслѣдствіе упадка первой. Со второй, повидимому, связаны легенды эолійской Смирны о Танталѣ, а съ первой—памятники на скалахъ Сипила и Нимфи.

Однако, имѣется нѣкоторое основаніе полагать, что либо одна изъ этихъ внутреннихъ державъ, либо обѣ онѣ были на западномъ берегу достаточно сильны для того, чтобы препятствовать ему имѣть какую-либо политическую связь съ эгейскими центрами цивилизаціи, а также, вѣроятно, и для того, чтобы предохранять его отъ вліянія эгейской культуры почти до конца эгейскаго вѣка. Въ 1904—1905 гг., при производствѣ для Британскаго музея повторныхъ изслѣдованій мѣста расположенія великаго святилища Артемиды въ Эфесѣ, я установилъ важный фактъ отрицательнаго свойства. На обширномъ пространствѣ, занятомъ площадками послѣдовательныхъ храмовъ, воздвигнутыхъ на этомъ мѣстѣ, числомъ не менѣе пяти, я проникъ до материковаго песка почти по всей центральной площади, на которой стояли три наиболѣе древнихъ (и самыхъ малыхъ) изъ этихъ храмовъ, и нашелъ очень много вотивныхъ фрагментовъ, вмѣстѣ съ значительнымъ количествомъ гончарныхъ издѣлій, въ самомъ нижнемъ слоѣ. Но среди нихъ не было ни одного черепка эгейской посуды, никакихъ издѣлій настоящаго эгейскаго производства, а также ничего, относящагося къ послѣдующему такъ называемому

геометрическому стилю, за исключеніемъ двухъ мелкихъ обломковъ вазы. Однако, не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что я достигъ предѣльной глубины залеганія человѣческихъ остатковъ въ этомъ мѣстѣ. Самый нижній мой слой залегалъ ровно на чистомъ насыщенномъ пескѣ, представлявшемъ, очевидно, поверхность рѣчного русла, верхній уровень которой лежитъ не выше двухъ метровъ надъ уровнемъ отдаленнаго моря и значительно ниже нынѣшняго русла рѣки Каистра въ ближайшемъ его пунктѣ. Въ этомъ пескѣ, который залегаетъ болѣе чѣмъ на одинъ метръ ниже уровня насыщенія въ раннемъ лѣтнемъ періодѣ и который могъ быть изслѣдованъ только при постоянномъ высасываніи инфильтраціи помощью парового насоса, во всѣхъ пунктахъ могли быть опущены до самыхъ головокъ пятифутовые буры, которые при этомъ не встрѣтили никакого сопротивленія. Несомнѣнно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ первобытной болотной почвой, на которой, какъ намъ сообщаетъ Плиній, былъ заложенъ древнѣйшій Артемизій въ надеждѣ застраховать его по возможности отъ послѣдствій землетрясеній.

Всегда бываетъ трудно доказывать археологическія свидѣтельства отрицательнаго характера и опасно настаивать на нихъ. Въ другой части большой площади, которую впослѣдствіи стали считать за ἱερόν Артемиды, вполнѣ могло существовать еще болѣе древнее поселеніе, чѣмъ самое древнее изъ открытыхъ мною. Въ самомъ дѣлѣ, было изслѣдовано до грунта только прямоугольное пространство, занятое самимъ большимъ храмомъ и имѣющее около 100 метровъ длины и 60 м. ширины. Равнымъ образомъ, возможно, что древнѣйшее ἱερόν, вокругъ котораго первые іонійскіе колонисты нашли смѣшанное туземное населеніе, жившее ἱκεσίας ἕνεκα, не лежало гдѣ-либо по близости отъ позднѣйшаго Артемизія, но было тѣмъ самымъ Ортигійскимъ святилищемъ Латоны на холмахъ къ югу, которое позднѣйшее преданіе считало первоначальнымъ храмомъ. Если повѣствованіе Плинія о древнѣйшей іонійской постройкѣ и причинахъ выбора мѣста для нея справедливо, то оно приводитъ къ заключенію, что было выбрано новое мѣсто, едва-ли выбранное еще древнѣйшими строителями.

Тѣмъ не менѣе, указанный отрицательный результатъ моихъ глубокихъ раскопокъ Артемизія не лишенъ значенія. Въ отношеніи древнѣйшихъ эгейскихъ памятниковъ этотъ результатъ находится въ соотвѣтствіи съ почти одинаково отрицательными результатами, до сего времени получавшимися при всевозможныхъ изслѣдованіяхъ въ эллинской Азіи, какъ на материкѣ, такъ и на островахъ повсюду, за единственнымъ исключеніемъ Гиссарлика.

Для остальной части побережья, какъ уже было замѣчено, мы совершенно не можемъ указать чего-либо эгейскаго, кромѣ вазъ и черепковъ, относящихся къ самому позднему періоду бронзоваго вѣка или самому раннему времени желѣзнаго вѣка, найденныхъ только въ трехъ мѣстахъ на материкѣ, а именно, въ Пергамѣ, Милетѣ и Ассарликѣ, и въ одномъ мѣстѣ на Родосѣ. Въ послѣднее время по этому острову прошли одна за другой партіи британскихъ и датскихъ изслѣдователей въ поискахъ за эгейскими памятниками, но на поверхности его не удается найти ничего болѣе древняго, чѣмъ вазы Ялиса, или даже столь-же древняго. Правда, на Родосѣ не было произведено дальнѣйшихъ раскопокъ, за исключеніемъ изслѣдованій въ историческихъ слояхъ Линда. Но ни въ какой другой мѣстности, гдѣ эгейскіе памятники случайно были обнаружены въ нѣкоторомъ изобиліи, какъ, напр., на Кипрѣ, Критѣ или въ Арголидѣ, изслѣдователи при сознательныхъ поискахъ эгейскихъ остатковъ не очищали до такой степени поверхность. Несомнѣнно получается такое впечатлѣніе, что Родосъ принялъ своихъ поселенцевъ съ запада незадолго до времени сложенія Иліады. Другіе большіе острова, лежащіе вблизи іонійскаго берега, какъ, напр., Самосъ, Хіосъ и Митилена, еще не представили ни одного хорошо удостовѣреннаго эгейскаго предмета.

Итакъ, здѣсь имѣются, можетъ быть, вполнѣ достаточныя основанія, чтобы полагать въ качествѣ дѣйствующей гипотезы, что до очень поздняго времени азіатскіе берега Эгейскаго моря, за исключеніемъ сѣверо-западной части ихъ, лежали внѣ предѣловъ культурной области, связанной съ названіемъ этого моря. Но если это вѣрно, то это странно!

Въ силу какихъ причинъ странствовавшимъ критскимъ и другимъ эгейскимъ морякамъ, либо пиратамъ, либо торговцамъ, либо тѣмъ и другимъ, не удалось обосноваться именно на этихъ берегахъ и островахъ? Они провели свои издѣлія въ Гиссарликъ и заполнили все противоположное побережье Европы культурой гораздо болѣе высокой и сильной, чѣмъ какая-либо другая культура, оставившая слѣды того же времени въ Анатоліи. Въ объясненіе такого факта, если слѣдуетъ признать это фактомъ, я могу представить себѣ только одну причину; она заключается въ слѣдующемъ. Должна была существовать какая-то сильная континентальная держава, господствовавшая надъ всѣмъ западно-центральнымъ побережьемъ Малой Азіи, со столицей, лежавшей внутри страны. Эта держава не была морскою и не заботилась о развитіи своихъ прибрежныхъ странъ, но старательно держала въ отдаленіи отъ нихъ другихъ. Фактически, какая-то азіатская раса, играя въ столь раннее время

ту же роль, какая въ историческое время принадлежала сперва лидійскимъ царямъ Мермнадамъ, а затѣмъ въ теченіе двухъ эпохъ персидскимъ царямъ Ахеменидамъ, достигла въ Анатоліи тѣхъ же результатовъ, но со слѣдующей разницей. Эти историческія державы выдвинулись послѣ періода разъединенія, во время котораго на западномъ берегу возникли многочисленные иноземные города. Такимъ образомъ имъ приходилось подчинить себѣ существующую побережную цивилизацію, находившуюся уже въ полномъ ростѣ, и властвовать надъ нею. Но упомянутая доисторическая держава выступила ранѣе такого періода и нашла на побережьѣ, самое большее, лишь незначительное количество слабыхъ городовъ, которые она могла либо захватить, либо оставить. Она не прилагала стараній создать ихъ больше.

Вспомните, что въ продолженіе всей исторіи богатыя приморскія области Малой Азіи постоянно подпадали подъ власть континентальныхъ государствъ Азіи, если только не было какой-либо очень сильной морской европейской державы, которая стремилась къ нимъ. Въ эпохи ослабленія морскихъ народовъ юго-восточной Европы онѣ никогда долго не оставались самостоятельными въ своихъ собственныхъ силахъ и не были въ состояніи сопротивляться Азіи. Географическое положеніе и климатическія условія постоянно приносили вредъ ихъ европеизму. Ихъ территоріи, роскошныя и обезсиленныя, были расположены въ концѣ удобныхъ путей, ведущихъ изъ другого, болѣе здороваго міра.

Однако, если подобное внутреннее государство существовало и кричало «руки прочь» претендентамъ изъ колонистовъ и флибустьеровъ, то не слѣдуетъ предполагать, что оно вовсе не имѣло сношеній со странствовавшими моряками Эгейскаго моря. Конечно, могли и даже должны были существовать нѣкоторыя торговыя сношенія, вполнѣ достаточныя для объясненія перехода взаимнаго вліянія съ моря на континентъ и съ континента на море. Вопросы о томъ, что могло представлять собою это государство и гдѣ имѣло центръ, я намѣренъ изслѣдовать въ другой бесѣдѣ, когда мнѣ придется разсматривать то, что было расположено къ востоку отъ Іоніи. Здѣсь я остановлюсь только, чтобы указать, что мое предположеніе, конечно, заключаетъ въ себѣ нѣкоторую условность. Внутреннее государство, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, должно было ослабѣть въ поздней части эгейскаго періода и настолько притти въ разстройство ранѣе 1000 г. до Р. Х., что закрытые прежде западные берега сдѣлались доступными для смѣлыхъ авантюристовъ. Если далѣе мнѣ удастся доказать, что въ Малой Азіи дѣйствительно существовало сильное

внутреннее государство, которое подверглось явному упадку или распаденію около этой эпохи, то я установлю ясный prima facie фактъ.

Если тѣ матеріалы объ Іоніи ранѣе Іонійцевъ, которыми мы располагаемъ въ настоящее время, лишь немного обширнѣе бывшихъ въ нашемъ распоряженіи десять лѣтъ назадъ, то занимаемъ ли мы лучшее положеніе относительно матеріаловъ, освѣщающихъ начало послѣдующаго періода, который традиціонно ставится въ связь съ переселеніемъ съ запада? Древнѣйшіе остатки изъ мѣстности Артемизія въ Эфесѣ, какъ я замѣтилъ выше, не заключаютъ ничего, что можетъ быть отнесено къ мѣстной до-іонійской цивилизаціи. Но они представляютъ большое количество данныхъ, по которымъ можно сдѣлать выводы о ходѣ послѣдующаго архаическаго іонійскаго развитія. Дѣйствительно, при разсмотрѣніи ихъ археологія впервые пріобрѣла ясный взглядъ на историческую іонійскую цивилизацію въ ея созиданіи. Нѣкоторые архаическіе іонійскіе матеріалы были добыты также въ Милетѣ. Но, насколько мнѣ удалось узнать, милетскіе памятники этого періода гораздо менѣе многочисленны и имѣютъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ эфесскіе. Во всякомъ случаѣ ими нельзя съ увѣренностью пользоваться до окончательнаго опубликованія ихъ лицомъ, открывшимъ ихъ. Поэтому я обращусь къ эфесскимъ памятникамъ, о которыхъ я имѣю возможность говорить непосредственно по первоисточнику. Я изложилъ обстоятельства, при которыхъ я нашелъ эти документы, и далъ подробное описаніе ихъ въ книгѣ, недавно изданной управленіемъ Британскаго музея. Здѣсь мнѣ остается лишь очень кратко вспомнить главные факты. При отъѣздѣ моемъ въ Эфесъ въ 1904 г. мнѣ было дано порученіе, въ числѣ прочихъ, произвести изслѣдованіе подъ площадкой храма, сооруженной въ шестомъ вѣкѣ до Р. Х. и открытой въ 1870 г. І. Т. Вудомъ, который до конца дней своихъ считалъ ее древнѣйшей постройкой въ этомъ мѣстѣ. Однако, казалось невѣроятнымъ, что столь высоко чтившееся всѣми азіатскими Эллинами святилище возникло въ такое позднее время ихъ исторіи. Послѣ новой болѣе тщательной очистки площади и послѣ напрасныхъ раскопокъ въ нѣсколькихъ пунктахъ по ея внѣшней периферіи, я приступилъ къ изслѣдованію прямоугольнаго мраморнаго основанія въ ея осевомъ центрѣ, самый верхній рядъ котораго въ высшей своей части, лежавшей нѣсколько ниже пола целлы, былъ открытъ Вудомъ. Онъ полагалъ, что оно служило фундаментомъ для внутренняго великаго алтаря, но изслѣдованія далѣе не продолжалъ. Однако, начавъ болѣе глубокую очистку вокругъ фундамента и внутри его, я не только обнаружилъ, что здѣсь имѣлся лишь одинъ рядъ

мрамора и что ниже его шла кладка изъ другого камня, не похожаго на употребленный для храма шестого вѣка, но нашелъ также, что часть прямоугольника была плотно заполнена ровно положенными плитами известняка, связанными растворомъ на глинѣ. Поднявъ верхнія плиты, я открылъ въ большомъ количествѣ ювелирныя издѣлія изъ золота и электра и другія личныя украшенія и носильные предметы изъ слоновой кости и другихъ матеріаловъ. По большей части эти предметы во всѣхъ деталяхъ оказались настолько совершенными, что представляется невѣроятнымъ, чтобы они могли попасть въ растворъ незамѣченными или быть брошеными въ качествѣ мусора тамъ, гдѣ они были впослѣдствіи найдены. Единственной возможной альтернативой является предположеніе, что эти предметы были осторожно положены между плитъ съ какою-либо гіератической цѣлью, какъ, напр., въ качествѣ приношеній при закладкѣ, которыя, по первоначальному мотиву всѣхъ подобныхъ приношеній, предназначались для пользованія божеству храма. По всей вѣроятности сооруженіе, заключавшее въ себѣ это приношеніе, вовсе не было алтаремъ, а служило базисомъ центральной священной статуи Эфесской богини. Если бы были вскрыты фундаменты въ центральныхъ частяхъ другихъ греческихъ храмовъ (напр., въ Пароенонѣ, Дельфійскомъ и Олимпійскомъ храмахъ), то, я увѣренъ, было бы открыто, что у Эллиновъ существовалъ обычай прятать закладочныя приношенія подъ центральной статуей.

Ради краткости моего изложенія, которое могло бы быть пространнымъ, я добавлю только, что мои работы, по мѣрѣ движенія ихъ впередъ, производившагося съ большими затрудненіями въ водѣ и илѣ при помощи насосовъ, въ результатѣ показали, что этотъ центральный базисъ дважды расширялся путемъ пристроекъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ западной. Первоначальный и самый малый прямоугольникъ имѣлъ своимъ основаніемъ фундаментъ изъ плитъ, положенный въ чистомъ болотномъ пескѣ, приблизительно на два метра ниже пола шестого вѣка, и былъ сооруженъ изъ прекрасной древней кладки зеленаго сланца, отдѣланной только съ наружныхъ сторонъ; съ внутренней же стороны глыбы остались не отдѣланными и были связаны съ плитняковой задѣлкой. Въ этой задѣлкѣ, безъ которой все сооруженіе не было бы компактнымъ или устойчивымъ, по мѣрѣ удаленія рядовъ ея мы продолжали обнаруживать ювелирныя издѣлія и другіе мелкіе предметы, неизмѣнно одинаковые по стилю. Но эти находки оказались только въ предѣлахъ самаго малаго и древнѣйшаго прямоугольника. Задѣлка позднѣйшихъ расширеній съ трехъ сторонъ не заключала въ себѣ ничего иного, кромѣ костей и древеснаго угля въ одномъ углу,

представлявшихъ, вѣроятно, остатки жертвоприношенія. Общее количество найденныхъ въ меньшемъ прямоугольникѣ предметовъ изъ драгоцѣнныхъ металловъ, слоновой и простой кости, хрусталя и иныхъ матеріаловъ, немногимъ превышало тысячу, за исключеніемъ 28 монетъ изъ электра; эти предметы представляли собою бездѣлушки или иныя вещи для ношенія или для потребностей культа. Къ послѣдней категоріи должно быть причислено значительное количество искусственныхъ астрагаловъ, изготовленныхъ изъ слоновой кости и разнообразно украшенныхъ. Вѣроятно, они примѣнялись при прорицаніяхъ или посвящались въ видѣ символовъ послѣ успѣшнаго обращенія къ оракулу, произведеннаго при помощи естественныхъ суставчатыхъ костей, изъ коихъ нѣкоторыя были найдены въ той же залежи.

Изъ этихъ фактовъ въ томъ видѣ, какъ они мнѣ представляются, неизбѣжны слѣдующіе выводы. Самый маленькій прямоугольникъ является самой ранней постройкой на этомъ мѣстѣ. Его плитняковая задѣлка современна ему, а оказавшіеся въ этой задѣлкѣ предметы были тщательно помѣщены въ нее при постройкѣ зданія. Слѣдовательно, они являются столь же ранними, какъ и самая постройка. Затѣмъ необходимо допустить двѣ послѣдовательныя реставраціи базиса, произведенныя позднѣе этого основанія, но ранѣе половины шестого вѣка. Поэтому самый маленькій прямоугольникъ долженъ быть отнесенъ къ значительно болѣе раннему времени, чѣмъ эпоха Креза.

Продолжая мои изслѣдованія самыхъ низкихъ слоевъ вокругъ этого базиса, я нашелъ въ соотвѣтствіи съ тремя періодами его остатки построекъ трехъ первоначальныхъ храмовъ. Всѣ они были малы и помѣщались внутри пространства, занятаго впослѣдствіи одной только целлой шестого вѣка; для нихъ всѣхъ базисъ служилъ центральнымъ пунктомъ. Полъ каждаго послѣдующаго храма находился на высшемъ уровнѣ сравнительно съ предыдущимъ; третій первоначальный полъ, самый высокій, лежалъ, однако, почти на одинъ метръ ниже пола большого храма шестого вѣка. Третья первобытная постройка была самой обширной, а также единственной, основной планъ которой сохранился въ достаточной степени для того, чтобы можно было судить о ея формѣ. Повидимому, она представляла храмъ in antis, съ обычнымъ эллинскимъ соотношеніемъ частей, обращенный къ западу, не имѣвшій перистиля и построенный изъ тонкаго известняка, а не изъ мрамора. Не сохранилось никакихъ слѣдовъ, по которымъ можно было бы судить, имѣлъ ли этотъ храмъ одиночный осевой рядъ колоннъ, подобно раннему іонійскому храму въ Неандріи или первому храму Артемиды Орѳіи въ Спартѣ; вѣроятно, и здѣсь

такъ было. На пространствѣ, занятомъ этими тремя первоначальными храмами, въ самомъ нижнемъ слоѣ, единственномъ, который пощадили руки строителей фундамента большой площади шестого вѣка, я нашелъ еще около 2000 мелкихъ вотивныхъ предметовъ и фрагментовъ. Значительное большинство ихъ съ достовѣрностью можетъ быть отнесено къ одному періоду съ сокровищемъ базиса либо въ силу внутренняго сходства, либо вслѣдствіе отношенія, которое они имѣютъ къ первоначальному основанію. Въ числѣ ихъ найдено около 60 монетъ изъ электра и много псевдо-египетскихъ скарабеевъ, кромѣ значительнаго количества издѣлій изъ слоновой кости тонкой работы и изъ бронзы,—металла, почти совершенно отсутствующаго въ сокровищѣ базиса. Однако, въ общемъ предметы, найденные внѣ базиса, представляли собою хуже сохранившіеся мелкія бездѣлушки.

Это собраніе предметовъ въ количествѣ около 3000 экземпляровъ и древнѣйшій Артемизій, къ которому они, повидимому, почти безъ исключенія относятся, образуютъ комплексъ свидѣтельствъ, которымъ я имѣю намѣреніе воспользоваться. Я датирую эти предметы приблизительно концомъ VIII вѣка до Р. Х., отчасти принявъ во вниманіе промежутокъ времени, который логически долженъ быть допущенъ для послѣдовательнаго существованія трехъ храмовъ, одного за другимъ, ранѣе средины VI вѣка, но въ большей степени основываясь на сравненіи съ аналогичными по выдѣлкѣ и стилю находками, сдѣланными въ другихъ мѣстахъ. Особенно слѣдуетъ сравнить ихъ съ тѣми золотыми предметами изъ Камира на Родосѣ и изъ могилы Полледрары въ Вульчи, въ Тоскапѣ, которые, по ихъ связи со скарабеями Псамметиха I, съ вѣроятностью датируются второй половиной VII вѣка, но представляются произведеніями нѣсколько болѣе развитого искусства. Я полагаю, что сокровище эфесскаго базиса было намѣренно вложено въ него при первоначальной закладкѣ, немного позднѣе или ранѣе 700 г. до Р. Х. Предметы, найденные снаружи, являются, вѣроятно, остатками вотивнаго и иного имущества самаго ранняго храма, посвященнаго во время его, повидимому, короткаго существованія и, въ моментъ какой-либо катастрофы, по большей части сломаннаго и втоптаннаго въ илистую почву этого мѣста, очевидно, всегда бывшаго очень сырымъ. Очень возможно, что этотъ моментъ наступилъ при набѣгѣ Киммерійцевъ на Эфесъ, который, какъ сообщаютъ Геродотъ и другіе, произошелъ въ царствованіе Ардиса II Лидійскаго.

Итакъ, здѣсь мы имѣемъ рядъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ объ іонійской цивилизаціи въ томъ видѣ, въ какомъ она была приблизительно

черезъ два столѣтія послѣ извѣстной изъ преданія высадки западныхъ колонистовъ. Конечно, не всѣ документы должны говорить только объ этомъ моментѣ. Нѣкоторые вполнѣ могутъ принадлежать болѣе раннему времени, представляя собою наслѣдіе предшествовавшихъ поколѣній, пожертвованное, наконецъ, богинѣ, когда мѣсто на равнинѣ, которое впредь должно было особенно ассоціироваться съ нею, впервые было избрано для ея алтаря. Бездѣлушки всевозможныхъ родовъ, особенно металлическія, обыкновенно долго сохраняются въ употребленіи. Изъ нихъ нѣкоторыя, найденныя въ Артемизіи, какъ, напр., бронзовыя фибулы, обнаруживаютъ различныя стадіи развитія отъ простыхъ дужекъ, на которыхъ нанизаны бусы изъ янтаря или композиціи, до тяжелыхъ дужекъ, на которыхъ массивныя литыя фигуры представляютъ подражанія этимъ случайнымъ украшеніямъ. Среди предметовъ другой категоріи, женскихъ стоящихъ статуэтокъ, многія изъ которыхъ, вѣроятно, изображали богиню (или, можетъ быть, какъ предпочитаетъ г. Cecil Smith, ея почитательницъ), также имѣются доказательства развитія. Возможно прослѣдить прогрессъ отъ фигуръ очень грубо моделированныхъ, заканчивающихся книзу въ видѣ колонки, безъ указанія ногъ или другихъ формъ человѣческаго тѣла, до той формы, превосходно вырѣзанной, хотя еще архаической и неправильной, изображеніе которой помѣщено на обложкѣ книги Британскаго музея. Конечно, не слѣдуетъ исключать возможности измѣненій соотвѣтственно тогдашней модѣ или разницѣ въ индивидуальныхъ способностяхъ мастеровъ. Но такія объясненія измѣненія являются наименѣе вѣроятными, когда дѣло касается издѣлій ранней эпохи.

Во всякомъ случаѣ, старательно выработанный рисунокъ и исполненіе большинства эфесскихъ памятниковъ, именно бездѣлушекъ и драгоцѣнныхъ издѣлій изъ электра, подразумѣваютъ долгую предшествовавшую эволюцію искусства. Сколько времени оно дѣйствовало въ самой Іоніи? Можно ли предполагать, что оно началось здѣсь, или слѣдуетъ искать предковъ эфесскихъ предметовъ въ другихъ мѣстахъ? Дать удовлетворительные отвѣты на эти вопросы еще, пожалуй, не представляется возможнымъ. Но имѣются нѣкоторыя соображенія, которыя могутъ направить насъ къ окончательному отвѣту.

Когда я сталъ описывать и сравнивать эфесскіе памятники, мнѣ пришлось многократно обращаться къ энкомійскому кладу, открытому въ могилахъ около Саламина на Кипрѣ и нынѣ почти цѣликомъ находящемуся въ Британскомъ музеѣ. До того времени я слѣдовалъ за нѣкоторыми очень компетентными критиками изданія этого клада, сдѣланнаго д-ромъ А. С. Мёррэемъ,

считая его приблизительно на восемь столѣтій болѣе раннимъ, чѣмъ самая ранняя дата, къ которой могутъ быть отнесены эфесскіе предметы. Эти критики отнесли его къ періоду микенскихъ шахтовыхъ могилъ (на микенскомъ акрополѣ). Однако, изслѣдуя его снова при свѣтѣ тѣхъ данныхъ, которыми при составленіи критики еще нельзя было располагать, такъ какъ онѣ были обильно собраны послѣдующими трудами самаго главнаго критика, А. Эванса, я долженъ былъ датировать его значительно болѣе позднимъ временемъ. Здѣсь могло произойти нѣкоторое смѣшеніе болѣе раннихъ и болѣе позднихъ погребеній; или же нѣкоторыя бездѣлушки, какъ обыкновенно, могли просуществовать съ болѣе ранняго эгейскаго періода, именно со второго поздне-минойскаго. Но большинство предметовъ, которые (какъ напр., гончарныя и нѣкоторыя бронзовыя издѣлія) едва ли могутъ быть наслѣдственнымъ имуществомъ, ясно представляются столь же поздними, какъ реоккупаціонный періодъ Кносса, или еще болѣе поздними. Они относятся къ столь же позднему времени, какъ предметы Ялиса на Родосѣ. Теперь я готовъ подписаться подъ эпитетомъ «послѣ-эгейскій», который былъ приданъ энкомійскому кладу не однимъ авторитетнымъ изслѣдователемъ. Итакъ, если онъ въ массѣ долженъ быть отнесенъ къ самому концу бронзоваго вѣка, то промежутокъ времени, который отдѣляетъ его отъ эфесскаго сокровища, не слишкомъ великъ.

Аналогіи между обоими кладами многочисленны и поразительны. Онѣ замѣчаются въ способѣ выдѣлки, какъ, напр., въ приготовленіи полыхъ фигурокъ изъ двухъ пластинокъ, передней и задней; въ формѣ, какъ, напр., въ спиральномъ фасонѣ серегъ, высокой дужкѣ ихъ и въ типахъ нѣкоторыхъ фибулъ, подвѣсокъ и бусъ; въ стилѣ, какъ, напр., въ группахъ бусъ и въ употребленіи почти одинаковыхъ маленькихъ животныхъ, человѣческихъ головъ и насѣкомыхъ въ качествѣ привѣсокъ къ ожерельямъ и серьгамъ; въ орнаментахъ, какъ, напр., въ примѣненіи дуги лука въ различныхъ сочетаніяхъ и въ частомъ расположеніи зерни, образующей треугольники. Важная параллель въ художественной условности наблюдается на сфинксахъ, имѣющихъ на лбу спиральную прядь волосъ. Эта послѣдняя черта, равно какъ и мотивъ дуги лука, могли имѣть месопотамское происхожденіе. Но въ виду того, что она имѣется также на сфинксахъ, найденныхъ среди издѣлій изъ слоновой кости въ Спатѣ и въ одной могилѣ въ Кноссѣ, повидимому, третьяго поздне-минойскаго періода, очевидно, она столь долго существовала въ эгейской области, что предположеніе о самостоятельномъ заимствованіи ся съ Востока эфесскими золотыхъ дѣлъ мастерами является неосновательнымъ.

Дѣйствительно, значительное число восточныхъ чертъ въ эфесской работѣ, которыя мы сейчасъ отмѣтимъ, предварено въ энкомійскомъ кладѣ. Къ нему я вернусь еще въ дальнѣйшемъ при разсмотрѣніи такъ называемаго кипро-финикійскаго искусства. Теперь же достаточно указать, что энкомійскіе предметы въ своей главной части являются кипрскими, но не финикійскими, и что выразившимся въ нихъ вдохновеніемъ они, очевидно, обязаны эгейскому искусству.

Съ другой стороны, эфесскія вещи являются, несомнѣнно, не кипрскими. Въ виду присутствія въ самомъ храмѣ сора отъ работы золотыхъ дѣлъ мастеровъ и частаго нахожденія нѣкоторыхъ особенныхъ формъ и декоративныхъ мотивовъ, какъ, напр., пчелы, есть полная вѣроятность, что вещи этого первоначальнаго клада были изготовлены въ большей своей части въ самомъ Эфесѣ. Но такъ же несомнѣнно, какъ мнѣ кажется, что составныя его части, за немногими исключеніями, имѣютъ связь по существу, хотя бы и болѣе отдаленную, съ той же системой, какъ и кипрскія вещи, т. е. съ послѣ-эгейской культурой.

Однако, въ такомъ случаѣ естественно, что аналогія съ Эфесомъ должна наблюдаться не только въ кипрскихъ эгейскихъ предметахъ. Что можно сказать о Гиссарликѣ, единственномъ изслѣдованномъ до сихъ поръ важномъ эгейскомъ пунктѣ въ Малой Азіи? Всякій, кто потрудится прочесть до конца мою опись эфесскаго клада, найдетъ, что въ ней отмѣчено почти столько же сравненій съ Гиссарликомъ, сколько и съ Энкоми. Однако, я не настаиваю на нихъ въ такой же степени, такъ какъ тѣ гиссарликскіе памятники, о которыхъ идетъ рѣчь, были почти полностью найдены рабочими Шлимана въ тѣхъ слояхъ надъ «сожженнымъ городомъ», которые, очевидно, плохо наблюдались и часто смѣшивались наблюдателями, пока на пользу дѣла не явился Дёрпфельдъ. Многіе рисунки и формы, параллельные эфесскимъ и иногда тождественные съ ними, должны быть отнесены въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вѣроятно, къ шестому городу, а въ большемъ числѣ къ седьмому и восьмому. Во многихъ случаяхъ они могутъ свидѣтельствовать о культурѣ скорѣе современной іонійской эфесской, чѣмъ болѣе ранней. Но болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ Гиссарликѣ эгейскія традиціи вдохновляли архаическую культуру при каждомъ шагѣ ея.

Въ отношеніи произведеній западныхъ эгейскихъ цивилизацій нельзя ожидать такого близкаго параллелизма. Они въ очень большой своей части или относятся къ гораздо болѣе раннему времени, или, если и принадлежатъ приблизительно тому же періоду, то представляютъ искусство, которое полу-

чило свое развитіе (согласно моей гипотезѣ о возникновеніи Іоніи), не подвергаясь чуждымъ вліяніямъ въ столь значительной степени, какъ іонійское и кипрское. Но тѣмъ не менѣе эфесскія вещи представляютъ аналогію во многихъ отношеніяхъ съ позднѣйшими материковыми эгейскими остатками въ Микенахъ, Спатѣ и другихъ пунктахъ. Замѣчается, что въ Эфесѣ пользовались постоянной популярностью различныя «микенскія» формы, какъ, напр., имѣющія часто явственный послѣ-эгейскій характеръ круглыя пластинки изъ драгоцѣннаго металла съ вытисненными или гравированными узорами, которыя нашивались на ткани для украшенія діадемъ или одѣяній; чистый горный хрусталь, повидимому, считавшійся въ эгейскомъ періодѣ однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ матеріаловъ; labrys или двойная сѣкира въ качествѣ декоративнаго мотива; геральдическое противопоставленіе животныхъ въ декоративныхъ религіозныхъ изображеніяхъ; употребленіе въ качествѣ подвѣсокъ насѣкомыхъ, сдѣланныхъ изъ драгоцѣннаго металла; группы спаянныхъ бусъ и, наконецъ, полихромія въ керамическихъ украшеніяхъ. Какъ доказываютъ въ достаточной степени открытія, сдѣланныя въ Элевсинѣ, на Родосѣ, и особенно въ Навкратисѣ, эти средне-минойскія формы ясно проявились снова въ позднѣйшихъ іонійскихъ гончарныхъ издѣліяхъ.

Если, съ другой стороны, мы будемъ искать въ культурѣ іонійскихъ колонистовъ слѣды другого первоначальнаго ингредіента, а именно, культуры средней Европы, то найдемъ ихъ дѣйствительно ясно и опредѣленно выраженными, но гораздо рѣже. Такъ, напр., мы найдемъ ихъ въ фибулахъ, какъ и слѣдовало ожидать, если фибула въ видѣ «безопасной булавки» появилась въ Греціи съ сѣвера. Но не столько по формѣ своей эфесскія фибулы напоминаютъ намъ о средне-европейской области. Большинство іонійскихъ экземпляровъ принадлежитъ къ тому упрощенному типу, названному Фуртвенглеромъ «малоазіатскимъ», который, какъ кажется по сравнительной рѣдкости его среди остатковъ на западѣ отъ Эгейскаго моря, развился на восточномъ его берегу и проложилъ себѣ путь въ обиходъ внутренней части страны. Напоминаніе это даетъ намъ добавочная орнаментація фибулъ, состоящая главнымъ образомъ изъ бусъ, закрѣпленныхъ на петлѣ. Эти бусы (иногда очень безобразныя) обыкновенно дѣлались изъ янтаря, повидимому Балтійскаго. Я считаю, что эта манера орнаментаціи бусами, какъ и сама фибула, имѣетъ средне-европейское происхожденіе. Она оставила свои слѣды въ наиболѣе архаическихъ греческихъ и греко-этрусскихъ мѣстахъ поселеній. Часто янтарь на дугѣ фибулы уступаетъ мѣсто особеннымъ, во множествѣ най-

деннымъ какъ въ Эфесѣ, такъ и въ архаическихъ греческихъ слояхъ другихъ мѣстъ, пестроокрашеннымъ трехграннымъ бусамъ изъ пасты, съ чирьевидными бугорками. Бусы подобнаго вида и окраски были найдены въ могилахъ ранняго бронзоваго вѣка въ Езеринѣ въ Босніи. Позвольте мнѣ обратить также вниманіе на иное украшеніе фибулы, часто встрѣчавшееся въ Эфесѣ, а именно, на двойную пластину изъ слоновой кости «очковой» формы. Она представляетъ очень обыкновенную прибавку къ фибулѣ въ Босніи, но въ находкахъ изъ другихъ мѣстъ встрѣчается рѣдко, хотя двойныя металлическія кольца, представляющія по виду подобные-же «очки», встрѣчались довольно часто въ архаическихъ греческихъ слояхъ. Любопытныя металлическія цилиндрическія бусы, вздутыя въ средней части, разнообразно украшенныя выпуклыми ободками и просверленныя по длинѣ, встрѣтившіяся въ Эфесѣ изготовленными изъ обоихъ драгоцѣнныхъ металловъ и бронзы, относятъ насъ къ гальштаттскимъ могиламъ.

Однако, по моему мнѣнію, имѣетъ очень большое значеніе замѣчательный фактъ, что среди обширнаго класса обычныхъ туалетныхъ принадлежностей, найденныхъ въ Эфесѣ, совершенно отсутствуетъ одинъ средне-европейскій видъ, преобладающій въ западныхъ греческихъ архаическихъ мѣстахъ поселеній, а именно булавка съ головкой въ видѣ плоскаго диска или катушки и съ катушкообразными расширеніями и украшеніями въ верхней части стержня. Этотъ фактъ добавляетъ еще одно свидѣтельство ко многимъ другимъ, склоняющимся въ пользу того, что въ іонійской цивилизаціи средне-европейскій элементъ былъ выраженъ слабѣе, а эгейскій элементъ сильнѣе, чѣмъ въ дорійской или іонійской культурѣ запада. Но во всякомъ случаѣ, по моему мнѣнію, весь комплексъ данныхъ, полученныхъ въ Эфесѣ, представляетъ сильное доказательство того, что именно эти два элемента, въ какомъ бы ни было соотношеніи, послужили для первоначальнаго образованія іонійскаго искусства.

Я отложу до заключительной лекціи попытку высказаться относительно того, въ какомъ періодѣ или въ какихъ періодахъ и какимъ образомъ эти два главныхъ элемента вступили въ Малую Азію при іонійскомъ переселеніи. Здѣсь-же можно заявить *caveat* противъ предположенія о совершенномъ отсутствіи въ Азіи до этого переселенія одного изъ этихъ элементовъ или ихъ обоихъ. Есть основаніе предполагать, съ одной стороны, что съ раннихъ временъ на анатолійскомъ побережьѣ существовало какое-то населеніе, которое находилось въ расовомъ родствѣ съ населеніемъ, давшимъ развитіе эгейской культурѣ, а съ другой — что произошелъ очень ранній переходъ вліяній и,

можетъ быть, народовъ изъ балканской Европы въ Малую Азію. Не только въ древнѣйшемъ послѣ-неолитическомъ слоѣ Гиссарлика были обнаружены гончарныя издѣлія и оружіе, имѣвшія тѣсное сходство съ такими-же предметами изъ дунайскихъ неолитическихъ могилъ, но и въ двухъ другихъ мѣстахъ сѣверо-западной части Малой Азіи, гдѣ были изслѣдованы послѣ-неолитическія стоянки, съ еще большей достовѣрностью должны быть отмѣчены аналогіи съ Дунайской областью. Этими мѣстами являются Бозъ-Эюкъ въ центральной Фригіи и Іортанъ въ Мизіи. Вазы изъ Іортана, съ могильника древнѣйшаго періода бронзоваго вѣка, обнаруживаютъ близкія аналогіи съ кипрскими формами и заставляютъ предполагать, что древнѣйшіе европейскіе эмигранты спорадически распространялись далеко вглубь черезъ полуостровъ къ востоку. Тотъ фактъ, что ихъ промежуточныя стоянки между сѣверной Фригіей и Кипромъ не извѣстны, еще не доказываетъ, что онѣ вообще не существовали, такъ какъ не было еще попытокъ изслѣдовать послѣ-неолитическія мѣста поселенія въ какой-либо иной части полуострова.

Однако, необходимо обратить вниманіе еще на новый элементъ въ эволюціи іонійской цивилизаціи. По крайней мѣрѣ въ томъ ея состояніи, какое обрисовывается по добытымъ въ Эфесѣ памятникамъ, она испытывала также различныя вліянія, не имѣвшія ни средне-европейскаго, ни эгейскаго характера. Указать результаты ихъ, сравнительно, легко. Но трудности увеличатся, если мы попытаемся опредѣлить, откуда и какимъ путемъ они пришли, и въ особенности, если мы постараемся выяснить, представляютъ-ли какія-либо изъ нихъ культуру, существовавшую въ Іоніи ранѣе Іонійцевъ. Весьма важный отдѣлъ эфесскихъ памятниковъ, представленный статуэтками изъ слоновой кости въ формѣ людей и животныхъ, выдаетъ особенное вліяніе Востока. Слоновая кость, какъ матеріалъ, всегда намекаетъ на Востокъ, но въ данномъ случаѣ слѣдуетъ помнить, что въ теченіе долгаго предшествовавшаго періода она была извѣстна и употреблялась въ Эгейской области. Это могутъ засвидѣтельствовать статуэтки и пластины Кносса, пластины и фигурки Спаты, а также игорная шкатулка и другіе предметы изъ Энкоми. Хотя Гомеровскія поэмы не указываютъ на окрашиваніе слоновой кости, какъ на греческое искусство, однако эфесскія статуэтки являются несомненно іонійской работой. Какъ указалъ г. Cecil Smith при изданіи наилучшихъ изъ нихъ, тонко вырѣзанные узоры на нѣкоторыхъ одеждахъ находятся въ близкомъ соотвѣтствіи съ тономъ украшеній на раскрашенныхъ гончарныхъ издѣліяхъ, найденныхъ на мѣстѣ поселенія и несомнѣнно іонійскихъ. Къ этому можно добавить, что они соот-

вѣтствуютъ также узорамъ тканей, расписаннымъ на фрагментахъ большой архаической мраморной скульптуры изъ храма. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ женскихъ фигуръ изображены въ явственно греческой одеждѣ, а одна изъ нихъ несетъ въ рукахъ явственно греческіе сосуды. Этими соображеніями вопросъ вполнѣ исчерпывается даже безъ помощи аргументовъ, основанныхъ на стилѣ, которые въ концѣ концовъ должны опираться на извѣстные намъ до сихъ поръ нѣсколько болѣе поздніе остатки Іонійскаго искусства. А такъ какъ эти послѣдніе, вѣроятно, сами произошли отъ той школы, которая дала эти самыя статуэтки изъ слоновой кости, то всякій выводъ, основанный на нихъ, могъ бы вовлечь насъ въ circulus viciosus. Но, будучи іонійскими, эфесскія издѣлія изъ слоновой кости напоминаютъ, какъ въ общихъ чертахъ, такъ и въ частностяхъ, художественную работу внутренней Азіи. Они обнаруживаютъ ту-же общую склонность прикрывать бѣдность моделированія безформенностью драпировки, тщательную обработку наружнаго орнамента и робость въ трактовкѣ внѣшнихъ деталей; они даютъ также сходныя условности въ трактовкѣ мускуловъ и волосъ животныхъ. Общій стиль статуэтокъ львовъ является стилемъ Вавилоніи или ранней Ассиріи; крылатый сфинксъ имѣетъ рельефную отдѣлку панели на переднихъ ногахъ, что представляетъ спеціально ассирійскую особенность. Многіе изъ меньшихъ предметовъ изъ слоновой кости также обнаруживаютъ скорѣе восточную манеру, чѣмъ эгейскую. На одномъ изысканномъ небольшомъ рельефѣ изъ этого матеріала богиня, держащая двухъ львовъ въ геральдической позѣ, имѣетъ крылья; миніатюрное колесо повозки имѣетъ восемь спицъ Месопотаміи; пуговица съ рельефнымъ человѣческимъ лицомъ имѣетъ особенную форму, ранѣе найденную только въ Вавилоніи; узоръ въ видѣ цвѣтка и бутона лотоса, примѣненный на одной полосѣ отъ инкрустаціи и на одномъ кружкѣ, является производной и улучшенной месопотамской разновидностью первоначально египетскаго мотива; двойной гребень въ точности воспроизводитъ особенную месопотамскую форму, но простота его украшенія выдержана въ греческомъ вкусѣ. Мнѣ нѣтъ надобности утруждать Васъ нагроможденіемъ доказательствъ факта, который и не оспаривается. Но я долженъ обратить ваше вниманіе еще на одинъ пунктъ.

Насколько мнѣ извѣстно, профессоръ Сэйсъ первый замѣтилъ, что эти іонійскія статуэтки въ цѣломъ обнаруживаютъ въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ тѣснѣйшее стилистическое сходство съ тѣми издѣліями изъ слоновой кости, найденными Леярдомъ въ Нимрудѣ, на эгейскія аналогіи которымъ я уже указывалъ. Пункты сходства ихъ съ эфесскими издѣліями изъ слоновой

кости, перечисленные г. Cecil Smith'омъ, который послѣдовалъ по пути профессора Сэйса, еще болѣе замѣчательны. Онъ замѣтилъ тождественность въ общей трактовкѣ задрапированной человѣческой фигуры, съ ея тщательно выработанными мелкими наружными деталями и очень суммарной моделировкой и въ особенности трактовкой глаза, который въ Нимрудѣ всегда, а въ Эфесѣ часто изображался съ впалымъ высверленнымъ зрачкомъ и грубыми глубокими нарѣзками вмѣсто бровей. Двѣ человѣческія фигурки въ высокихъ цилиндрическихъ головныхъ уборахъ, изъ которыхъ одна держитъ прялку, а другая изображаетъ, по предположенію, жреца евнуха съ оффиціальной цѣпью, находятся, какъ по стилю, такъ и по аттрибутамъ, въ весьма близкой связи съ предметами изъ Нимруда, тогда какъ одѣянія на многихъ изъ фигурокъ Лэярда, включая одну πότνια θηρῶν, безкрылую какъ въ эгейскомъ искусствѣ, лишь съ трудомъ могутъ быть отличены отъ ранне-греческихъ. Cecil Smith былъ такъ сильно пораженъ этимъ параллелизмомъ, что высказалъ предположеніе объ іонійскомъ происхожденіи нимрудскихъ издѣлій изъ слоновой кости. Это предположеніе, въ случаѣ его принятія, внесло бы серіозное измѣненіе въ проблему о происхожденіи іонійскаго искусства. Въ отношеніи нимрудскихъ издѣлій изъ слоновой кости имѣются два неопровержимыхъ факта. Во-первыхъ, какъ обстоятельства находки, такъ и стиль этихъ издѣлій заставляютъ отнести ихъ по крайней мѣрѣ на столѣтіе ранѣе, чѣмъ эфесскія издѣлія изъ того-же матеріала. Во-вторыхъ, при всемъ ихъ эгейскомъ и іонійскомъ сродствѣ, они по предмету, стилю и трактовкѣ являются весьма опредѣленно болѣе восточными, чѣмъ какіе-либо изъ найденныхъ до сего времени эгейскихъ или іонійскихъ предметовъ. Разсматривая нимрудскія издѣлія изъ слоновой кости, мы, по предположенію г. Smith'а, находимся передъ самыми ранними изъ извѣстныхъ іонійскихъ памятниковъ, принадлежащихъ почти къ началу іонійской культуры, согласно обычной датировкѣ, и видимъ, что они являются восточными въ гораздо болѣе сильной степени, чѣмъ ближайшая серія имѣющихся памятниковъ—эфесская. Можно было бы понять оріентализмъ нимрудскихъ предметовъ изъ слоновой кости, какъ результатъ того, что они были произведеніями либо Іонійцевъ, проживавшихъ въ Ассиріи, либо Іонійцевъ, бывшихъ поставщиками какого-либо восточнаго рынка. Но это было бы равносильно низведенію іонійской художественной промышленности въ раннихъ періодахъ ея до низкаго уровня эклектической подражательности, которая едва-ли могла бы подготовить насъ къ послѣдующей быстротѣ ея прогресса. Болѣе естественно было бы сдѣлать другой выводъ, а именно, что

іонійская цивилизація въ своемъ началѣ подпала подъ очень сильныя непосредственныя восточныя вліянія, и что послѣдующая исторія ея является исторіей постепенной эмансипаціи отъ этого оріентализма. Теорія эта, достаточно правдоподобная, представляетъ, однако, нѣкоторыя затрудненія. Какъ мы поймемъ присутствіе такихъ чрезвычайно сильныхъ непосредственныхъ вліяній Востока на іонійскихъ берегахъ въ столь раннее время? Какъ мы объяснимъ обнаруженную Іонійцами въ столь раннее время техническую сноровку? Какъ іонійскіе мастера или іонійскія издѣлія въ столь раннее время проникали къ Тигру?

Имѣются, однако, очевидныя соображенія, которыя уменьшаютъ эти трудности. Такъ, напр., многое можетъ быть объяснено предшествовавшимъ существованіемъ эгейскаго искусства и тѣсными связями его съ Востокомъ. Но, что касается меня, то я долженъ признать, что одно затрудненіе по прежнему препятствуетъ мнѣ принять предположеніе г. Smith'а. По моему мнѣнію, нимрудскія издѣлія изъ слоновой кости являются слишкомъ восточными какъ по предмету, такъ и по стилю, чтобы возможно было происхожденіе ихъ отъ какого-либо искусства, проникнутаго европейскимъ духомъ даже въ такой степени, какъ эгейское и, тѣмъ болѣе, іонійское. Я убѣжденъ, что дальнѣйшія изслѣдованія мѣстъ поселенія внутри сѣверной Сиріи обнаружатъ параллели къ нимъ и что въ нихъ вскорѣ будутъ признавать работу южныхъ хиттитскихъ мастеровъ. Я этого не сказалъ бы, не имѣя положительныхъ данныхъ, но въ настоящее время я лишенъ возможности привести тѣ свидѣтельства, на которыя я опираюсь.

Наконецъ, мнѣ остается отмѣтить вкратцѣ еще одно свидѣтельство о восточномъ вліяніи, представляемое эфесскими памятниками. Здѣсь замѣчаются стилистическія заимствованія изъ Египта; трудно опредѣлить, однако, произошли-ли они путемъ прямого соприкосновенія, или черезъ какое либо посредство. Не обнаружено ни одного предмета безспорно египетскаго производства. Между такими египетскими бездѣлушками, какъ скарабеи съ недоступными чтенію искаженными іероглифами, относящіеся къ классу, обильно найденному также въ Навкратисѣ и на Родосѣ, а также между явно подражательными амулетами, глазированными чашами, дающими иноземные варіанты египетскихъ украшеній, и подобными предметами, встрѣтились одинъ-два сильно попорченные предмета изъ пасты, которые могли быть сдѣланы руками Египтянъ; сюда относится, напр., антефиксъ въ формѣ головы Беса. Но и онъ съ большей степенью вѣроятія долженъ быть причисленъ къ классу псевдо-египетскихъ подражаній. Изъ числа гончарныхъ издѣлій только два или три черепка могутъ быть признаны съ сомнѣніемъ навкратійскими.

Другихъ родовъ вещей, на которыхъ проявлялось бы египетское вліяніе, очень мало, и ни въ одномъ случаѣ нѣтъ близкаго сходства съ предметами, дѣйствительно найденными въ Египтѣ. Обратимся, напр., къ подвѣскамъ въ видѣ палицъ и человѣческихъ ступней. Если мы и допустимъ довольно отдаленное родство ихъ съ нильскими подвѣсками, то это будетъ возможно лишь съ оговоркой, что эфесскіе экземпляры претерпѣли значительное измѣненіе въ не египетскихъ рукахъ. Съ другой стороны, мы не найдемъ параллелизма съ Египтомъ во многихъ случаяхъ, гдѣ могли бы его ожидать, какъ напр. въ изображеніяхъ сфинксовъ. Въ общемъ можно сказать опредѣленно, что эфесскія данныя относительно дѣйствовавшихъ на Іонію вліяній Египта едвали достойны упоминанія рядомъ съ имѣющимися данными относительно вліяній внутренней Азіи; отношеніе этого вывода ко всей іонійской проблемѣ мы сейчасъ установимъ.

Повидимому, всѣ остальные иноземные слѣды, обнаруженные въ Эфесѣ, приводятъ насъ во внутреннюю Азію. Одной изъ новыхъ характерныхъ чертъ въ эфесскомъ кладѣ является неоднократное присутствіе копчика въ качествѣ религіознаго аттрибута. Другія птицы вовсе не представлены. Копчикъ найденъ въ рукѣ статуэтки, вѣроятно богини; многократно встрѣчается въ качествѣ подвѣски и броши, въ видѣ свободно стоящей фигуры и какъ appliqué; чаще же всего онъ представленъ сидящимъ на верхушкѣ длиннаго шеста, поставленнаго въ одномъ случаѣ на голову статуэтки богини или почитательницы. Намъ извѣстенъ голубь, какъ аттрибутъ богини Природы въ другихъ мѣстахъ, особенно въ эгейскомъ и архаическомъ кипрскомъ искусствѣ. Но копчикъ въ подобномъ значеніи до сихъ поръ былъ отмѣченъ только на золотой пластинкѣ изъ Камира, находящейся въ Британскомъ музеѣ, и на «хиттитскихъ» скульптурахъ Каппадокіи; посадка-же его на шестѣ напоминаетъ нѣкоторыя каппадокійскія бронзы, изданныя Шантромъ, и колонну съ орломъ изъ Кара-Куша въ Коммагенѣ. Сходство съ египетскими фигурами копчиковъ является далеко не столь близкимъ.

Трактовка фигуръ львовъ не только въ слоновой кости, но и въ декоративныхъ мотивахъ, также представляется явно восточной. Въ частности, тѣ изъ нихъ, которыхъ мы видимъ на бляхѣ изъ электра, расположенными геральдически съ обѣихъ сторонъ странной безкрылой фигуры, выдаютъ въ огромной величинѣ своихъ головъ ту попытку воспроизведенія природы, которая характеризуетъ ассирійскихъ львовъ и которая имѣла вліяніе на изображенія львовъ къ западу вплоть до центральной Фригіи. Длинноухій грифонъ съ рогомъ на

лбу, такъ же какъ и крылатая или поддерживающая руками свои вздымающіяся груди богиня могутъ быть прослѣжены къ Востоку. Если исключить псевдо-египетскіе предметы, то и глазированныя издѣлія во всѣхъ своихъ разновидностяхъ, даже въ наиболѣе сходныхъ съ найденными въ Камирѣ, представятъ болѣе близкое сходство съ глазированными вавилонскими издѣліями изъ глины, чѣмъ съ глазированными нильскими вещами изъ пасты.

Въ заключеніе позвольте мнѣ указать, что самое близкое родство по формѣ или орнаментаціи съ эфесскими предметами, какъ изъ электра и серебра, такъ и изъ бронзы, представляютъ двѣ группы металлическихъ предметовъ, найденныхъ ранѣе во внутренней Малой Азіи. Именно, сюда относится небольшой кладъ золотыхъ бездѣлушекъ, открытый около 25 лѣтъ назадъ въ долинѣ Меандра близъ Траллъ и нынѣ находящійся въ Луврѣ, и содержимое нѣкоторыхъ кургановъ, извлеченное братьями Кёрте при раскопкахъ въ Гордіи, въ сѣверо-восточной Фригіи.

Лекція IV.

Направленіе сухого пути.

Въ предыдущей лекціи были сведены различныя отдѣльныя данныя, свидѣтельство которыхъ въ итогѣ указываетъ намъ, повидимому, два вывода. Во-первыхъ, іонійская цивилизація въ основѣ своей произошла отъ послѣ-эгейской культуры, обновленной и до нѣкоторой степени проникшейся средне-европейскихъ элементомъ. Во-вторыхъ, въ своемъ младенческомъ и отроческомъ возрастѣ она во многихъ отношеніяхъ была обязана вліяніямъ внутренней Азіи. Теперь намъ предстоитъ изслѣдовать, какими путями и черезъ чье посредство эти вліянія могли достигнуть прибрежной страны Запада.

Значительное преобладаніе азіатскаго культурнаго вліянія, сравнительно съ египетскимъ, въ такихъ ранне-іонійскихъ издѣліяхъ, каковыми являются эфесскіе предметы, представляетъ уже само по себѣ сильный аргументъ въ пользу существованія путей по сушѣ черезъ Малоазіатскій полуостровъ. Но, разумѣется, онъ не является рѣшающимъ. Древности приморскихъ семитическихъ народовъ Сиріи показываютъ, что они были по меньшей мѣрѣ въ такомъ же долгу передъ Месопотаміей, какъ передъ Египтомъ, и даже въ явно большемъ передъ первой, чѣмъ передъ вторымъ. Вслѣдствіе этого месопотамскіе образцы могли быть принесены также Семитами морскимъ путемъ. Но заимствованія изъ Египта, даже и будучи въ меньшинствѣ, составляютъ столь замѣтную черту финикійской культуры, что, если бы финикійцы служили главной передаточной инстанціей образцовъ Востока, то мы естественно были бы въ правѣ ожидать гораздо большаго количества египетскихъ элементовъ въ Іоніи, чѣмъ ихъ даютъ памятники культуры Іоніи.

Во всякомъ случаѣ въ интересующій насъ періодъ существовали и находились въ широкомъ пользованіи сухопутныя дороги. Какія же были эти дороги?

Природа проложила изъ центральной Малой Азіи къ западному берегу три главныхъ дороги, и только три; при этомъ она такъ хорошо намѣтила ихъ, что движеніе принуждено было направляться по нимъ со столь давняго времени, насколько простирается память человѣчества, и слѣдуетъ по нимъ и нынѣ. Перечислимъ эти пути, направляясь съ сѣвера на югъ. Первый путь идетъ по долинѣ Сангарія изъ окрестностей Ангоры къ сѣверо-западной окраинѣ берега полуострова. Второй путь выходитъ отъ окрестностей Афіумъ-Кара-Гиссара долиной Герма къ морю въ части побережья, находящейся между островами Хіосомъ и Митиленой. Третій путь, направляясь изъ окрестностей Коніи, вступаетъ въ долину Лика и отсюда по нижнему теченію Меандра выходитъ къ морю немного южнѣе острова Самоса. Эти три пути взаимно связаны діагональнымъ путемъ, направляющимся отъ Иконія въ сѣверо-западномъ направленіи черезъ Афіумъ-Кара-Гиссаръ вдоль по притоку Сангарія, нынѣшнему Порсуку. Если продолжить къ востоку самый сѣверный и самый южный изъ трехъ главныхъ путей, то они обойдутъ центральную соляную пустыню съ боковъ и направятся далѣе по Каппадокійскому плоскогорью. Отсюда по легкимъ склонамъ и достаточно открытымъ проходамъ можно достигнуть Сирійской и Месопотамской областей, а также Армянской и Иранской.

Въ головныхъ участкахъ всѣхъ этихъ трехъ главныхъ путей, по широкой полосѣ, черезъ которую проходятъ всѣ возможныя линіи продолженія ихъ во внутреннюю часть материка, разбросаны замѣчательные остатки той недавно признанной внутренней цивилизаціи хеттовъ, которую греческое преданіе смутно знало, какъ культуру «Бѣлыхъ Сирійцевъ», а ученые до сего времени называли сиро-каппадокійской или хиттитской. На разстояніи около одной трети длины самаго сѣвернаго изъ трехъ путей, соприкасаясь какъ съ головной частью второго пути, такъ и съ діагональнымъ соединительнымъ путемъ, лежитъ страна, извѣстная по скальнымъ памятникамъ фригійской культуры. Въ поперечномъ направленіи къ нижнимъ частямъ второго и третьяго путей, тѣхъ двухъ путей, замѣтимъ, которые имѣютъ выходъ въ Іонію,—была расположена область лидійской культуры.

Всѣ названныя три культуры, связанныя между собою сквозными путями и соединенныя продолженіями этихъ путей, съ одной стороны, съ Месопотаміей, а съ другой стороны съ Эгейскимъ міромъ, должны быть приняты въ соображеніе по отношенію къ Іоніи.

Въ прямомъ географическомъ соприкосновеніи съ Месопотаміей находилась

только одна изъ перечисленныхъ цивилизацій, а именно первая. Судя по памятникамъ этой цивилизаціи, она несомнѣнно обладала наиболѣе широкимъ развитіемъ и была самой ранней по времени. Если существовала сухопутная цѣпь сообщенія между Месопотаміей и Іоніей, то хетты должны были составить крайнее восточное звено ея.

Почти каждому новому изслѣдователю Малой Азіи приходится констатировать, что хиттитская цивилизація, о самомъ существованіи которой современные ученые не подозрѣвали менѣе чѣмъ 40 лѣтъ назадъ, которую затѣмъ нѣкоторое время допускали только въ Сиріи и лишь въ послѣднее время признали, по крайней мѣрѣ, настолько же анатолійской, насколько и сирійской, захватывала болѣе широкую область и болѣе основательно заполняла ее, чѣмъ думали предшествовавшіе изслѣдователи. Въ настоящее время совершенно устарѣлъ взглядъ на анатолійскіе «хиттитскіе» памятники, какъ на случайныя лишь воспоминанія, оставшіяся отъ набѣговъ, предпринимавшихся изъ сирійской столицы. Едва ли менѣе устарѣлымъ является мнѣніе, что эти памятники указываютъ на временное только присутствіе солдатъ и торговцевъ, вращавшихся около двухъ или трехъ каппадокійскихъ центровъ, которые могли быть или не быть сирійскими колоніями.

Послѣднія открытія г. Уильяма Рамзэя и г-жи Гертруды Билль въ ликаонійской и южно-фригійской областяхъ и открытія ливерпульской и Корнелльской экспедицій въ южной Каппадокіи вмѣстѣ съ данными, собранными служащими Константинопольскаго музея, вполнѣ выяснили, что въ теченіе нѣкотораго періода времени «хиттитская» цивилизація господствовала во всей центральной и восточной Малой Азіи. Она захватывала всѣ пути съ Эгейскаго моря во внутреннюю Азію, а также обнимала всю плодородную землю въ сѣверной Сиріи и господствовала на всѣхъ возможныхъ континентальныхъ путяхъ отъ Средиземнаго моря къ востоку. При всѣхъ глубокихъ раскопкахъ, которыя когда-либо впослѣдствіи будутъ производиться гдѣ-либо на громадномъ пространствѣ между бассейнами сирійскаго Оронта и анатолійскаго Сангарія, а также между Месопотаміей и западнымъ краемъ Анатолійскаго плато, необходимо искать «хиттитскій» слой; эти поиски рѣдко окажутся напрасными.

Относительно этихъ остатковъ давно приняты два вывода. Во-первыхъ, періодъ, памятниками котораго они являются, начинаясь съ отдаленнаго времени древности, которое можетъ быть датировано не позднѣе 2000 г. до Р. Х., продолжается по крайней мѣрѣ до конца восьмого вѣка. Во-вторыхъ, цивилизація, представленная этими памятниками, поднала въ своемъ болѣе

позднемъ періодѣ подъ сильное месопотамское вліяніе. Можно даже сказать, пожалуй, что съ расширеніемъ Ассирійской монархіи она была поглощена месопотамской культурой. Эти два вывода имѣютъ очень большое значеніе для нашей настоящей задачи. Если по всей центральной Малой Азіи существовала проникнутая месопотамскимъ вліяніемъ культура, которую можно прослѣдить до начала архаическаго эллинскаго періода, то можно признать установленнымъ первое и наиболѣе жизненное звено въ необходимой сухопутной цѣпи между Тигромъ и Іоніей.

Оба эти вывода нашли себѣ сильную поддержку въ замѣчательныхъ результатахъ единственныхъ предпринятыхъ до сихъ поръ въ широкихъ размѣрахъ во внутренней Малой Азіи научныхъ раскопокъ, продолжающихся нынѣ подъ покровительствомъ Берлинскаго Археологическаго Института и Общества Ближней Азіи въ Богазкёѣ въ сѣверо-западной Каппадокіи. Здѣсь д-ра Винклеръ и Пухштейнъ съ сотрудниками занимаются изслѣдованіями большого города, котораго существованіе, развалины и своеобразныя скульптуры, изсѣченныя на скалахъ, сдѣлались извѣстны ученымъ болѣе семидесяти лѣтъ тому назадъ, благодаря Тексье и Гамильтону и впервые были научно изслѣдованы въ шестидесятыхъ годахъ гг. Перро и Гилльомомъ. Но честь самаго ранняго признанія ихъ «хиттитскими» должна принадлежать Сайсу. Расположенный недалеко къ востоку отъ Ангоры, но за Галисомъ, этотъ сильный пунктъ лежитъ на естественномъ продолженіи къ востоку сѣвернаго континентальнаго пути. По этой причинѣ, а также вслѣдствіе очевидной значительности его остатковъ, его обыкновенно принимали за Птеріумъ или Птерію, городъ, который, по Геродоту, былъ захваченъ царемъ Крезомъ во время его похода за Галисъ. Но такое отождествленіе остается лишь догадкой, вовсе не подтвержденной доселѣ раскопками. Въ послѣднее время это имя стали приписывать древнему пункту поселенія, открытому въ Акъ-аланѣ, въ самой низкой части бассейна Галиса, и ближе отвѣчающему указанію Геродота, по которому Птерія была κατὰ Σινώπην πόλιν τὴν ἐν Εὐξείνῳ πόντῳ μάλιστά κῃ κειμένη.

Результаты раскопокъ Винклера, насколько онѣ продвинулись впередъ, еще не опубликованы хотя бы въ самой суммарной формѣ. Открытіе disiecta membra архивовъ, написанныхъ на глиняныхъ табличкахъ клинообразными письменами на двухъ языкахъ, а именно на вавилонскомъ и, вѣроятно, на мѣстномъ, является почти единственнымъ, о которомъ мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія.

Письмена всѣхъ этихъ документовъ и языкъ нѣкоторыхъ изъ нихъ обнаруживаютъ, что каппадокійская или хетская цивилизація находилась въ тѣсной связи съ месопотамской, а содержаніе нѣкоторыхъ табличекъ, изложенное на вавилонскомъ языкѣ, говоритъ объ очень близкихъ политическихъ отношеніяхъ. Цари хеттовъ отъ Суббилулюмы до того монарха, котораго Рамзесъ II называлъ Хетазаромъ, повидимому, освѣдомляли Вавилонъ о своихъ войнахъ и договорахъ; послѣдній изъ названныхъ царей послѣ смерти Каташмантургу написалъ къ вавилонскому двору письмо, которое доказываетъ, что оба государства имѣли общихъ друзей и испытывали общія опасенія. Въ эпоху Суббилулюмы, т. е. въ началѣ 14-го вѣка до Р. Х., хетты изъ Каппадокіи обнаруживаютъ себя, не въ первый разъ, впрочемъ, своимъ вторженіемъ въ Сирію, побѣждаютъ Митанни на среднемъ Евфратѣ и основываются въ Кархемишѣ. Съ тѣхъ поръ, благодаря географическому положенію и торговлѣ, они находились въ самомъ тѣсномъ общеніи съ Месопотаміей и почувствовали самые ранніе результаты возвышенія новаго сѣвернаго семитическаго государства на Тигрѣ. Начиная съ царствованія Тиглаѳа-Пилезера I (1100 г. до Р. Х.), во всякомъ случаѣ хетты находились въ постоянныхъ враждебныхъ или нейтральныхъ отношеніяхъ съ Ниневитами, и съ этого времени въ искусствѣ ихъ обнаруживаются столь замѣтныя ассирійскія черты, что оно едва сохраняетъ свою индивидуальность. Какъ въ эту эпоху, которая очень близко подходитъ къ традиціонному времени возникновенія Іоніи, такъ и ранѣе, месопотамскія вліянія, очевидно, имѣли легкій доступъ на анатолійское плато. Изъ всѣхъ замѣчательныхъ результатовъ, полученныхъ Винклеромъ при его раскопкахъ въ Богазкёѣ, подтвержденіе этого факта его открытіями въ настоящій моментъ намъ болѣе всего важно.

Однако, нѣтъ основаній предполагать, что монархія хеттовъ могла когда-либо имѣть непосредственное соприкосновеніе съ Іоніей въ ея младенческомъ возрастѣ. Тотъ періодъ, когда она, повидимому, могла распространить свою политическую власть до Эгейскаго моря и оставить въ качествѣ памятниковъ фигуры въ скалахъ въ Нимфи, долженъ быть отнесенъ значительно далѣе той даты, которая обыкновенно опредѣляется для іонійской колонизаціи. Я считаю въ высшей степени вѣроятнымъ, что этотъ періодъ совпадаетъ съ болѣе ранней частью поздне-минойской эпохи, и не менѣе вѣроятнымъ, что именно царство хеттовъ было той внутренней континентальной державой, которая, какъ я указалъ, не подпускала эгейскихъ колонистовъ къ берегамъ Малой Азіи. Ранѣе я сказалъ, что это предположеніе значительно выиграетъ

въ своей правдоподобности, если можно будетъ доказать, что какая-либо сильная внутренняя анатолійская держава дѣйствительно пришла въ упадокъ около того времени, къ которому обыкновенно относятъ колоніальное расширеніе Эллады. Обратимся къ анналамъ той сѣверо-месопотамской державы, возвышеніе которой до господства въ старой Вавилонской области, если можно судить по одному изъ вновь найденныхъ писемъ, адресованныхъ къ вавилонскому двору, было предусмотрѣно царемъ хеттовъ и внушало ему страхъ. Значительная часть того, что намъ извѣстно изъ исторіи Ассиріи, состоитъ изъ сообщеній о періодическихъ нападеніяхъ на этихъ хеттовъ и на сосѣдніе народы. Они завершились полнымъ порабощеніемъ сирійской части царства хеттовъ въ концѣ восьмого вѣка до Р. Х., когда Саргонъ III захватилъ Кархемишъ съ его царемъ и вторгся въ Малую Азію. Но мы можемъ прослѣдить также и болѣе ранніе ассирійскіе походы и аннексіи далеко за Тавромъ. Мало сомнѣній можетъ быть относительно того, что не только сирійская, но и каппадокійская провинція въ теченіе вѣковъ конца второго и начала перваго тысячелѣтія до нашей эры подверглась длинному ряду гибельныхъ потрясеній, приведшихъ въ результатѣ къ неоднократнымъ потерямъ. Хотя Каппадокія лишилась всей южной части своей федераціи или имперіи и сама сдѣлалась данницей Ассиріи лишь послѣ 1000 г. до Р. Х., но еще задолго до того времени она, очевидно, достаточно была ослаблена для того, чтобы можно было удотвлетворительно объяснить отступленіе ея политическаго вліянія отъ эгейскихъ береговъ. Постоянно отступавшій отливъ оставилъ фигуры въ Нимфи, а долго сдерживавшіяся силы западныхъ острововъ и эгейскихъ береговъ получили, наконецъ, возможность хлынуть на востокъ.

Повидимому, на этихъ развалинахъ государства хеттовъ въ западныхъ областяхъ, ранѣе, вѣроятно, подчиненныхъ Каппадокіи, послѣдовательно возникли и выступили на историческую арену двѣ анатолійскихъ монархіи. Изъ нихъ фригійская наиболѣе рано, повидимому, достигла виднаго положенія. Ассирійцамъ не пришлось познакомиться съ ней до тѣхъ поръ, пока они не уничтожили хеттскаго заслона. Въ своихъ надписяхъ они не даютъ указаній на Фригію почти до конца восьмого вѣка, когда она появляется, какъ страна Мусковъ съ царемъ Мита, т. е. Мидасомъ. Но западу она, вѣроятно, была извѣстна гораздо ранѣе. Какъ двадцать лѣтъ назадъ профессоръ В. М. Рамзэй сказалъ въ образцовомъ трудѣ о фригійскомъ искусствѣ, напечатанномъ въ «Journal of Hellenic Studies», фригійскіе цари, предшествовавшіе утвержденію династіи Мермнадовъ въ Лидіи, производили болѣе сильное вне-

чатлѣніе на греческій умъ, чѣмъ какая-либо иная не греческая монархія: вѣдь ихъ языкъ былъ подлиннымъ языкомъ самой богини, ихъ государство было страной большихъ укрѣпленныхъ городовъ, а цари были союзниками самихъ боговъ. Но не только издалека азіатскіе греки слышали о фригійскихъ царяхъ. Мы узнаемъ, что одна царевна изъ Кимы въ восьмомъ вѣкѣ вышла замужъ за фригійскаго царя и что, по крайней мѣрѣ, одинъ царь, носившій имя Мидаса, отправилъ приношенія въ Дельфійскій храмъ. Расположенное между азіатскими греками и родиной древней хеттской цивилизаціи, Фригійское государство, повидимому, почти совершенно скрыло ее изъ вида грековъ до его собственнаго паденія отъ натиска Киммерійскихъ ордъ; греческая литература дала единственное упоминаніе о долго умиравшей Каппадокійской имперіи только при повѣствованіи объ экспедиціи за Галисъ послѣдняго царя наполовину эллинизированной Лидіи.

Впечатлѣніе, которое Фригійская держава производила на греческій умъ, вполнѣ оправдывается тѣми вещественными остатками, которыя отъ нея сохранились до нашихъ дней. Даже Богазкёй не въ состояніи дать такой удивительной группы памятниковъ въ скалахъ, какою отличается холмистая мѣстность между Афіумъ-Кара-Гиссаромъ и древнимъ Дорилеемъ, господствовавшая надъ путями къ морю какъ по Сангарію, такъ и по Герму. Огромный утесъ съ геометрическими меандрами, которые высѣчены въ подражаніе занавѣси, подвѣшенной къ украшенному фронтону съ надписями изъ письменъ, похожихъ на греческія, въ стилѣ и съ титулами одного изъ мидійскихъ монарховъ, остается наиболѣе величественной изъ анатолійскихъ могилъ; недалеко находится еще болѣе двухъ десятковъ другихъ могильныхъ сооруженій, почти достойныхъ сравненія съ названной могилой. Акрополь надъ грозными скалами около могилы Мидаса имѣетъ укрѣпленную вершину длиною почти въ полъмили, а у основанія его, по всей вѣроятности, лежалъ большой нижній городъ, который еще ожидаетъ заступа изслѣдователя. Нѣтъ страны, обладающей памятниками древности, которая въ большей степени была бы достойна изслѣдованія какъ на поверхности земли, такъ и въ нѣдрахъ ея, чѣмъ эта родина Фригійской державы; нѣтъ ни одной области, которую можно было бы болѣе настойчиво рекомендовать вниманію какой-либо западной націи, готовой пожертвовать нѣсколько лѣтъ и нѣсколько тысячъ фунтовъ для освѣщенія происхожденія греческой цивилизаціи. Нѣсколько сосѣднихъ городовъ, особенно тотъ, къ которому принадлежали могилы въ скалахъ Аязинна съ ихъ знаменитыми рельефами львовъ и воиновъ въ полномъ вооруженіи, а

также тотъ, который расположенъ на головокружительномъ акрополѣ Кумбета и около него, представляютъ едва ли менѣе заманчивые остатки. Ни въ одномъ случаѣ здѣсь не встрѣчается значительной толщи вышележащихъ слоевъ или большого загроможденія позднѣйшими остатками. Всѣ мѣста поселенія расположены на прекрасномъ прохладномъ нагорьѣ среди сосновыхъ лѣсовъ и вблизи проточныхъ водъ и заняты крѣпкимъ пастушескимъ крестьянскимъ населеніемъ. Фригія является истиннымъ раемъ для раскопокъ.

Уже давно Перро и Рамзэй выяснили, что нѣкогда по фригійской странѣ распространилось сильное сиро-каппадокійское вліяніе. Въ самомъ городѣ Мидаса имѣется по крайней мѣрѣ одинъ памятникъ въ скалахъ съ хиттитскими іероглифами, а на разстояніи нѣсколькихъ миль около Бейкёя былъ откопанъ изъ кургана фрагментъ камня съ подобными-же надписями. На востокѣ скульптуры Гяуръ-Калесси въ Галатіи представляютъ связь между этими хиттитскими памятниками и сѣверно-каппадокійскими; на западѣ-же фигуры изъ Нимфи, столь замѣчательно похожія по положенію и характеру на фигуры изъ Гяуръ-Калесси, продолжаютъ рядъ къ Эгейскому морю. Хотя вслѣдствіе недостатка въ раскопкахъ мы до сихъ поръ, въ сущности, за исключеніемъ памятниковъ въ скалахъ, не имѣемъ ничего, что позволило бы намъ судить о болѣе ранней фригійской цивилизаціи, однако, въ этихъ памятникахъ имѣется уже достаточно чертъ, чтобы отнести художественное происхожденіе ихъ на востокъ къ самой Месопотаміи. Приведемъ одинъ лишь примѣръ. Общая трактовка повсюду встрѣчающагося льва, который часто изображается съ другимъ львомъ въ обычномъ для Востока геральдическомъ сопоставленіи съ его тяжелой квадратной головой, условно расположенными волосами и наружно показанными мускулами, имѣетъ месопотамскій характеръ. Едва-ли допустимо сомнѣніе относительно того, что до эпохи великихъ фригійскихъ царей, молва о которыхъ достигла раннихъ азіатскихъ грековъ, Фригія находилась въ политической зависимости отъ Каппадокіи и испытывала вліяніе ея цивилизаціи. Поэтому представляется едва-ли менѣе достовѣрнымъ, что тѣ вліянія Месопотаміи, которыя чувствовались въ каппадокійской цивилизаціи съ ранняго времени въ возрастающей прогрессіи, должны были имѣть свободный доступъ во всякомъ случаѣ до западнаго края малоазіатскаго плато.

Однако, на остаткахъ фригійскихъ памятниковъ былъ отмѣченъ еще другой культурный элементъ, который не представляется каппадокійскимъ. Обыкновенно его связывали съ племенемъ иной расы, которое болѣе поздняя греческая традиція считала типично фригійскимъ и выводила изъ совершенно

другого источника, а именно изъ юго-восточной Европы. Мнѣ нѣтъ надобности повторять извѣстныя литературныя и миѳологическія свидѣтельства, которыя заставили признать идентичность Ѳрако-Вриговъ съ однимъ элементомъ въ фригійской цивилизаціи. Всѣ данныя говорятъ за принятіе ея и заставляютъ признать, что въ періодъ упадка Хеттовъ, съ одной стороны, и эгейскаго ослабленія, съ другой, существовали передвиженія племенъ черезъ Геллеспонтъ, нѣкоторый отголосокъ которыхъ, повидимому, звучитъ въ пѣсняхъ о Троянской войнѣ. Такимъ обстоятельствамъ суждено было повториться немного менѣе, чѣмъ черезъ тысячу лѣтъ, когда Кельты изъ Иллиріи устремились черезъ разрушенныя македонскія царства, чтобы образовать въ сѣверной Фригіи Галатію римской исторіи. Несомнѣнно, что такими-же передвиженіями мы должны объяснить слѣды фригійской культуры на эгейскихъ берегахъ, дошедшіе до насъ въ культовыхъ легендахъ горы Иды, въ преданіяхъ фригійской Троады, въ локализаціи около Смирны греческихъ миѳовъ о Пелопѣ и, вѣроятно, въ дѣйствительно сохранившихся здѣсь нѣкоторыхъ уже указанныхъ раннихъ памятникахъ, а именно въ группѣ Тантала.

Имѣя въ виду, что моей темой въ настоящее время является вопросъ о передачѣ месопотамскихъ вліяній, я не имѣю надобности распространяться объ этомъ европейскомъ элементѣ фригійской цивилизаціи. Еще тѣмъ менѣе это необходимо въ виду того, что свидѣтельство памятниковъ въ пользу его присутствія относится по большей части къ сравнительно позднему времени, вѣроятно, болѣе позднему, чѣмъ время іонійскаго переселенія. Но есть причина, по которой этотъ элементъ имѣетъ косвенное отношеніе къ нашей проблемѣ. Вѣроятно, онъ былъ виновникомъ присутствія въ позднѣйшихъ фригійскихъ памятникахъ тѣхъ чертъ, которыя представляютъ столь близкое сходство съ чертами іонійскихъ и карійскихъ остатковъ, что убѣдительно говоритъ за существованіе раннихъ сношеній между западнымъ берегомъ и внутренней частью страны. Таковыми, напримѣръ, являются азбучное письмо на многихъ памятникахъ Сангарія, и нѣкоторыхъ каппадокійскихъ; доспѣхи, состоящіе изъ шлема съ гребнемъ и круглаго щита, съ которыми изображены воины на одномъ несомнѣнно фригійскомъ рельефѣ, наконецъ, фронтоны и лѣпныя украшенія, которые имѣются на многихъ фригійскихъ фасадахъ. Эти черты имѣютъ настолько греческій видъ, что было высказано почти всѣми заключеніе объ ихъ іонійскомъ происхожденіи. Однако, такая исторія ихъ представляется не столь необходимо истинной, какъ предполагалось. Онѣ появляются на памятникахъ во Фригіи ранѣе, чѣмъ въ западной Малой Азіи. Если, обращаясь только къ фригійскому

алфавиту, мы отнесемъ формы и значеніе его знаковъ къ Іоніи, то мы допустимъ возможность пользованія ими тамъ въ такое отдаленное время, отъ котораго до насъ вовсе не дошло никакихъ памятниковъ. А если нельзя разсматривать финикійскій алфавитъ, какъ единственно родственный іонійскому, то аргументы, которыми Рамзэй пользовался для поддержки своихъ двухъ теорій о происхожденіи фригійской системы либо изъ Кимы, либо изъ Синопы, перестаютъ быть убѣдительными. Какъ доказываютъ найденные въ Тордосѣ въ Трансильваніи исчерченные черепки, какая-то форма линейныхъ письменныхъ знаковъ была въ употребленіи въ неолитической юго-восточной Европѣ; затѣмъ необходимо вспомнить, что извѣстная надпись изъ Лемноса, хотя и составленная не на фригійскомъ языкѣ, но по характеру похожая на фригійскія, географически оказалась на возможномъ пути перехода. Невольно возникаетъ опасеніе, что гипотеза о происхожденіи фригійскаго алфавита отъ греческаго была принята слишкомъ легко, и зарождается подозрѣніе, что фригійскій алфавитъ скорѣе могъ быть самостоятельнымъ отборомъ изъ того большого запаса линейныхъ символовъ, которыми, повидимому, съ очень древнихъ временъ пользовались въ областяхъ Эгейскаго моря, западной Азіи и юго-восточной Европы различныя, распредѣленныя на обширномъ пространствѣ, подраздѣленія темной «средиземноморской расы». Если истинная исторія фригійской системы письма дѣйствительно такова, то представляется вполнѣ возможнымъ, что она была скорѣе создательницей азіатскаго греческаго алфавита, а не дѣтищемъ его.

Однако, для меня въ настоящее время имѣетъ значеніе одинъ лишь простой фактъ существованія этихъ параллельныхъ чертъ. Трудно предположить, что онѣ всѣ имѣли самостоятельное происхожденіе въ этихъ обѣихъ цивилизаціяхъ; если-же онѣ не были самостоятельными, то онѣ въ равной степени доказываютъ прохожденіе вліянія по внутреннимъ путямъ малой Азіи въ случаѣ какъ западнаго, такъ и восточнаго ихъ происхожденія. Но, конечно, эти черты составятъ болѣе сильную поддержку моей главной мысли въ томъ случаѣ, если онѣ существовали во Фригіи раньше появленія своего въ Іоніи. Вѣдь въ этомъ случаѣ онѣ усиливаютъ своимъ свидѣтельствомъ тѣ остальныя данныя, которыя говорятъ о вліяніи, направлявшемся во время ранне-іонійскаго періода изъ внутренней части страны къ западному берегу. Поэтому я рѣшаюсь высказать въ заключеніе, что балансъ имѣющихся свидѣтельствъ отчетливо склоняется болѣе въ сторону фригійскаго вліянія на ранне-іонійскую цивилизацію, чѣмъ въ сторону ранне-іонійскаго вліянія на фригійскую циви-

лизацію. Много времени прошло до того момента фригійской исторіи, когда возможно обнаружить въ ней какіе-либо достовѣрные слѣды эллинскаго вліянія. Въ то время какъ въ арміи Ксеркса Лидійцы были вооружены одинаково съ греками, фригійцы сохранили еще свое каппадокійское снаряженіе. Фригійскій языкъ продолжалъ существовать въ мѣстномъ употребленіи до христіанской эры.

Тѣ связи, которыя существовали между Фригіей и ранней Іоніей, вѣроятно, поддерживались главнѣйше не путемъ прямого общенія, но черезъ посредство другого звена внутренней цѣпи, а именно черезъ то Лидійское государство, по территоріи котораго на большомъ протяженіи проходили обѣ дороги, шедшія изъ внутренней части страны въ Іонію. Наши познанія относительно Лидіи въ одно и то же время и болѣе и менѣе обширны, чѣмъ относительно какой-либо иной не греческой цивилизаціи Малой Азіи. Съ одной стороны, литературныя преданія и даже историческіе факты, сообщенные греками относительно ранней Лидіи, гораздо болѣе полны и даютъ болѣе свѣдѣній, чѣмъ относительно Фригіи или Каппадокіи. Съ другой же стороны, вещественные памятники съ лидійской почвы значительно болѣе скудны по количеству и ничтожны по качеству. Оба рода свидѣтельствъ пребываютъ почти совершенно въ томъ же положеніи, въ какомъ они находились болѣе четверти вѣка назадъ, когда Radet только что опубликовалъ свою капитальную монографію о династіи Мермнадовъ, а Сэйсъ съ пророческой смѣлостью предложилъ рядъ тѣхъ предположеній, которыя составляютъ главу о Лидіи въ его трудѣ «Early Empires of the East». Когда онъ поразилъ историковъ, смѣло заявивъ, что Лидія нѣкогда была «Хиттитской сатрапіей», онъ, во-первыхъ, опирался на сиро-каппадокійскій характеръ, который онъ придавалъ скульптурамъ въ скалахъ Кара-Беля около Нимфи и «Ніобѣ» около Магнезіи, и во-вторыхъ основывался на толкованіи нѣкоторыхъ данныхъ, сообщенныхъ греками относительно до-Мермнадскихъ династій. Одна изъ нихъ, а именно династія Гераклидовъ, начинается двумя месопотамскими именами Бела и Нина и имѣетъ своимъ героемъ-эпонимомъ бога, котораго Сэйсъ отождествляетъ съ Санданомъ Востока. Въ то время заявленіе Сэйса было смѣлой догадкой. Но весь свѣтъ, пролитый съ тѣхъ поръ на внутреннюю Малую Азію, послужилъ скорѣе для поддержки, а не для опроверженія этой догадки. Непрерывно возрастало въ нашихъ глазахъ значеніе хеттской державы по крайней мѣрѣ въ 15-мъ и 14-мъ вѣкахъ до Р. Х. Послѣ того, какъ Винклеръ открылъ, что каппадокійскій царь могъ рискнуть обратиться съ напоминаніемъ къ послѣднему Каташмантургу въ Вавилонѣ, никоимъ образомъ уже не кажется фантастичнымъ, что Каппадокійское цар-

ство могло простираться одно время до Эгейскаго моря; также вполнѣ возможно, что памятники въ скалахъ около Смирны съ «хиттитскими» іероглифами представляютъ собою воспоминаніе не о самостоятельной мѣстной цивилизаціи и не о простомъ каппадокійскомъ набѣгѣ, но объ опредѣленной политической оккупаціи хеттской державой.

Итакъ, въ извѣстномъ періодѣ месопотамское вліяніе должно было обладать свободой для своего наступательнаго движенія изъ Каппадокіи и Фригіи въ долины Герма и Меандра. Но къ сожалѣнію, еще почти не сдѣлано никакихъ усилій, чтобы выяснить въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ вопросъ о существованіи слѣдовъ происхожденія этого вліянія, а также чтобы узнать что-нибудь путемъ раскопокъ въ плодоносной почвѣ Лидіи. Поверхность страны не находилась въ пренебреженіи. Внимательно совершенныя Бурешомъ путешествія вдоль и поперекъ ея въ значительной степени выяснили, что можетъ быть найдено и чего нельзя ожидать на лидійской землѣ. Но онъ путешествовалъ ранѣе того времени, когда эгейскія, сиро-каппадокійскія или ранне-іонійскія вещи получили такую хорошую извѣстность и стали такъ хорошо различаться, какъ нынѣ, и умеръ, не завершивъ своей работы и предоставивъ другимъ изданіе своихъ черновыхъ замѣтокъ. Кромѣ того, онъ не удалялся на большое разстояніе отъ проторенныхъ путей. Лидія въ значительной своей части состоитъ изъ горъ, которыя впродолженіе двухъ поколѣній спеціально служили гнѣздомъ разбойниковъ. Если какому-нибудь жителю Смирны назвать Босъ-Дагъ, т. е. древній Тмолъ, то онъ скажетъ, какъ мало извѣстны его тайники и какъ европейцы страшатся проникать въ нихъ. До ученыхъ доходили слухи о существованіи въ этомъ массивѣ нѣсколькихъ памятниковъ въ скалахъ; такъ, еще въ 1870 году Сэйсъ получилъ подобное извѣстіе отъ Шпигельталя; однако, никто не позаботился о провѣркѣ этихъ извѣстій. Археологъ-изслѣдователь все еще имѣетъ возможность составить себѣ имя, ограничивъ свои работы однимъ только вилайетомъ Аидина.

Для археолога-копателя почва представляется еще болѣе дѣвственной. Въ центральной части западной Анатоліи, внѣ іонійскихъ городовъ, въ сущности совершенно не было произведено раскопокъ. Большой знаменитый городъ Сарды съ его необыкновенно долгой и разнообразной исторіей еще едва разведанъ. Начиная съ Шлимана, многіе изслѣдователи желали заняться этимъ дѣломъ, но всѣ отступали передъ издержками и трудностями, которыя должны были возникнуть вслѣдствіе присутствія глубокаго ила и вышележащихъ позднѣйшихъ слоевъ. Изслѣдователи, пытавшіеся работать въ Сардскомъ некрополѣ,

который нынѣ носитъ названіе Бинъ-Тепе, т. е. Тысяча холмовъ, и на большомъ курганѣ, который по предположенію представляетъ собою описанную Геродотомъ могилу Аліатта, не достигли достаточно удовлетворительныхъ результатовъ. Они либо не находили ничего за исключеніемъ того, что было брошено прежними грабителями, либо, вслѣдствіе отсутствія настойчивости, не дѣлали абсолютно никакихъ находокъ. Однако, теперь въ Британскомъ музеѣ хранятся найденные на этомъ большомъ кладбищѣ два фрагмента рельефовъ и нѣсколько расписныхъ вазъ и фрагментовъ, изъ которыхъ послѣдніе представляютъ интересъ по волнистой орнаментаціи, слегка напоминающей расписныя издѣлія Василики изъ минойскаго Крита. Въ настоящее время американскій синдикатъ предлагаетъ еще разъ приступить къ работамъ на хорошо извѣстномъ мѣстѣ расположенія храма, гдѣ стоятъ двѣ колонны эллинистическаго періода. Если онъ будетъ въ состояніи осуществить свой проектъ, то ему несомнѣнно придется вскрыть до-греческій слой, часть котораго уже обнаружилась неподалеку вслѣдствіе естественной денудаціи. Слѣдуетъ надѣяться, что успѣхъ въ этихъ работахъ будетъ достаточно значителенъ, чтобы склонить синдикатъ къ раскопкамъ по всему городищу. Почва старой крѣпости, теперь почти совершенно вывѣтрившейся, представляется сама по себѣ безнадежной, но многое, конечно, было смыто съ нея къ скату, расположенному вокругъ ея подножія. Въ странахъ Средиземья не можетъ быть никакихъ раскопокъ, которыя были бы желательны въ болѣе сильной степени, чѣмъ раскопки этого большого лидійскаго города, которому должна была принадлежать роль послѣдняго главнаго звена между Іоніей и Востокомъ.

За исключеніемъ небольшихъ поисковъ въ позднѣйшемъ городѣ Траллахъ нельзя назвать никакихъ другихъ раскопокъ. Прямымъ слѣдствіемъ этого является почти полное отсутствіе какихъ-либо вещественныхъ памятниковъ, касающихся цивилизаціи, которая, по ходячимъ вѣрованіямъ раннихъ грековъ, научила ихъ многимъ изъ высшихъ искусствъ жизни. Такъ, напр., въ Лидіи не было найдено ни одного памятника, который могъ бы быть использованъ для освѣщенія надписи, начертанной, по словамъ Геродота, на столбахъ надъ могилой Аліатта, или для развитія нашихъ познаній относительно угасшаго къ христіанской эрѣ мѣстнаго языка, немногія слова котораго, всѣ повидимому индо-европейскаго характера, сохранены для насъ грамматиками. Не поддавшійся прочтенію камень, найденный близь Ѳіатиры и впослѣдствіи утерянный, и сомнительный фрагментъ исцарапаннаго камня, купленный въ Смирнѣ и находящійся теперь въ Оксфордѣ, могутъ считаться единственными представи-

телями лидійскихъ письменныхъ документовъ, найденными въ Лидіи. Изъ иныхъ странъ извѣстно вырѣзанное какимъ-нибудь чужеземнымъ работникомъ въ Сильсилехскихъ ломкахъ песчаника на Нилѣ грубое graffito, которое Сэйсъ, сдѣлавшій эту находку, на основаніи двухъ изъ содержащихся въ немъ именъ, предложилъ признать лидійскимъ. Изъ числа золотыхъ издѣлій Лидіи, богатства которой отъ времени Гигеса до эпохи Креза вошли въ пословицу у грековъ и остались пословицей до сихъ поръ, мы имѣемъ лишь достаточное количество монетъ изъ электра и двѣ группы бездѣлушекъ. Одна изъ нихъ, найденная, какъ кажется, въ Сардахъ въ 1898 г., принадлежитъ къ очень грубому типу; другая же, упомянутая въ предыдущей лекціи, найденная близь Траллъ около 30 лѣтъ назадъ и съ сомнѣніемъ названная лидійской, выполнена въ болѣе развитомъ стилѣ. Небольшіе бронзовые предметы, хранящіеся въ маломъ количествѣ въ западныхъ музеяхъ, найдены, по имѣющимся извѣстіямъ, въ Лидіи; но все же происхожденіе ихъ сомнительно, а значеніе ихъ во всякомъ случаѣ самое обыденное.

Такой недостатокъ въ археологическомъ матеріалѣ до нѣкоторой степени сглаживается только литературной традиціей Грековъ. Она во всякомъ случаѣ вполнѣ выясняетъ, что въ архаическомъ іонійскомъ періодѣ должны были существовать очень тѣсныя отношенія между прибрежными городами и Лидіей, которая представлялась Іоніи обладательницей болѣе древней культуры. Вторая изъ упомянутыхъ странъ очевидно считала первую главной торговой державой западно-азіатскаго міра или, какъ сказалъ Radet, «le grand intermédiaire». Нельзя опасаться придать слишкомъ большое значеніе мнѣнію Геродота, бывшаго малоазіатскимъ Грекомъ, по которому Лидійцы первые стали употреблять монету изъ драгоцѣнныхъ металловъ и были первыми розничными торговцами (κάπηλοι). Вѣдь эти указанія при совмѣстномъ разсмотрѣніи ихъ могутъ означать только то, что въ мнѣніи Іонійцевъ именно Лидійцы главнымъ образомъ вели торговлю съ греческими городами въ раннее время ихъ исторіи. Показаніе Геродота настолько знаменательно, что оно повидимому смутило даже Radet, приписывавшаго столь большое значеніе лидійскому вліянію. Онъ пытался ослабить смыслъ этого показанія, предположивъ, что Геродотъ подъ κάπηλοι подразумѣвалъ только содержателей гостиницъ. Однако въ греческомъ языкѣ слово κάπηλος никогда не было равнозначащимъ тому, что на западѣ связываютъ съ понятіемъ о содержателѣ гостиницы или даже харчевни, но почти всегда означаетъ владѣльца мелочной лавки, подобно владѣльцу греческаго μπακάλι настоящаго времени. Такое лицо ведетъ торговлю разнаго

рода съѣстными припасами, желѣзнымъ и мѣднымъ товаромъ, а также напитками и т. д., но не занимается отдачей помѣщенія въ наемъ путешественникамъ.

Болѣе раннее утвержденіе Геродота, что Лидійцы и Греки имѣли сходные обычаи, за исключеніемъ одного спеціально азіатскаго случая, должно быть, пожалуй, значительно ослаблено поправкой на обратное вліяніе Іоніи, задолго до времени этого историка проникавшее въ Лидію. Но другія показанія Геродота и иныхъ греческихъ авторитетовъ обнаруживаютъ существованіе обычнаго взгляда, что Греція ранней эпохи большую часть своего знакомства съ роскошью получила отъ Лидіи. Геродотъ сообщаетъ также безъ комментаріевъ, что, по увѣренію Лидійцевъ, они обучили Грековъ многимъ изъ своихъ игръ. Вообще игры не интересуютъ общество, пока оно не располагаетъ нѣкоторымъ досугомъ и достаткомъ. Если какая-либо цивилизація занимаетъ по отношенію къ другой положеніе учителя въ отношеніи ознакомленія съ роскошью и развлеченіями, то нѣтъ никакихъ сомнѣній относительно того, которая изъ обѣихъ цивилизацій разсматривается другою, какъ болѣе древняя и болѣе развитая.

Итакъ мы спокойно можемъ предположить, что въ верхнихъ лидійскихъ долинахъ существовала сравнительно высоко развитая цивилизація еще до появленія таковой въ прибрежныхъ городахъ. Вѣроятно, Лидія уже существовала въ то время, когда азіатской Греціи еще не было. Вспомните замѣчательный разсказъ Геродота о Тирсенѣ, который «въ царствованіе Атиса сына Манеса» (оба эти имени фригійскія) привелъ половину лидійскаго народа къ Смирнскому заливу и, построивъ тамъ корабли, отплылъ на нихъ и основалъ колонію въ умбрійской Италіи. Едва ли тѣ, которые передавали этотъ разсказъ, могли думать, что въ царствованіе этого Атиса на заливѣ существовала эолійская или іонійская Смирна; но они признавали существованіе въ то время внутренней монархіи, которая была въ состояніи проникнуть къ побережью. Повидимому, разсказъ указываетъ именно на такое положеніе вещей, нѣкогда господствовавшее на анатолійскихъ берегахъ, о которомъ мы догадывались. Существовала какая-то внутренняя держава, еще достаточно могущественная, чтобы задерживать западныхъ колонистовъ въ открытомъ морѣ. Въ эту эпоху Лидія находилась, вѣроятно, еще подъ властью хеттовъ или, скорѣе, какъ даютъ понять имена царей въ приведенномъ разсказѣ, подъ властью фригійскихъ вассаловъ хеттской державы. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что при князьяхъ Лидіи до-мермнадскаго времени существовали тѣсныя сношенія между этой страной и Фригіей. На этотъ фактъ наводитъ не только эпонимъ леген-

дарныхъ Атіадовъ, но также повѣствованіе объ Адрастѣ, сынѣ Гордія и внукѣ Мидаса, который явился въ качествѣ просителя къ Крезу, ἀνδρῶν φίλων ἔκγονος ἐών. Культурное вліяніе Фригіи обнаруживается на древнѣйшихъ лидійскихъ монетахъ, типы которыхъ съ головой льва не могутъ не напомнить скульптуры въ скалахъ бассейна Сангарія.

Имѣются достаточныя основанія полагать, что это вліяніе въ до-мермнадскія времена доходило до фригійскаго политическаго господства надъ Лидіей. Однако, Лидія сама имѣла болѣе раннихъ царей. Какъ хорошо извѣстно, ея династическая исторія, въ томъ видѣ, въ какомъ она передана намъ Греками, начинается не съ Мермнадовъ. Геродотъ признаетъ не менѣе 22 поколѣній предшествовавшей династіи Гераклидовъ и допускаетъ даже еще болѣе раннюю династію; при этомъ историческій характеръ нѣкоторыхъ изъ этихъ предшественниковъ Мермнадовъ былъ убѣдительно доказанъ Гельцеромъ. Однако, совпаденіе большого подъема лидійскаго могущества, приписаннаго стараніямъ древнѣйшихъ Мермнадовъ, съ окончательнымъ упадкомъ Фригійской монархіи подъ тяжестію Киммерійскаго нашествія, даетъ почти несомнѣнныя указанія на то, что нашествіе Киммерійцевъ послужило, по крайней мѣрѣ отчасти, причиной паденія Фригійскаго царства. Мало можетъ быть сомнѣній насчетъ того, что Мермнады были дѣйствительно первыми независимыми монархами Лидіи. Болѣе ранніе цари были только вассалами и кліентами государствъ, лежавшихъ далѣе внутрь страны. Когда къ Ассурбанипалу обратился за помощію «Гуггу, царь Лудди», первый изъ Мермнадовъ, то великій царь отмѣтилъ въ своихъ анналахъ, что эта просьба поступила отъ народа, о которомъ ни онъ, ни его предки ничего ранѣе не слыхали. Это объясняется тѣмъ, что до того времени Ассирійцы смѣшивали Лидійцевъ то съ однимъ, то съ другимъ сюзеренным ъ государствомъ, ближе расположеннымъ къ Тигру, чѣмъ они.

Ясно, что при посредствѣ этой цѣпи внутреннихъ цивилизацій азіатское и, въ концѣ концовъ, месопотамское вліянія, которыя мы можемъ отмѣтить въ раннихъ іонійскихъ произведеніяхъ, имѣли полную возможность дойти до западнаго берега Малой Азіи. Восточный центръ ея долгое время находился подъ господствомъ державы менѣе месопотамской, чѣмъ сама Месопотамія, державы, повидимому, одно время распространявшей свое политическое вліяніе даже до Эгейскаго моря. Если это время и предшествовало греческой колонизаціи, то всетаки эта держава продолжала существовать внутри страны еще долго послѣ того, какъ колонисты осѣли, и въ теченіе нѣкотораго времени, вѣроятно, еще господствовала надъ вассальными государ-

ствами, лежавшими между ея собственнымъ центромъ и берегомъ. Даже послѣ того какъ эти государства свергли верховную власть этой державы, они не въ состояніи были сразу освободиться отъ всего того, что въ нихъ укоренилось, благодаря ея долгому господству. Сношенія Гигеса съ Ассурбанипаломъ указываютъ, что въ седьмомъ вѣкѣ по крайней мѣрѣ Лидійцы еще не перестали обращать свои взоры въ сторону Тигра.

Однако, за недостаткомъ раскопокъ во внутренней части Малой Азіи, за недостаткомъ мелкихъ находокъ изъ сиро-каппадокійской и фригійской областей, наконецъ, за неимѣніемъ, въ сущности, какихъ-либо вещественныхъ памятниковъ изъ Лидіи, мы можемъ лишь очень несовершеннымъ образомъ прослѣдить это месопотамское вліяніе en route, и едва-ли можемъ сдѣлать что-либо большее, чѣмъ указать, что нѣкоторое вліяніе проходило къ западу сухимъ путемъ. Теперь намъ остается изслѣдовать, могло-ли подобное вліяніе проникать также по второму изъ возможныхъ путей, именно по морскому, и доходить до Іоніи черезъ иное посредство, кромѣ анатолійскаго, и въ случаѣ положительнаго отвѣта, опредѣлить, въ какой степени эти другіе посредники должны принять отвѣтственность по отношенію ко всему элементу Востока въ ранней іонійской цивилизаціи. Это изслѣдованіе влечетъ за собой разсмотрѣніе расширенія къ западу сирійскихъ Семитовъ и, въ частности, Финикійцевъ.

Лекція V.

Левантскій путь.

До сихъ поръ я мало пользовался древнѣйшимъ литературнымъ памятникомъ архаической Греціи, т. е. Гомеровскимъ эпосомъ, и по простой причинѣ. Онъ не можетъ ярко освѣтить какую-либо внутреннюю или прибрежную часть Азіи за предѣлами того небольшого пространства, на которомъ происходила Троянская война. Гомеръ могъ просить подаянія въ городахъ Іоніи, которые были не прочь послѣ его смерти заявить на него свои права; но, несмотря на эти странствованія, а можетъ быть и вслѣдствіе ихъ, онъ оставилъ для потомства гораздо меньше свѣдѣній о томъ, что расположено къ востоку отъ Эгейскаго моря, чѣмъ о томъ, что лежитъ къ западу отъ него. Мы имѣемъ свѣдѣнія о характерѣ одной или двухъ анатолійскихъ областей, какъ, напр., равнины Каистра; о Лидійцахъ-же нѣтъ никакихъ упоминаній, хотя есть указаніе на Меонійцевъ, жившихъ у подножія Тмола. Фригійцы выступаютъ вмѣстѣ съ Троянскимъ царствомъ на востокѣ, и страна ихъ неопредѣленно названа εὐτείχητος, страной огражденныхъ городовъ; однако, нѣтъ никакихъ указаній, по которымъ можно было бы сдѣлать выводъ относительно дѣйствительнаго положенія ихъ въ анатолійской культурѣ. Нѣтъ совершенно никакихъ намековъ ни на царство Хеттовъ, ни на месопотамскія государства. Но, въ концѣ концовъ, почему Гомеръ сталъ бы упоминать о нихъ? Конечно, во время Гомера и въ его мірѣ существовали гораздо болѣе великіе монархи, чѣмъ Агамемнонъ, и гораздо болѣе могущественныя государства, чѣмъ Троя, Спарта или Микены, но пѣвцу до нихъ не было дѣла. Онъ долженъ былъ пѣть только о судьбѣ флота обрушившихся съ запада на уголокъ чуждаго берега Ахейскихъ пиратовъ, къ которымъ присоединились немногіе другіе съ Эгейскихъ острововъ. Ахейцы высадились, сражались, производили набѣги и грабежи, отплыли обратно и болѣе никакихъ дѣлъ съ Малой Азіей не имѣли. Вѣроятно, Гомеръ

почти ничего не могъ бы сообщить намъ о внутренней части полуострова даже если бы у него была надобность это сдѣлать. Но этой надобности у него, и не было. Поэтому нельзя основываться въ нашихъ доводахъ на его молчаніи въ этомъ отношеніи.

Однако, онъ довольно часто упоминаетъ о населеніи одного азіатскаго города, лежавшаго не въ Малой Азіи, а именно Сидона, и въ самомъ раннемъ указаніи (II. VI, 290) говоритъ объ однихъ Сидонцахъ, не касаясь другихъ Финикійцевъ. Эти иностранцы упоминаются, какъ извѣстные пираты и поставщики отборныхъ товаровъ, но среди dramatis personae эпоса фактически нѣтъ ни одного представителя этого народа и названъ только одинъ, нѣкто Федимъ изъ Сидона. Когда поэту приходится говорить о какомъ-либо произведеніи изящнаго искусства, онъ обыкновенно приписываетъ изготовленіе его греческому богу и дѣлаетъ это даже въ одномъ такомъ случаѣ, когда оно оказывается въ финикійскихъ рукахъ. Но если онъ приписываетъ это изготовленіе какому-либо смертному, то таковымъ бываетъ иногда Сидонецъ. Упоминая о тонкомъ искусствѣ окрашиванія слоновой кости, онъ даетъ намъ понять, что оно было свойственно нѣкоторымъ народамъ Малой Азіи, Меонійцамъ и Карійцамъ. Въ эпосѣ, особенно въ Одиссеѣ, въ значительномъ числѣ описаны художественныя произведенія, какъ, напр., находившіяся въ спартанскомъ и феакійскомъ дворцахъ, которыя поэтъ, очевидно, считалъ продуктами мѣстнаго производства. Вообще, современные ученые часто приписываютъ Сидонцамъ болѣе значительную роль въ гомеровской культурѣ, чѣмъ приписывалъ имъ самъ Гомеръ. Какъ профессоръ J. L. Myres указалъ нѣсколько лѣтъ назадъ, упомянутое въ эпосѣ мореходство въ подавляющемъ большинствѣ находилось въ рукахъ Грековъ, пользовавшихся греческими же судами; объ этомъ фактѣ должны помнить всѣ тѣ, кого зачаровало сочиненіе Виктора Берара «Les Phéniciens et l'Odyssée». Все то, что по данному вопросу мы можемъ извлечь изъ Гомеровскихъ поэмъ, сводится къ слѣдующему. Культура, давшая эти поэмы и, вѣроятно, также героевъ ихъ, привыкла къ посѣщеніямъ сидонскихъ кораблей въ большей степени, чѣмъ къ посѣщеніямъ представителей какого-либо другого иноземнаго искусства, и получала съ сидонскихъ судовъ нѣкоторыя изъ заграничныхъ произведеній, которыми она пользовалась. Однако, самую ахейскую культуру составляли скитавшіеся по морямъ воинственные искатели приключеній; она была весьма далека отъ того, чтобы можно было назвать ее не художественной и не производительной.

Если поэты этой культуры признавали ея тончайшія произведенія искусства дѣломъ рукъ боговъ, мы не болѣе имѣемъ права предполагать, что они считали эти произведенія чужеземными, чѣмъ предполагать, что авторы сагъ сѣверной Европы разсматривали всѣ магическіе мечи древне-скандинавскихъ, германскихъ или датскихъ героевъ, какъ старинныя произведенія чужеземныхъ расъ. Какъ великій человѣкъ героическаго вѣка можетъ сдѣлаться полубогомъ еще при своей жизни, такъ и великое произведеніе первобытнаго искусства можетъ быть признано созданіемъ рукъ божества даже тѣмъ поколѣніемъ, которое могло помнить дѣйствительнаго творца.

Однако, одни только показанія Гомера могли бы послужить достаточнымъ оправданіемъ для того, чтобы признать нѣкоторое участіе Финикійцевъ въ образованіи ранней эллинской культуры. Ихъ грузы прекрасныхъ произведеній искусства могли въ большой мѣрѣ состоять изъ чужихъ произведеній; между тѣмъ, чисто финикійское, если судить по тому, что мы знаемъ о настоящихъ финикійскихъ вещахъ, носило почти несомнѣнно характеръ заимствованнаго и несвободнаго. Но черезъ посредство Финикіянъ до береговъ Греціи должно было дойти многое, что не могло не оказать бодрящаго дѣйствія на культуру, вѣроятно, только начинавшую, подъ вліяніемъ ахейской крови, возстановлять свою прежнюю эгейскую энергію и воскрешать художественные инстинкты. И показанія Гомера въ ихъ пользу являются, конечно, не единичными. Среди болѣе раннихъ греческихъ историковъ какъ Геродотъ, такъ и Ѳукидидъ подтверждаютъ фактъ посѣщеній Финикійцами доисторической Европейской Греціи и вліянія въ ней финикійской торговли. Доказывая семитическое происхожденіе раннихъ названій нѣкотораго количества мѣстностей по греческимъ берегамъ, филологія предположила, что эта торговля принуждала къ устройству факторій и поселеній; однако, не только Гомеръ ничего не говоритъ о нихъ, но и производители раскопокъ до сихъ поръ не открыли какихъ-либо слѣдовъ ихъ.

Далѣе, въ пользу Финикійцевъ имѣется еще одинъ аргументъ. Если даже, по существующему теперь предположенію, легенда о Кадмѣ и все, что ведетъ отъ него начало, первоначально не имѣли никакого отношенія къ Семитамъ, такъ какъ кадмейскій φοῖνιξ былъ «краснымъ» (т. е. темнымъ) эгейскимъ человѣкомъ, все-же нѣкоторую отвѣтственность Финикійцевъ въ отношеніи греческаго алфавита какими-либо объясненіями уничтожить нельзя. Правда, недавнее открытіе древнѣйшаго письма, употреблявшагося въ областяхъ позднѣйшей Греціи, нѣкоторые позднѣйшіе линейные знаки

котораго сильно приближаются къ архаическимъ эллинскимъ формамъ, заставило снова обсудить принятую теорію и, можетъ быть, произведетъ революцію въ нашихъ взглядахъ на источникъ, изъ котораго сами Финикійцы заимствовали азбучное письмо. Вѣрно также то, что классическія литературныя преданія о происхожденіи эллинскаго алфавита не имѣютъ большого значенія, такъ какъ за единственнымъ исключеніемъ Геродота, указаніе котораго, вѣроятно, служило авторитетнымъ источникомъ для всѣхъ другихъ писателей, но представляло при этомъ не хорошо извѣстный въ то время фактъ, а его собственный домыселъ, эти преданія сообщаются только писателями римскаго періода. Затѣмъ справедливо, что возникаютъ трудности вслѣдствіе измѣненія азбучнаго значенія нѣкоторыхъ знаковъ въ различныхъ частяхъ Греціи и появленія въ эллинской системѣ нѣкоторыхъ другихъ знаковъ, формы и значеніе которыхъ, очевидно, не финикійскаго происхожденія. Наконецъ, правда и то, что нѣкоторыя эллинскія буквы носятъ такія названія, которыя не имѣютъ значенія ни на одномъ извѣстномъ семитическомъ языкѣ. Но, вопреки всѣмъ высказаннымъ соображеніямъ, тотъ фактъ, во-первыхъ, что греческія названія буквъ въ большинствѣ являются дѣйствительно семитическими, и во-вторыхъ, что семитическій порядокъ алфавита является также и эллинскимъ до конца болѣе короткой изъ обѣихъ азбукъ, удостовѣряетъ, что Семиты, и именно Финикійцы, въ чемъ едва-ли можно сомнѣваться, оказывали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сильныя вліянія въ то время, когда эллинская культура впервые вырабатывала азбучное письмо. Финикійцы должны были играть столь значительную роль въ сношеніяхъ съ Греками, что названія, значеніе и порядокъ знаковъ ихъ алфавита въ концѣ концовъ были приняты всюду.

Здѣсь, однако, мы должны энергично протестовать противъ существованія дѣйствительно убѣдительныхъ доказательствъ того, что Финикійцы въ теченіе нѣкотораго времени вели въ Эгейскомъ морѣ фрахтовую торговлю, хотя мы и привыкли къ гораздо болѣе широкимъ выводамъ. По той долѣ, которая принадлежала Семитамъ въ передачѣ восточныхъ вліяній на берега Греціи, нельзя дѣлать предположеній какъ о томъ, что они были единственной передаточной инстанціей, такъ и о томъ, что они сами были народомъ, обладавшимъ такими высокими качествами, которыя въ глазахъ находившихся въ началѣ своего развитія Эллиновъ дѣлали ихъ высшей и высоко-цивилизованной расой. Эти преувеличенія, которыя характеризуютъ почти всѣ образцовыя изслѣдованія по древней греческой исторіи, возникаютъ вслѣдствіе неправильнаго пониманія различныхъ показаній. Нѣкоторыя изъ нихъ,

какъ, напр., принадлежащія Гомеру, какъ оказывалось при тщательномъ изслѣдованіи, всегда имѣли достаточно ясное значеніе, тогда какъ остальныя до послѣдняго времени едва могли получить правильную оцѣнку. Первое мѣсто занимаетъ, конечно, комплексъ эгейскихъ показаній, но о нихъ мнѣ нѣтъ надобности много говорить. Уже прошло то время, когда полагали, будто «микенская» цивилизація въ художественномъ отношеніи сильно зависитъ отъ Финикіи, и когда въ наиболѣе художественныхъ предметахъ, найденныхъ Шлиманомъ, археологи усматривали творенія рукъ Семитовъ.

Что-же касается комплекса другихъ показаній, а именно кипрскихъ, относящихся къ послѣ-эгейскому времени, то они заслуживаютъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Кипръ часто представляли болѣе финикійскимъ, чѣмъ сама Финикія. Но что даютъ факты? Несомнѣнно, въ Китіи, около нынѣшней Ларнаки, при финикійской династіи существовало финикійское поселеніе. Здѣсь финикійскія надписи были найдены въ сравнительно большомъ количествѣ, даже въ гораздо большемъ, чѣмъ во всей Финикіи. Сборникъ семитическихъ надписей содержитъ 77 надписей изъ одного лишь Китія и только 9 надписей со всего сирійскаго берега. Въ небольшомъ количествѣ онѣ были найдены также въ сосѣднемъ Идаліи, который одно время былъ подчиненъ Китію. Во всей же остальной части острова найдено не болѣе 12 финикійскихъ надписей и притомъ въ разныхъ мѣстахъ: такъ, напр., одна найдена въ Голгахъ, одна около Лапеѳа, недавно открыта одна въ старомъ Пафосѣ и нѣсколько въ Хитрахъ. Всѣ эти тексты, за исключеніемъ одного, написаннаго на фрагментахъ бронзовой чаши, посвященной Ливанскому Баалу и представляющей, по всей вѣроятности, ввезенный предметъ, относятся къ позднему времени и ни одинъ изъ нихъ не древнѣе пятаго вѣка до Р. Х. Мы имѣемъ свѣдѣнія, что при занятіи Кипра въ 479 г. до Р. Х., для основанія династіи въ Китіи, персидскій царь Ксерксъ пригласилъ изъ Тира нѣкоего Баалмелика; имѣющіеся въ дѣйствительности на Кипрѣ семитическіе остатки не даютъ никакихъ основаній, чтобы отвергнуть споръ о томъ, таково-ли было начало господства финикійцевъ въ какой-либо части острова. Здѣсь могли существовать болѣе раннія торговыя поселенія, но убѣдительными данными для доказательства ихъ существованія мы не располагаемъ. Не слѣдуетъ даже опираться на библейское упоминаніе о Хиттимѣ, какъ колоніи Тира, если многіе филологи считаютъ, что произносящаяся съ придыханіемъ начальная буква этого названія исключаетъ возможность отождествленія его съ Китіемъ. Въ виду того, что завоеваніе Александра положило конецъ

существованію финикійскихъ царьковъ, мы можемъ выдѣлить господству Семитовъ па Кипрѣ не болѣе, чѣмъ полтора столѣтія, при чемъ этотъ краткій періодъ всецѣло принадлежитъ классическому времени.

Болѣе того, въ теченіе того же періода островъ въ другихъ отношеніяхъ продолжалъ быть эллинскимъ. Надписи показываютъ намъ, что даже въ Идаліи, при семитскомъ управленіи, имена видныхъ гражданъ и гражданское устройство были греческими. Принявъ для Кипра зависимость отъ Финикіи только въ художественномъ отношеніи, Перро долженъ былъ допустить этотъ неудобный фактъ. Ему пришлось также признать нѣкоторые другіе противосемитическіе факты, относящіеся къ раннему Кипру. Во-первыхъ, какъ показываютъ надписи, историческимъ языкомъ его отъ самаго давняго времени, до какого эти надписи доходятъ, былъ греческій. Во-вторыхъ, этотъ языкъ находилъ выраженіе не въ азбучномъ, а въ слоговомъ письмѣ, котораго мы не встрѣчаемъ ни въ одной изъ семитическихъ системъ письма и которое принадлежитъ къ совершенно иной группѣ письменъ. Съ того времени, когда Перро написалъ свои главы о Кипрѣ, мы значительно расширили познанія объ этой группѣ и располагаемъ теперь для изученія болѣе ранними кипрскими текстами, имѣющимися на нѣкоторыхъ глиняныхъ шарахъ, найденныхъ въ Энкоми. Стало ясно, что между первоначальнымъ кипрскимъ и линейнымъ критскимъ письмомъ, принадлежащимъ къ поздне-минойскому періоду и являющимся до-финикійскимъ, существовала родственная связь. Слѣдовательно, въ родовомъ отношеніи это кипрское письмо принадлежитъ къ эгейской системѣ. Кипрское силлабическое письмо продолжало употребляться въ очень позднее время, даже въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х. Не ранѣе этого времени оно уступило, наконецъ, мѣсто греческой азбучной *κοινή*. Часто обращали вниманіе на то, что столь долго продержавшаяся силлабическая система была чрезвычайно затруднительна для изображенія греческой рѣчи; отсюда справедливо заключили, что пользованіе этой системой очень прочно установилось ранѣе того времени, когда гораздо болѣе удобная финикійская азбучная система проникла на островъ. Едва-ли возможно думать, что ею когда-либо пользовались широкіе круги населенія и еще тѣмъ менѣе господствующіе элементы его.

Въ-третьихъ, верховная богиня Кипра въ болѣе раннихъ надписяхъ острова всегда носитъ греческое имя *ἡ Ϝάνασσα*, т. е. царица. Два главныхъ пункта мѣстнаго почитанія ея, Пафосъ и Идалій, оказываются именно тѣми двумя городами, о греческомъ характерѣ которыхъ чрезвычайно ярко свидѣтельствуютъ данныя самихъ собственныхъ именъ. Въ Пафосѣ найденно свыше ста надписей,

написанныхъ кипрскимъ, греческимъ и римскимъ письмомъ, и, насколько мнѣ извѣстно, обнаружена только одна надпись семитическаго письма. Въ Идаліи найдено около шести финикійскихъ надписей, изъ которыхъ ни одна не относится ко времени ранѣе 4-го вѣка. Совершенно неизвѣстны надписи изъ Амаѳунта, а изъ Голговъ происходитъ только одна. Каковы бы ни были семитическія черты въ культѣ Кипрской богини, ея главныя мѣстныя резиденціи, очевидно, до конца оставались въ основѣ своей греческими. Даже болѣе того, можно прямо поставить вопросъ, заключалъ ли дѣйствительно ея культъ какія-либо несомнѣнно семитическія черты? Нынѣ признано существованіе подобной богини природы въ качествѣ верховнаго божества во всѣхъ мѣстахъ эгейскаго міра. Если главнымъ мѣстомъ ея почитанія былъ расположенный къ западу островъ Критъ, на которомъ эгейская цивилизація, повидимому, развилась со временъ отдаленной древности, не подвергаясь серіознымъ измѣненіямъ извнѣ, то обычный взглядъ прошлаго поколѣнія о восточномъ происхожденіи эллинской Афродиты во всѣхъ мѣстахъ ея культа и, въ частности, Кипрской царицы, какъ кажется, нуждается въ коренномъ пересмотрѣ. Многія черты культа Кипрской царицы, параллели къ которымъ обыкновенно искали на сирійскомъ берегу, имѣютъ болѣе раннія параллели въ западной эгейской области. Такъ, напр., употребленіе бэтиловъ въ культѣ было на Критѣ еще задолго до того времени, къ которому относятся имѣющіяся у насъ дѣйствительныя свидѣтельства о существованіи его на финикійскомъ берегу. Зачѣмъ въ такомъ случаѣ относить священный камень Пафоса къ Библу? Голубь былъ божественнымъ аттрибутомъ эгейской богини одинаково какъ въ Микенахъ, такъ и на Критѣ, покоился на рукѣ или головѣ ея и сидѣлъ наверху священнаго бэтила. Какая надобность, поэтому, обращаться къ сирійской Иштаръ за объясненіемъ вдохновенія, проявившагося въ фигуркахъ съ голубями изъ Идаліи и Голговъ? Конечно, оргіастическіе обычаи Пафосскаго храма, какъ, напр., обрядовая проституція, единственное имѣющееся у насъ свидѣтельство о которой, замѣтимъ, происходитъ изъ христіанскихъ источниковъ, имѣли свои параллели во всей Западной Азіи, даже вплоть до Арменіи и Вавилона. Но въ Коринѳѣ и Сициліи также могутъ быть приведены къ нимъ параллели.

Если языкъ, имена или письмо Кипра совершенно не подверглись вліянію Финикійцевъ, а культъ его либо испыталъ это вліяніе въ слабой степени, либо также совершенно ему не подвергся, то едва ли можно ожидать данныхъ, которыя указали бы, что Финикійцамъ обязано происхожденіемъ въ большой

мѣрѣ художественное творчество Кипра. Если, какъ дѣйствительно и есть, мы находимъ, что вся глиняная посуда энкомійскихъ могилъ принадлежитъ къ тому-же эгейскому классу, къ которому относятся вазы Ялиса и позднѣйшія издѣлія Крита времени реоккупаціи, и развилась прямо изъ стиля перваго и второго поздне-миноійскихъ періодовъ; если мы находимъ далѣе, что всѣ гончарныя и мѣдныя издѣлія Кипра, относящіяся къ бронзовому вѣку, въ столь сильной степени отличаются отъ такихъ же издѣлій сосѣднихъ областей и обнаруживаютъ столь несомнѣнные признаки развитія изъ мѣстныхъ грубыхъ начальныхъ формъ, что туземное происхожденіе ихъ является неоспоримымъ; если мы все это находимъ, то мы разъ навсегда отказываемся отъ финикійскаго искусства, какъ главнаго фонда, который послужилъ для развитія кипрскаго искусства. Какъ профессоръ I. L. Myres выразился въ «Catalogue of the Cyprus Museum», «наиболѣе распространенные характерные типы глиняной посуды Кипра не были обнаружены въ Финикіи и, слѣдовательно, не могли быть позаимствованы оттуда... Во всякомъ случаѣ, имѣющіяся данныя энергично противорѣчатъ существованію какой-либо первоначальной зависимости культуры Кипра отъ какого-либо извѣстнаго финикійскаго стиля». Кромѣ того, на Кипрѣ мы находимъ ясныя указанія на существованіе переходныхъ формъ отъ стиля бронзоваго вѣка къ стилю ранне-желѣзнаго. Значительное большинство декоративныхъ элементовъ послѣдняго сохранилось отъ бронзоваго вѣка и дало начало тому мѣстному геометрическому орнаменту, которому съ тѣхъ поръ суждено было оставаться характернымъ для Кипра.

Обращаясь къ болѣе роскошнымъ и изысканнымъ предметамъ, какъ напр., изготовленнымъ изъ драгоцѣнныхъ металловъ, слоновой кости и композиціи, мы разсчитываемъ найти доказательства иностраннаго вліянія въ большемъ количествѣ, и дѣйствительно, мы нашли ихъ въ Энкоми. Но это вліяніе лишь въ очень незначительной степени можетъ быть съ достовѣрностью или даже съ вѣроятностью приписано Финикіи. Значительная часть его принадлежитъ Египту. Въ составъ энкомійскаго клада входятъ не только скарабеи и иные предметы изъ пасты, настоящаго нильскаго производства, но также такія золотыя издѣлія, которыя по нѣкоторымъ своимъ рисункамъ и по употребленію зерновиднаго орнамента appliqué могли вполнѣ быть наслѣдіемъ тонкихъ работъ изъ драгоцѣнныхъ металловъ, изготовлявшихся въ Египтѣ въ эпоху Рамессидовъ и ранѣе. Недавнее открытіе въ Бубастисѣ сокровища, относящагося ко времени Рамзеса II, совершенно ясно показало, что если необходимо прослѣдить въ какую-либо сторону работу polveriscolo изъ Энкоми, ран-

ней Іоніи и Этруріи, то это слѣдуетъ сдѣлать въ направленіи египетской работы по металламъ второго тысячелѣтія до Р. Х. При этомъ нѣтъ надобности искать посредника между Кипромъ и Ниломъ. Данныя записей фараоновъ и частое обнаруженіе кипрской глиняной посуды въ нильскихъ мѣстахъ поселенія (такъ, напр., подобные черепки были найдены Петри во время его перваго пребыванія въ Мемфисѣ) даютъ обильный матеріалъ для того, чтобы заключить, что Египетъ и ближайшій островъ Средиземнаго моря поддерживали между собою частыя непосредственныя сношенія, по крайней мѣрѣ со времени Тутмеса III.

Предметы энкомійскаго клада и въ ихъ числѣ особенно издѣлія изъ слоновой кости обнаруживаютъ сильное присутствіе азіатскаго вліянія. Если бы выраженіе этого особеннаго искусства въ энкомійскихъ предметахъ обнаружило какія-либо изъ тѣхъ характерныхъ чертъ, которыя ассоціируются нами съ наилучше аттестованными произведеніями финикійскаго искусства, каковы, напр., найденныя въ различныхъ мѣстахъ между Ниневіей и Италіей металлическія чаши съ расположеннымъ въ концентрическихъ поясахъ и часто сопровождаемымъ семитическими надписями украшеніемъ изъ фигуръ, то Финикійцы имѣли бы право на мѣсто въ области этого искусства. Между тѣмъ, эти характерныя черты, какъ нѣкоторыя эклектическія и часто понимаемыя неправильно схемы и детали орнаментаціи, а также несомнѣнная рѣзкость и сухость исполненія бросаются въ глаза по отсутствію ихъ въ энкомійскихъ издѣліяхъ изъ слоновой кости. Здѣсь мы замѣчаемъ заимствованные мотивы, выраженные съ той же рѣдкой оригинальностью и жизненностью, которыя наблюдаются въ Критской трактовкѣ чужеземныхъ сюжетовъ въ нѣсколько болѣе раннемъ эгейскомъ періодѣ. Если насчетъ точной даты энкомійскихъ могилъ существуетъ какое-либо сомнѣніе, то насчетъ источника культуры, которую представляетъ ихъ содержимое, вопроса быть не можетъ. Эта культура, мѣстная по развитію, имѣла по существу эгейское происхожденіе. Вслѣдствіе своей большей близости по географическому положенію къ Египту и Месопотаміи она дѣлала, сравнительно съ минойской культурой Крита, болѣе прямыя заимствованія изъ этихъ странъ. Но, подобно минойской культурѣ, она претворила всѣ заимствованія въ лабораторіи своего генія.

На основаніи искусства энкомійскаго клада мы можемъ легко сдѣлать заключеніе о существенныхъ чертахъ произведеній Кипра, относящихся къ архаическому періоду исторіи. Мы можемъ отмѣтить сирійское видоизмѣненіе кипрскаго искусства только въ такомъ періодѣ, который былъ

слишкомъ позднимъ для того, чтобы оказать воздѣйствіе на проблему происхожденія Іоніи. Но даже и въ этомъ случаѣ Сирія, повидимому, отдавала только часть долга, которымъ она была обязана самому Кипру съ нѣсколько болѣе ранняго времени. Такой характеръ, напр., имѣетъ относящееся къ этому позднему времени сирійское вліяніе въ «греко-финикійской» каменной скульптурѣ и терракоттахъ, много образцовъ которыхъ имѣется въ коллекціи Чеснолы. Профессоръ Myres заявляетъ смѣлое мнѣніе, что Финикійцы при своемъ первомъ появленіи на Кипрѣ, вѣроятно, вовсе не имѣли своего собственнаго искусства. А въ такомъ случаѣ было бы, очевидно, абсурдомъ не только разсматривать Финикійцевъ, какъ созидателей цивилизаціи ранняго эллинскаго Кипра, но и считать произведенія Кипра въ ихъ главныхъ отличительныхъ чертахъ образцами финикійскаго искусства. Между тѣмъ, отъ энкомійскаго клада до браслета Этсандра изъ Пафоса они во всемъ существенномъ представляютъ образцы мѣстнаго искусства эгейско-эллинской общины, въ основѣ своей не-семитическаго. Если существовала передача какого-либо художественнаго импульса отъ одной расы къ другой, то вдохновеніе переходило отъ Кипріотовъ къ Финикійцамъ, а не наоборотъ. На главный вопросъ не вліяетъ то обстоятельство, что впослѣдствіи жители Тира стали привозить свои подражательныя издѣлія, какъ напр., фрагментированныя чаши Амаѳунта, на островъ, который самъ много потрудился для того, чтобы научить ихъ производству предметовъ искусства, и что они вывозили съ острова въ свои западныя колоніи его продукты и передавали имъ его вліянія. Поскольку обнаруживаютъ всѣ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи вещественныя доказательства, этотъ ввозъ и вывозъ относится къ гораздо болѣе позднему періоду, чѣмъ тотъ, который былъ свидѣтелемъ созданія эллинской цивилизаціи.

То, что слѣдуетъ сказать о Родосѣ, который считается второй и послѣдней станціей финикійскаго вліянія въ его предполагаемомъ побѣдномъ шествіи на западъ, можетъ быть изложено короче и нѣсколько иначе. Здѣсь также мы должны принять во вниманіе тотъ фактъ, что въ могилахъ Ялиса древнѣйшіе мѣстные матеріалы свидѣтельствуютъ не о финикійской цивилизаціи, а о послѣ-эгейской въ связи съ Египтомъ Рамессидовъ. Вспомнимъ, что въ Иліадѣ Ялисъ вмѣстѣ съ Линдомъ и Камиромъ оказывается на ахейской сторонѣ; этотъ фактъ, поскольку онъ имѣетъ значеніе, указываетъ, что цивилизація пришла на островъ съ запада. Если мы обратимся къ ближайшей по времени группѣ документовъ, а именно къ содержимому нѣкоторыхъ раскопокъ и могилъ въ Камирѣ, относящемуся, повидимому, къ седьмому

вѣку до Р. Х., мы найдемъ сходныя съ эфесскими издѣлія, происхожденіе которыхъ, какъ и эфесскихъ, должно быть съ полной основательностью отнесено къ послѣ-эгейскому источнику. Но мы находимъ также глиняную посуду, на которой былъ введенъ новый элементъ украшеній изъ фигуръ, и предметы изъ слоновой кости и изъ пасты, которые были внушены какимъ-то не эгейскимъ искусствомъ. Хотя здѣсь, особенно въ керамическихъ украшеніяхъ, имѣется азіатскій элементъ, однако первоначально главнымъ источникомъ этого чужеземнаго вліянія былъ безспорно Египетъ. Сильно характерныя нильскія черты мы замѣчаемъ въ особенности на издѣліяхъ изъ слоновой кости; затѣмъ на мѣстѣ поселенія были найдены въ довольно значительномъ количествѣ фигурки, амулеты, скарабеи и разные сходные съ ними предметы, представлявшіе либо египетскую работу, либо близкое подражаніе египетскимъ образцамъ. Подобныя подражанія были найдены въ громадныхъ количествахъ въ Навкратисѣ при производившихся тамъ съ 1884 г. послѣдовательныхъ раскопкахъ; этотъ фактъ несомнѣнно указываетъ, что отвѣтственными за нильскія черты въ архаическомъ искусствѣ Родоса и другихъ частей Греціи слѣдуетъ считать не столько Финикійцевъ, сколько греко-египтянъ. Намъ извѣстно, что уроженцы юго-западной Малой Азіи часто не только посѣщали долину Нила, но и оставались тамъ на жительство по крайней мѣрѣ уже въ эпоху воцаренія саисскихъ фараоновъ. Эти уроженцы имѣли кварталъ и лагерь въ Мемфисѣ; въ седьмомъ вѣкѣ они сдѣлали на ногахъ колосса въ Нубіи надпись изъ знаковъ какого-то мѣстнаго алфавита (бывшаго, вѣроятно, алфавитомъ самого Родоса) и задолго до того времени, когда Амазисъ предоставилъ въ ихъ распоряженіе Навкратисъ, они учредили на канопскомъ Нилѣ торговые пункты. Далѣе, въ виду того, что въ Навкратисѣ они вступили въ сферу полнаго вліянія той дельтовой цивилизаціи, которая, какъ мы съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждаемся, поглотила многое, что было по происхожденію месопотамскимъ, они имѣли полную возможность передать архаическому эллинскому искусству Родоса, Анатоліи и европейской Греціи даже азіатскій его элементъ.

Эта направленная противъ Семитовъ критика имѣетъ цѣлью низвести значеніе, которое принадлежало Финикійцамъ на греческихъ островахъ и берегахъ во время зарожденія эллинизма, до роли простыхъ мелочныхъ торговцевъ, слѣдовавшихъ по морскимъ путямъ, давно открытымъ другими. Самое большее, они основывали въ немногихъ мѣстахъ, какъ напр., въ Китіи на Кипрѣ, скорѣе факторіи, чѣмъ колоніи, и дѣлали это лишь съ надлежащаго дозволенія. Безусловно, это не даетъ никакого повода предполагать, что Финикійцы могли

играть какую-либо достойную упоминанія роль въ дѣлѣ созиданія изъ Грековъ художественнаго народа. Затѣмъ, если мы обратимся за свѣдѣніями къ дѣйствительнымъ остаткамъ финикійскаго искусства, то все то, что мы найдемъ, ни по времени, ни по характеру своему не послужитъ подтвержденіемъ такого предположенія. Тѣ свѣдѣнія, которыми мы располагаемъ относительно этого искусства въ томъ его видѣ, въ какомъ оно осуществлялось на его родной почвѣ въ Сиріи или въ странахъ, несомнѣнно находившихся въ теченіе извѣстнаго періода времени подъ господствомъ Финикійцевъ, какъ, напр., въ средней части побережья сѣверной Африки, принадлежатъ періоду значительно болѣе позднему, чѣмъ время Гомера. Всѣ же произведенія Финикійцевъ, относящіяся къ болѣе раннему времени, приходится принимать на вѣру отчасти на основаніи указаній самого Гомера, отчасти по скуднымъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ позднѣйшими греческими и римскими писателями. Нѣкоторыя изъ нихъ возможно прослѣдить до самого Гомера, а другія—до финикійскихъ записей, переведенныхъ на греческій языкъ такими авторами, какъ Менандръ изъ Эфеса и Филонъ изъ Библа. Нѣкоторыя указанія имѣются также въ еврейской исторіи, какъ въ Ветхомъ завѣтѣ, такъ и въ трудахъ Іосифа, который, впрочемъ, какъ кажется, широко воспользовался компиляціей Менандра. Однако, когда мы, наконецъ, доходимъ до изученія имѣющихся въ дѣйствительности памятниковъ финикійскаго искусства, то мы находимъ его въ такой сильной степени заимствованнымъ и подражательнымъ и, кромѣ того, настолько однообразнымъ, что не представляется возможнымъ считать его когда-либо независимымъ и прогрессивнымъ. Дальнѣйшія раскопки могутъ измѣнить это мнѣніе, доставивъ неизвѣстные теперь матеріалы ранняго времени изъ Сидона, Арада, Тира и западныхъ финикійскихъ колоній. Однако, время идетъ, а финикійская почва остается почти такой же безплодной, какъ и ранѣе. Правда, изслѣдованія могли производиться доселѣ не безъ затрудненій. Въ Сидонѣ и Тирѣ, несмотря на это, были произведены нѣкоторыя раскопки, и поверхность страны давно подвергалась тщательнымъ развѣдкамъ. Хотя Тунисъ находится въ рукахъ Французовъ въ продолженіе уже почти цѣлаго поколѣнія, но до сихъ поръ еще раннее искусство Карѳагена представлено грубыми провинціальными издѣліями, рабски подчиненными египетскому вліянію.

Наконецъ, мы не имѣемъ возможности судить по сравнительнымъ образцамъ о тѣхъ произведеніяхъ искусства ранняго Тирскаго вѣка, которыя такъ сильно прославлены еврейскимъ преданіемъ. Мы не знаемъ никакихъ вещественныхъ семитическихъ остатковъ, которые могли бы свидѣтельствовать о

существованіи чего-либо, что заслуживало бы названія культуры Финикіи, до того періода, когда іонійская цивилизація должна была находиться уже въ періодѣ юности. Не имѣется ничего, т. е. ни одного памятника, ни одной монеты, ни какихъ-либо иныхъ остатковъ древнѣе, по крайней мѣрѣ, девятаго вѣка. Въ частности неизвѣстно ни одного образца финикійскаго письма, относящагося къ столь раннему времени, какъ 900 г. до Р. Х. Я не теряю изъ вида того, что согласно свидѣтельству египетскихъ и гомеровскихъ извѣстій, а также указаній Ветхаго завѣта, Финикійцы были уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій до этого времени народомъ болѣе или менѣе просвѣщеннымъ. Но ни одно изъ этихъ свидѣтельствъ не доказываетъ того, что опровергаютъ всѣ археологическіе памятники, именно, что эти Семиты обладали самобытной и способной къ развитію культурой въ необходимой степени, чтобы оказать рѣшительное культурное воздѣйствіе на такое племя, каковое представляли собой ранніе Іонійцы. Особенно мы должны сомнѣваться въ существованіи у Финикійцевъ какой-либо вполнѣ развитой независимой системы письма до того времени, когда іонійское переселеніе сдѣлалось уже совершившимся фактомъ.

Въ отношеніи Іоніи положеніе дѣла можно резюмировать слѣдующимъ образомъ. Отсутствіе вліянія египетской культуры среди самыхъ древнихъ издѣлій Эфеса, отсутствіе настоящей финикійской работы какъ здѣсь, такъ и на Родосѣ, и греческое преданіе, что азіатскіе греки получили коммерческое образованіе отъ народовъ внутренней части полуострова, все это въ итогѣ весьма сильно говоритъ въ пользу того, что восточныя вліянія достигли побережья сухимъ путемъ въ значительно большей степени, чѣмъ морскими путями Леванта. Но это предположеніе не является окончательнымъ. Необходимо оставить открытую дверь для Семитовъ въ качествѣ возможныхъ перевозчиковъ месопотамскихъ товаровъ. Если бы можно было доказать, что незадолго до начала перваго тысячелѣтія до Р. Х. Финикійцы отрѣшились отъ египетскаго вліянія и дѣйствовали только какъ перевозчики почти исключительно азіатскихъ товаровъ, то оказалось бы, что воздѣйствіе ихъ все же могло быть значительно. Какъ оказывается, это предположеніе совершенно не представляетъ чего-либо невѣроятнаго. Хорошо извѣстенъ фактъ, что послѣ времени Рамзеса III, т. е. въ началѣ 12-го вѣка до Р. Х., египетскія записи въ теченіе нѣкотораго времени не упоминаютъ о прямыхъ сношеніяхъ съ азіатскими народами. Съ того времени мы не слышимъ уже о войнахъ съ тѣми сильными конфедераціями Хеттовъ, которыя съ середины 18-й ди-

настіи оспаривали у фараоновъ Сирію. Непосредственнымъ и, вѣроятно, истиннымъ объясненіемъ этой перемѣны служитъ возвышеніе Израильскаго царства въ области, находящейся между Сиріей и долиной Нила. Пока это царство оставалось сильнымъ, оно играло роль государства-буфера. Въ такомъ случаѣ центральная и сѣверная Сирія должна была еще разъ совершенно подпасть подъ вліяніе Месопотаміи, которая, въ этомъ отношеніи, всегда имѣла силу среди западныхъ Семитовъ. Вѣдь даже во время расцвѣта египетскаго могущества въ Азіи они, повидимому, никогда не пользовались египетской іероглифической системой. Въ Филистіи мы находимъ линейные знаки, родственные эгейской системѣ, а въ Финикіи открываемъ у образованныхъ классовъ клинообразное письмо. Во внутреннихъ сѣверныхъ мѣстностяхъ хиттитская іероглифическая система всегда занимала господствующее положеніе, имѣя въ качествѣ альтернативы клинообразное письмо.

Итакъ, тѣ продукты, перевозкой которыхъ на западъ прибрежные Семиты должны были заниматься около времени іонійскаго переселенія, по всей вѣроятности, носили месопотамскій характеръ. Первый извѣстный фактъ политическаго соприкосновенія между Финикіей и Ассиріей приходится въ царствованіе Иѳобала, царя Тира, не ранѣе 9-го вѣка. Но эти «ассирійскіе грузы», которые, по словамъ Геродота, финикійцы начали перевозить вскорѣ (αὐτίκα) послѣ того, какъ они обосновались на сирійскомъ побережьѣ, могли задолго до этого спуститься къ западному берегу караванными путями. Изслѣдованія въ сѣверной Сиріи по мѣрѣ своего развитія все съ большей ясностью обнаруживаютъ важное значеніе расположенной географически между Финикіей и Месопотаміей внутренней цивилизаціи, которая была въ полномъ расцвѣтѣ въ концѣ второго тысячелѣтія до Р. Х. Судя по ея остаткамъ, какъ значительнымъ, такъ и мелкимъ, она должна была отличаться выдающейся производительностью. Этой цивилизаціей была та южная «хиттитская», о которой я уже говорилъ въ связи съ Каппадокіей. Городъ, который въ ассирійскихъ записяхъ, относящихся къ Хеттамъ, всегда играетъ роль ихъ столицы, долженъ былъ представлять собою значительный торговый центръ. Мы можемъ сдѣлать такой выводъ на основаніи того простого факта, что указный вѣсъ maneh или mina Кархемиша получилъ такое названіе и находился во всеобщемъ употребленіи въ людныхъ центрахъ Месопотаміи. Кархемишъ былъ расположенъ на самомъ Евфратѣ, у находившейся въ широкомъ пользованіи переправы черезъ рѣку и, согласно толкователямъ египетскихъ и клинообразныхъ текстовъ, на правомъ или сирійскомъ берегу. Если же это такъ,

то несомнѣнно, что онъ лежалъ на мѣстѣ большого укрѣпленнаго пункта Джерабиса, находящагося на разстояніи около 15-ти миль внизъ по теченію отъ Бирeджика. Здѣсь можно видѣть нависшій надъ рѣкой большой искусственный валъ, городскія стѣны, ограничивающія подковообразную площадь, большій діаметръ которой достигаетъ почти полмили, массивную киклопическую кладку для запруды Евфрата, и четыре скульптурныя плиты очень хорошаго хиттито-ассирійскаго стиля, находящіяся въ стоячемъ или лежачемъ положеніи въ глубокомъ рву, сдѣланномъ почти 30 лѣтъ назадъ у подножія акрополя. Найденные тогда же и посланные въ Британскій музей другіе памятники какъ по своимъ іероглифическимъ надписямъ, такъ и по своему художественному стилю свидѣтельствуютъ въ достаточной степени о хиттитскомъ характерѣ городища. Они являются прекраснѣйшими изъ скульптуръ, до сихъ поръ найденныхъ во всей области хиттитской цивилизаціи, и, проявляя несомнѣнныя характерныя черты хиттитскаго искусства, въ то же время обнаруживаютъ, какъ и можно было ожидать, очень замѣтное вліяніе Месопотаміи. Выше уровня хиттитскаго города лежатъ значительные остатки города христіанскаго времени, древнее имя котораго не установлено съ достовѣрностью. Присутствіе его является доказательствомъ значенія этого мѣста въ теченіе долгаго времени вслѣдствіе господствующаго положенія надъ переправою черезъ Великую Рѣку.

Этотъ городъ является не единственнымъ важнымъ хиттитскимъ пунктомъ Сиріи. На протяженіи ста миль по среднему теченію Евфрата, отъ выхода его изъ горъ Тавра до вступленія въ пустыню, на обоихъ берегахъ его находится непрерывный рядъ насыпей съ плоскими вершинами, изъ которыхъ каждая послѣдующая возвышается на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ предыдущей, ранѣе потери ея изъ вида; въ трехъ или четырехъ изъ нихъ посчастливилось обнаружить хиттитскіе памятники. Весь рядъ насыпей отъ большой земляной въ Самосатѣ до той, которая увѣнчана замкомъ Калатъ-Энъ-Неджмъ, является хиттитскимъ. Если вы удалитесь отъ рѣки въ сторону центральной Сиріи, то почти не будете терять изъ вида такихъ насыпей на всякомъ избранномъ вами для путешествія маршрутѣ отъ верхней части долины Оронта, гдѣ находится мѣсто города Кадеша, въ которомъ французы намѣрены производить раскопки, до Тавра у Мараша. Профессоръ фонъ-Лушанъ, производитель раскопокъ въ Синджирли, сообщилъ мнѣ, что въ одной только сѣверо-западной Сиріи онъ насчиталъ не менѣе 600 насыпей. Нѣкоторыя изъ сирійскихъ насыпей, какъ, напр., находящіяся въ Хама, Алеппо и Телль-Башарѣ,

доставившія остатки хиттитской культуры, имѣютъ еще большую величину, чѣмъ насыпь въ Джерабисѣ.

Эта обширная группа остатковъ городовъ, характеризующая поверхность сѣверной Сиріи и смежной пограничной полосы Месопотаміи настоящей высыпью земляныхъ бугровъ, свидѣтельствуетъ объ исчезновеніи исключительной по развитію культуры, которая, благодаря господствовавшему надъ главными континентальными путями изъ Египта, Месопотаміи и Малой Азіи положенію, должна была имѣть большое коммерческое и стратегическое значеніе. Достаточно бросить поверхностный взглядъ на эту область, чтобы понять, почему великіе цари Ассиріи такъ долго и съ такой настойчивостью стремились ею обладать и почему въ ихъ анналахъ Хеттамъ принадлежитъ столь значительная роль.

Если мы желаемъ постигнуть передачу народамъ Средиземья культурныхъ вліяній Месопотаміи и, особенно, образцовъ вѣса, то намъ настоятельно необходимо подвергнуть эту важную посредствовавшую цивилизацію сѣверной Сиріи болѣе тщательному изученію. Не только подбираемые десятками на поверхности ея мѣстъ поселеній незначительные предметы древности, но и нѣкоторые изъ памятниковъ большей величины, находящихся доселѣ на мѣстахъ, принадлежатъ къ типамъ, которые до сихъ поръ были бы съ перваго взгляда признаны финикійскими. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что къ внутренней сирійской цивилизаціи должно быть отнесено и впослѣдствіи будетъ отнесено производство значительной части тѣхъ издѣлій, которыя какъ въ современную эпоху, такъ и въ прежнее время приписывались прибрежнымъ Семитамъ только вслѣдствіе того, что они были главными перевозчиками этихъ издѣлій на Западъ. Какъ я уже сказалъ, по моему мнѣнію, въ Британскомъ музеѣ въ видѣ издѣлій изъ слоновой кости изъ Нимруда мы въ дѣйствительности имѣемъ замѣчательную группу произведеній сѣверной Сиріи.

По среднему теченію Евфрата существовала именно такая цивилизація, которая могла ихъ дать,—цивилизація независимая и сильная, но въ теченіе продолжительнаго времени находившаяся въ тѣсномъ соприкосновеніи съ египетской и месопотамской культурами и, вѣроятно, въ теченіе нѣкотораго времени въ поздней части бронзоваго вѣка бывшая въ сношеніяхъ также съ эгейской. Этой цивилизаціи принадлежитъ то прямое или косвенное вліяніе, окончательное образующее воздѣйствіе котораго на іонійское искусство иллюстрируется эфесскими издѣліями изъ слоновой кости.

До этого года во внутренней Сиріи не производилось никакихъ иныхъ

раскопокъ, кромѣ изслѣдованія насыпи въ Синджирли, скрывающей остатки главнаго города меньшаго царства, Шамаля. Памятники его обнаруживаютъ культуру, принадлежащую къ хеттскому типу, но хиттитскія надписи здѣсь не были найдены, а стиль искусства представляется провинціальнымъ сравнительно съ памятниками Джерабиса. Минувшей весной профессоръ J. Garstang, по порученію Ливерпульскаго университета, положилъ начало работамъ на другомъ значительномъ мѣстѣ поселенія сѣверной Сиріи, находящемся въ Сакджегёзу, на разстояніи около одного дня пути къ востоку отъ Синджирли. Открытыя здѣсь до сихъ поръ скульптуры превосходятъ по стилю тѣ, которыя найдены въ Синджирли; хиттитскія-же надписи еще не обнаружены. Слѣдуетъ надѣяться, что эти раскопки при дальнѣйшемъ движеніи дадутъ намъ много матеріаловъ, но еще болѣе мы получимъ изъ Джерабиса или какого-либо другого изъ находящихся въ близкомъ сосѣдствѣ съ самимъ Евфратомъ болѣе значительныхъ мѣстъ поселеній. Здѣсь расположенъ фокусъ сѣверно-сирійской цивилизаціи. Здѣсь она встрѣчалась съ культурой Месопотаміи. Весьма вѣроятно, что здѣсь намъ суждено найти двуязычные тексты, которые разрѣшатъ неразрѣшимую до сихъ поръ загадку хиттитскихъ надписей.

Лекція VI.

Заключеніе.

Въ лекціяхъ, которыя теперь я имѣю въ виду закончить, я сообщилъ вамъ много данныхъ изъ весьма разнообразныхъ источниковъ, но я не утверждаю, что мнѣ удалось предложить много новыхъ выводовъ. Насколько я понимаю значеніе новыхъ фактовъ, касающихся происхожденія эллинской цивилизаціи, они клонятся скорѣе въ обоснованію и выясненію справедливости старыхъ теорій, чѣмъ къ предложенію какого-нибудь новаго революціоннаго взгляда. Не теперь и не мною впервые сдѣлано заключеніе, что такъ называемое чудо возвышенія эллинизма въ началѣ перваго тысячелѣтія до Р. Х. должно быть объяснено новымъ освѣженіемъ первобытныхъ культуръ, обосновавшихся въ Эгейской области за много лѣтъ назадъ и обладавшихъ древнимъ преданіемъ и инстинктомъ культуры. Далѣе я скажу то же относительно заключенія, что этотъ процессъ былъ обязанъ главнымъ образомъ крови и вліянію пришлаго населенія съ менѣе ослабленной энергіей, въ теченіе долгаго времени знавшаго средне-европейскую культуру, принимавшаго въ ней участіе и родственнаго старѣйшей культурѣ Эгейской области по происхожденію и развитію. Наконецъ, то-же мнѣ придется повторить и относительно заключенія, что возникшее такимъ образомъ возрожденіе получило вторичный толчекъ отъ вліяній живого Востока, бывшихъ главнымъ образомъ азіатскими и получившихъ новыя и болѣе благопріятныя возможности достиженія эгейскихъ народовъ, благодаря отчасти распространенію этихъ народовъ на востокъ къ берегамъ Малой Азіи и отчасти распространенію на западъ сирійскаго прибрежнаго населенія, которое до того времени не выпускало въ море минойскіе флоты Крита. Эти положенія долгое время чувствовались въ воздухѣ. Я предлагаю лишь новую иллюстрацію къ ихъ посылкамъ и пытаюсь ясно опредѣлить ихъ заключенія. Особенно я старался представить въ достаточно понятномъ видѣ появленіе въ эллинскомъ мірѣ столь отдаленныхъ вліяній, какъ месопотам-

ское. Когда Брунпъ съ своей «Исторіи искусства» заявилъ, что «der jonische Stil gehört Ninivеh, vielleicht bereits Babylon an», онъ съ инстинктивнымъ убѣжденіемъ генія смѣло игнорировалъ не перекрытую въ то время пропасть между Месопотаміей и эгейскимъ міромъ начала іонійскаго періода.

Нѣтъ надобности говорить, что въ отношеніи восточныхъ вліяній, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, я оставилъ много вопросовъ открытыми, хотя былъ въ состояніи привести болѣе правдоподобныя объясненія, чѣмъ тѣ, которыя могли быть предложены за поколѣніе назадъ. То неудовлетворительное состояніе, въ которомъ остается до сего времени изслѣдованіе западной Азіи, не позволяетъ поступить иначе. Мы имѣемъ возможность гораздо чаще указать, что тѣ или иныя благопріятныя условія способствовали прохожденію восточныхъ вліяній по тому или иному пути, чѣмъ доказать при помощи памятниковъ, найденныхъ вдоль предположенныхъ путей, что они дѣйствительно такъ проходили. Оба конца цѣпи значительно лучше извѣстны, чѣмъ промежуточныя звенья. Поэтому я не берусь разсуждать о томъ, по какому главному пути направлялись въ Іонію азіатскія вліянія,—по проложенному черезъ страну, или по проходившему черезъ море Леванта. Имѣющіяся свидѣтельства сильно благопріятствуютъ сухому пути въ отношеніи настоящихъ динамическихъ вліяній восточной цивилизаціи, но это не дѣлаетъ невѣроятнымъ прибытіе простыхъ образцовъ морскимъ путемъ черезъ посредство семитическихъ перевозчиковъ.

Здѣсь, подчиняясь обстоятельствамъ, мы должны оставить вопросъ до того времени, когда Турція будетъ такъ же свободно открыта для изслѣдованій, какъ Греція, Критъ, Кипръ и Египетъ. Говоря такимъ образомъ, я не забываю о значительномъ увеличеніи удобствъ, предоставленныхъ изслѣдователямъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ просвѣщеннымъ управленіемъ Императорскаго Оттоманскаго музея, и цѣню ихъ. Османъ Хамди-бей и его подчиненные поощряли, насколько было въ ихъ власти, изслѣдованія на почвѣ Азіатской Турціи ученыхъ всѣхъ національностей. Кромѣ того, они устроили въ Константинополѣ великолѣпное хранилище для движимыхъ памятниковъ древности. Препятствій со стороны этихъ властей не было. Равнымъ образомъ, въ моей личной практикѣ они не возникали непосредственно со стороны должностныхъ лицъ центральнаго правительства и за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ по временнымъ и часто уважительнымъ причинамъ. Но тормозящее косвенное вліяніе имѣла очень дурная провинціальная администрація. На мѣстахъ было слишкомъ небезопасно; надзоръ за невѣжественнымъ и подозри-

тельнымъ населеніемъ, живущимъ теперь во многихъ изъ мѣстностей, болѣе всего нуждающихся въ изслѣдованіи, былъ слишкомъ неудовлетворителенъ; наконецъ, было слишкомъ мало увѣренности въ защитѣ отъ порчи и разрушенія цѣнныхъ остатковъ древности послѣ ихъ обнаруженія. Поэтому въ частности почти всѣ азіатскіе берега Средиземнаго моря, не упоминая о турецкихъ берегахъ сѣверной Африки, до сихъ поръ представляютъ для археолога-копателя дѣвственную почву. Мы остаемся въ плачевномъ невѣдѣніи даже относительно такой доступной области, какою является берегъ западной части Малой Азіи, по крайней мѣрѣ насколько дѣло касается глубоко лежащихъ слоевъ, которые содержатъ памятники, принадлежащіе древнѣйшей ея цивилизаціи. Въ настоящее время, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, когда писалъ Перро, остается истиной, что во всей греческой Азіи изслѣдовано до низа только одно лежащее слоями мѣсто первобытнаго поселенія, а именно Гиссарликъ.

Имѣя въ виду эти обстоятельства, я приступаю теперь къ изложенію со всей возможной осторожностью суммарной теоріи особыхъ обстоятельствъ, способствовавшихъ подъему того мѣстнаго, но чрезвычайно блестящаго развитія эллинизма, которое мы называемъ іонійской цивилизаціей. Я полагаю, что тѣ элементы, которые участвовали въ созиданіи іонійскаго народа, въ существѣ были тожественны съ участвовавшими въ созиданіи всѣхъ Эллиновъ вообще. Значительной части стараго эгейскаго племени, уже давно принимавшаго участіе въ созданіи доисторической цивилизаціи эгейскаго бронзоваго вѣка, суждено было обновиться, благодаря приливу сѣверной крови изъ области средне-европейской культуры. Но соотношенія частей смѣси на азіатскихъ берегахъ не были вполнѣ тожественными съ тѣми, которыя имѣли мѣсто, напр., въ Пелопоннесѣ или на классическомъ Критѣ. Я полагаю, что эгейскій элементъ отличался сравнительно гораздо большей многочисленностью и силой въ іонійской странѣ, хотя въ очень значительной мѣрѣ не имѣлъ мѣстнаго происхожденія. Сознавая явную опасность настаивать на свидѣтельствахъ отрицательнаго характера, особенно въ отношеніи такой плохо изслѣдованной области, каковою является Іонія, я полагаю, что за отсутствіемъ тамъ эгейскихъ остатковъ, для центральной части анатолійскаго берега исключается возможность участія въ эгейской цивилизаціи въ теченіе почти всего бронзоваго вѣка. По моему убѣжденію, этотъ берегъ долгое время находился подъ господствомъ внутренняго континентальнаго государства, а именно державы каппадокійскихъ Хеттовъ, насаждавшихъ

7

свою собственную ясно выраженную культуру и допускавшихъ эгейскую только въ видѣ слабаго, восходившаго по торговымъ путямъ влiянія.

Однако, въ раннюю эпоху черезъ ѳракійскіе проходы началась инфильтрація народовъ изъ юго-восточной Европы. Въ третьей лекціи я изложилъ основанія, которыя заставляютъ отдалить появленіе ихъ къ послѣ-неолитическому времени. Эти переселенцы постепенно влили европейскій элементъ во всѣ народы западной части полуострова, напр., въ такъ называемыхъ мизійцевъ, въ меонійцевъ, въ лидійцевъ и въ карійцевъ. Особенно прочно европейскій элементъ утвердился у Смирнскаго залива, а впослѣдствіи, по всѣмъ вѣроятіямъ и согласно представленію греческаго преданія въ миѳѣ о Пелопѣ, могъ отчасти снова перейти въ Грецію. До этого времени прото-іонійская теорія Курціуса является, вѣроятно, хорошо обоснованной.

Значительная перемѣна начала оказывать свое дѣйствіе на эту свободную племенную цивилизацію около конца второго тысячелѣтія до Р. Х. Подъ давленіемъ Ассиріи господствовавшая континентальная цивилизація, центръ которой находился въ Каппадокіи, отступила въ центръ страны и господство ея на западныхъ берегахъ прекратилось. Второстепенной внутренней цивилизаціи, именно фригійской, унаслѣдовавшей гегемонію на плато, не удалось заставить почувствовать себя на эгейскихъ берегахъ по примѣру цивилизаціи каппадокійской. Приблизительно въ то же время и, можетъ быть, до нѣкоторой степени propter hoc, равно какъ и post hoc, начала двигаться къ югу первая изъ сѣверныхъ волнъ, которыя должны были наводнить западную Грецію и острова, а именно ахейская. Результатъ оказался двоякій. Съ одной стороны сами ахейскіе моряки-скитальцы появились у сѣверо-западныхъ береговъ Малой Азіи, побѣдили мѣстный центръ эгейской власти въ Гиссарликѣ и сдѣлали возможными послѣдующія «эолійскія» колоніи. Съ другой стороны, остатки эгейскихъ народовъ были вытѣснены сѣвернымъ нашествіемъ изъ самой Греціи и съ острововъ и стали проникать къ берегамъ средней и юго-западной Малой Азіи. Они внесли съ собой ту поздне-эгейскую культуру, слѣды которой были найдены на Родосѣ и въ Каріи, и дали начало греческому преданію, которое говоритъ, что послѣдняя область была колонизована минойскими поселенцами изъ Крита и что господство на Эгейскомъ морѣ принадлежало нѣкогда «Карійцамъ».

Дальнѣйшее изслѣдованіе очень плохо извѣстной Карійской области, которое долгое время представлялось особенно непривлекательнымъ вслѣдствіе разбоевъ, послѣдовавшихъ за прекращеніемъ юрисдикціи дере-беевъ Ментеша, будемъ

надѣяться, обнаружитъ, что эта поздне-минойская иммиграція по многочисленности и по значенію была достаточна для объясненія тѣхъ элементовъ въ обычаяхъ культа и въ номенклатурѣ, общность которыхъ для исторической Каріи и доисторическаго Крита была давно замѣчена. Эти термины: «историческій» и «доисторическій», я примѣняю обдуманно. Всѣ свѣдѣнія, собранныя за послѣднее десятилѣтіе эгейскихъ открытій, обнаруживаютъ на Критѣ общіе элементы вѣками раньше того времени, когда дѣлается возможнымъ замѣтить ихъ въ Каріи. Если божества, державшія двойную сѣкиру, а именно богиня со своимъ сыномъ на Критѣ и Зевсъ Лабравндскій въ Каріи, должны быть признаны происходящими одно отъ другого, то производнымъ является послѣдній. Карійскія названія мѣстностей, оканчивающіяся на ndus, nda, nthus и т. д., которыя Кречмеръ считаетъ не индо-европейскими и принадлежащими къ древнѣйшему слою народонаселенія, появляются ранѣе въ критскомъ лабиринтѣ и другихъ эгейскихъ названіяхъ. Карійскій алфавитъ не оставилъ эпиграфическихъ памятниковъ своего существованія ранѣе перваго тысячелѣтія до Р. Х.; по мнѣнію Эванса, нѣкоторыя изъ формъ его дѣйствительно обнаруживаютъ происхожденіе отъ минойскаго линейнаго письма, бывшаго въ употребленіи почти на тысячу лѣтъ ранѣе.

На эту амальгаму азіатскихъ, европейскихъ и эгейскихъ народовъ осѣло, наконецъ, іонійское переселеніе, которое само представляло собой амальгаму. Очень трудно опредѣлить, какъ именно мы должны понимать это переселеніе, когда оно началось и когда окончилось. Несомнѣнно, оно шло не одной большой ордой. Всѣ извѣстныя преданія эллинскихъ городовъ Азіи указываютъ на послѣдовательныя прибытія сравнительно небольшихъ партій, которыя не всегда сразу останавливались на мѣстахъ своего окончательнаго пребыванія. Въ младенческомъ періодѣ мореходства переселенія по морю, вѣроятно, никогда не совершались значительно болѣе обширными группами, чѣмъ тѣ, которыя впервые сошли на берегъ въ Америкѣ. Сообщаемыя этими партіями извѣстія, медленно проникая обратно, приводили вслѣдъ за ними другія партіи. Вѣроятно, высадки въ Азіи происходили въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, а отправки опредѣлялись политическими и общественными событіями, случавшимися въ материковой Элладѣ и на островахъ черезъ значительные промежутки времени. Первая отправка могла произойти вслѣдствіе ахейскаго вторженія въ Грецію. Дѣйствительно, греческое преданіе приписывало іонійское переселеніе переполненію Аттики бѣглецами съ Троянской войны; оно представляло его состоящимъ изъ чрезвычайнаго количества элементовъ

разныхъ племенъ, среди которыхъ мы съ интересомъ замѣчаемъ Миніевъ изъ Орхомена, эгейскій характеръ которыхъ не возбуждаетъ сомнѣній, и Кадмейцевъ, Пеласговъ и иныхъ, принадлежность которыхъ къ древнѣйшему населенію можно признать едва-ли съ меньшею достовѣрностью. Замѣтимъ далѣе, что такъ опредѣляемая преданіемъ дата соотвѣтствуетъ указаніямъ Гомера. Какъ уже неоднократно было отмѣчено, эпосъ не обнаруживаетъ знанія не только эллинской Азіи, но и дорійскаго завоеванія Пелопоннеса. Вѣроятно, по первоначальному своему образованію онъ предшествовалъ установленію положенія дѣлъ, связаннаго съ этими двумя факторами. Та цивилизація, которую отражаетъ эпосъ, является ахейской на зарѣ ея въ новомъ отечествѣ, а моментъ, который онъ изображаетъ, относится, вѣроятно, къ первому выступленію народовъ материка за море. Вождями ихъ были Ахейцы, но сами они не всѣ принадлежали къ племени своихъ вождей. Если греческое преданіе относительно собравшихся въ Аттикѣ послѣ Троянской войны остатковъ этой экспедиціи вообще заслуживаетъ довѣрія, то оно несомнѣнно приводитъ къ заключенію, что европейскія силы подъ Троей во всякомъ случаѣ состояли не исключительно изъ ахейцевъ.

Въ этомъ смыслѣ я считаю іонійское переселеніе историческимъ фактомъ. Совершенно нѣтъ причинъ относиться къ нему съ недовѣріемъ, если мы будемъ помнить, что народному преданію ничто такъ не свойственно, какъ кристаллизація ряда послѣдовательныхъ событій въ видѣ одного. Такъ, напр., дорійское покореніе Пелопоннеса разсматривалось какъ одно катастрофическое событіе, а именно возвращеніе Гераклидовъ, хотя греческая литература, начиная съ Гомера, безсознательно свидѣтельствовала объ ошибочности этого взгляда. Вѣдь Дорійцы шли на югъ небольшими группами въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній и въ то время, когда составлялась Одиссея, являлись уже элементомъ въ населеніи Крита. Подобныя переселенія почти всегда происходили такимъ образомъ. Группы кочевыхъ турокъ утвердились въ Малой Азіи поколѣніями ранѣе завоеванія Сельджуковъ и столѣтіями ранѣе появленія Оттомановъ на аренѣ исторіи. Они находились и въ юго-восточной Европѣ ранѣе нашествія турокъ на нашъ континентъ. Если вы будете помнить объ этой народной склонности къ перспективному укорачиванію исторіи, то въ преданіи объ іонійскомъ переселеніи вы не найдете ничего для васъ неожиданнаго.

Несомнѣнно, узкій и вытянутый греческій полуостровъ въ теченіе многихъ поколѣній подвергался со стороны внутреннихъ земель Европы перемежавшемуся наплыву сильныхъ племенъ, соблазненныхъ перспективой грабежа

страны съ богатой упадочной культурой или вытѣсненныхъ какой-либо force majeure изъ мѣстъ ихъ прежняго пребыванія. Затѣмъ должны были произойти значительныя послѣдовательныя перемѣщенія древнѣйшаго южнаго населенія. Неспособные сопротивляться желѣзному оружію завоевателей болѣе слабые туземцы должны были сдѣлаться рабами; болѣе сильные могли сѣсть на суда и отправиться на поиски новаго отечества. Въ дальнѣйшихъ поискахъ счастья нѣкоторые изъ пришельцевъ могли присоединиться къ эмигрантамъ или послѣдовать за ними и, вслѣдствіе своей природной силы и своей большей сноровки въ военномъ дѣлѣ, могли встрѣтить благопріятное отношеніе къ себѣ, какъ къ руководителямъ. Но они должны были составлять незначительное численное меньшинство. По всей вѣроятности, они взяли съ собой женщинъ изъ своего народа въ небольшомъ числѣ, или совершенно не имѣли ихъ, и заключали браки съ женщинами, принадлежавшими къ старому населенію. Происходившія отъ этихъ браковъ дѣти должны были получать воспитаніе скорѣе отъ своихъ матерей, чѣмъ отъ отцовъ, и развившаяся въ новой странѣ цивилизація по типу своему въ существенномъ должна была представлять цивилизацію старшей расы.

Здѣсь какой-либо оппонентъ можетъ, пожалуй, представить свои возраженія. Какъ быть съ данными лингвистическаго характера? Если старшая раса находилась въ Іоніи въ значительномъ большинствѣ, и если даже дѣти, принадлежавшія къ младшей расѣ, учились говорить у эгейскихъ матерей, то въ результатѣ не долженъ ли былъ сдѣлаться обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ тотъ, на которомъ говорила старшая раса? Между тѣмъ въ дѣйствительности, какъ извѣстно всему міру, историческимъ языкомъ былъ греческій. Возраженіе это справедливо, но не всегда пригодно. Какъ показываетъ опытъ, языкъ измѣняется при завоеваніи болѣе легко, чѣмъ типъ цивилизаціи. Обратимся къ той же Малой Азіи въ наше время. Что сталось съ греческимъ языкомъ у 99 сотыхъ ея населенія? Этотъ языкъ постигла та же судьба, которой нѣкогда подверглись внутренніе языки ея подъ давленіемъ Грековъ. Побѣдоносное турецкое меньшинство навязало свой языкъ въ одинаковой степени туземцамъ Іоніи, Лидіи, Фригіи и Каппадокіи. Однако же типъ цивилизаціи и основныя религіозныя вѣрованія населенія не тѣ, которыя свойственны настоящимъ туркамъ. Сравните также хорошо извѣстный лингвистическій результатъ завоеванія Египта очень незначительнымъ числомъ арабовъ. Еще до начала переселенія въ Азію языкомъ всей материковой Греціи могъ вполнѣ сдѣлаться языкъ сѣверныхъ завоевателей.

На вопросъ оппонента мы можемъ также отвѣтить другимъ вопросомъ.

Что намъ извѣстно объ языкѣ до-ахейской Греціи? Даже если бы минойскія таблички могли быть разобраны, онѣ могли бы и не дать намъ достовѣрныхъ разъясненій по этому вопросу. На Критѣ, конечно, могъ быть въ употребленіи весьма отличный языкъ, настолько же отличный, насколько таковою является, сравнительно съ языкомъ Гортинскихъ законовъ, отдаленная вѣтвь индо-германскаго языка въ трехъ не объясненныхъ надписяхъ Преза. Въ глазахъ позднѣйшихъ Эллиновъ населеніе Аркадіи было въ материковой Греціи самымъ первобытнымъ и наиболѣе консервативнымъ. Его историческое нарѣчіе было очень близко къ тому, на которомъ написанъ Гомеровскій эпосъ, а также къ тому нарѣчію Кипра, которое изображалось силлабическимъ шрифтомъ, представлявшимъ, несомнѣнно, пережитокъ минойскаго письма. На основаніи какихъ данныхъ мы можемъ знать, что это аркадское нарѣчіе не представляетъ собою доисторическаго языка, который нѣкогда былъ въ употребленіи въ значительной части эгейской области, если не на Критѣ? Такъ было во всякомъ случаѣ по убѣжденію профессора Конвэя. Далѣе, на основаніи чего мы можемъ знать, что обычнымъ языкомъ позднѣйшей Эллады былъ скорѣе языкъ младшаго, чѣмъ старшаго элемента расы? Въ дѣйствительности мы ничего не знаемъ о доисторическихъ языкахъ центральной Европы; мы о нихъ знаемъ не болѣе того, что извѣстно о доисторическихъ эгейскихъ языкахъ. Мы не въ состояніи рѣшить въ утвердительномъ или отрицательномъ смыслѣ вопросы: были ли эти семьи родственны между собою и существовали ли между ними сильныя различія. Мы не можемъ также сказать, изъ котораго языка развились позднѣйшія греческія нарѣчія, развились ли они изъ обоихъ языковъ, или въ какой пропорціи удержался каждый изъ старшихъ языковъ. Позднѣйшій греческій языкъ могъ быть въ основѣ своей средне-европейскимъ, въ сильной степени зараженнымъ эгейскими пережитками; онъ могъ также быть въ основѣ эгейскимъ съ примѣсями средне-европейскаго, подобно тому какъ англійскій языкъ представляется въ основѣ англо-саксонскимъ, сильно зараженнымъ говоромъ норманскихъ завоевателей. Въ настоящее время факты, каковы бы они ни были, являются слишкомъ проблематическими для того, чтобы возможно было на лингвистическихъ данныхъ основывать какое-либо дѣйствительное доказательство въ пользу послѣ-эгейскаго характера іонійской цивилизаціи или противъ него.

Нѣкоторые изъ моихъ постоянныхъ слушателей могутъ склониться къ мысли, что я придавалъ эгейской цивилизаціи слишкомъ большое значеніе. Существуетъ хорошо извѣстная тенденція находить одну формулу

для объясненія всѣхъ фактовъ и такая же общеизвѣстная тенденція опровергать самую новѣйшую формулу. Но я признаю, что мои лекціи не являются результатомъ какой-либо изъ этихъ тенденцій. Во всякомъ случаѣ, я заявляю, что я не находился подъ вліяніемъ принципа: omne ignotum pro magnifico. Эгейская цивилизація уже не числится среди ignota, каковыми являются проявленія доисторической жизни. Благодаря богатству многихъ изъ мѣстъ поселеній, принадлежащихъ къ этой цивилизаціи, и обильному сохраненію въ нихъ всевозможныхъ остатковъ; благодаря тому, что эти мѣста поселеній въ большинствѣ своемъ оставались нетронутыми до поколѣнія, которому научная мысль уже вмѣнила въ обязанность производство раскопокъ въ духѣ научнаго безпристрастія; благодаря, наконецъ, значительному количеству свѣта, пролитаго въ глубь литературой послѣдующаго историческаго населенія данной области, мы освѣдомлены объ эгейской цивилизаціи сравнительно въ большей степени, чѣмъ, напр., о месопотамской. Многое остается еще не выясненнымъ и неизвѣстнымъ, но едва-ли можетъ быть какая-либо сторона общественной жизни этой цивилизаціи, которая теперь еще не освѣщена, или какой-либо общій классъ ея произведеній, экземпляры которыхъ еще не открыты. Произведенія ея мы, дѣйствительно, знаемъ болѣе подробно и болѣе точно, чѣмъ тѣ, которыя принадлежатъ послѣдующему архаическому эллинскому вѣку.

Насколько это знаніе оправдываетъ широкое примѣненіе эгейской формулы къ объясненію доисторической цивилизаціи Ближняго Востока? Мы не только знаемъ по матеріаламъ, доставленнымъ болѣе глубокими слоями повсюду, гдѣ только они подвергались развѣдкамъ, о безспорномъ господствѣ этой цивилизаціи въ Эгейской области въ теченіе всего доисторическаго періода человѣческой производительности, начиная съ неолитическаго вѣка, но можемъ видѣть также, что вліяніе ея, по крайней мѣрѣ, въ болѣе позднемъ ея періодѣ распространялось чрезвычайно широко внѣ предѣловъ этой области. Въ отношеніи западныхъ Средиземно-морскихъ странъ давно стало признаннымъ фактомъ археологіи, что доисторическая Сицилія была проникнута позднѣйшимъ вліяніемъ этой цивилизаціи; этотъ фактъ иллюстрируетъ и до нѣкоторой степени объясняетъ греческое преданіе, по которому Миносъ и его критяне сами отплыли въ Сицилію и послѣдній царь эгейскаго Крита нашелъ тамъ свою смерть. Едва ли менѣе очевиднымъ позднее эгейское вліяніе представляется на кладбищахъ южной Италіи и даже среди древностей сѣверо-восточной части полуострова, бассейна По и Венеціанской провинціи. Мы находимъ его въ Сардиніи и, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, въ доисторическихъ слояхъ южной Испаніи.

Въ восточныхъ Средиземно-морскихъ странахъ эгейская культура была еще болѣе могущественна; прониканіе ея мѣстныхъ произведеній въ чуждыя культуры было болѣе частымъ. Мы должны еще узнать, какое воздѣйствіе она имѣла на ближайшій берегъ Африки, на Киренаику, и по этой причинѣ, если не по какой-либо иной, мы серьезно надѣемся, что благодаря новой эрѣ въ Турціи въ скоромъ времени можетъ послѣдовать открытіе этой территоріи для изслѣдованія археолога. Относительно же проникновенія эгейскаго вліянія въ долину Нила не существуетъ уже и тѣни сомнѣнія; постоянныя новыя открытія эгейскихъ произведеній въ египетскихъ мѣстностяхъ показываютъ, что намъ неизвѣстны даже полностью его размѣры. Объ этомъ такъ много говорилось съ того времени, когда профессоръ Flinders Petrie нашелъ критскіе черепки въ юго-восточномъ Фаюмѣ среди остатковъ двѣнадцатой династіи и фрагменты свыше 800 эгейскихъ вазъ въ мѣстѣ поселенія восемнадцатой династіи Эль-Амарнѣ, что мнѣ остается лишь обратить ваше вниманіе на новѣйшія свѣдѣнія, полученныя производителями египетскихъ раскопокъ въ теченіе послѣднихъ двухъ кампаній. Въ Абидосѣ, гдѣ уже профессоръ Petrie нашелъ доказательства существованія во времена древней имперіи торговли съ Критомъ, профессоръ Garstang весной 1907 года открылъ могилу двѣнадцатой династіи, заключавшую въ себѣ превосходную вазу особеннаго, безошибочно опредѣляемаго полихромнаго производства Крита средне-минойскаго вѣка. Въ поселеніи того же періода, расположенномъ въ Рифэ, немного внизъ по долинѣ и недалеко отъ Ассіута, профессоръ Petrie около того же времени нашелъ другіе раскрашенные эгейскіе черепки. Этотъ же изслѣдователь, которому суждено было первому открыть глаза на этотъ классъ остатковъ, находимыхъ въ Египтѣ, добылъ уже другіе при раскопкахъ въ Телль-эль-Яхудіе при вершинѣ Дельты. Въ послѣднее время эгейскія вазы, вѣроятно, изъ мѣстностей на Дельтѣ, неоднократно попадали также въ руки Каирскихъ купцовъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ настоящее время какія-либо значительныя раскопки въ египетскихъ слояхъ періода отъ Древняго Царства до двѣнадцатой династіи рѣдко обходятся безъ находокъ эгейскихъ предметовъ. Существовалъ, однако, не только ввозъ такихъ предметовъ. Какъ замѣтили профессора фонъ-Биссингъ и Навиль, въ Египтѣ были мѣстныя имитаціи эгейскихъ керамическихъ издѣлій и эгейскихъ рельефовъ; нѣкоторые долго утверждали, что особое натуралистическое искусство, которымъ отмѣчено въ Эль-Амарнѣ царствованіе Аменхотепа IV, возникло изъ того же источника, откуда произошло громадное изобиліе найденныхъ тамъ раскрашенныхъ вазъ не-египетскаго характера.

Я уже указывалъ на эгейскіе предметы, найденные въ мѣстахъ поселеній Филистіи и южной Палестины. Въ Джезерѣ и Телль-эль-Сафи были открыты какъ эгейскія, такъ и явно кипрскія гончарныя издѣлія, мечъ эгейской рогатой формы и, согласно сообщенію посѣтившаго раскопки д-ра Дункана Мэкензи, весьма компетентнаго наблюдателя, основанія строеній, обнаруживающія въ планѣ хорошо извѣстныя эгейскія черты. Если получитъ права гражданства теорія г. Эванса, по которой линейные письменные знаки, вырѣзанные на черепкахъ въ Телль-эль-Гези, произошли отъ минойскаго линейнаго письма, а сѣверная и южная семитическія системы имѣли прямо или косвенно одинаковое происхожденіе, то свидѣтельство о проникновеніи эгейскаго вліянія сдѣлается еще болѣе убѣдительнымъ. Я говорилъ также объ эгейскомъ вліяніи на Финикію. Г. Heuzey изъ Лувра давно уже указалъ на очевидную связь между нѣкоторыми терракотами, найденными на Ливанскомъ берегу, и хорошо извѣстнымъ кипрскимъ классомъ. Такъ какъ намъ теперь извѣстно, что этотъ классъ пріобрѣлъ свой характеръ не отъ финикійскихъ образцовъ, но отъ туземнаго послѣ-эгейскаго искусства самого острова, то эти финикійскія терракоты представляютъ собою хорошее доказательство того эгейскаго вліянія, которое раціонально искать на азіатскомъ материкѣ въ близкомъ сосѣдствѣ съ такимъ продуктивнымъ центромъ эгейскаго искусства, какимъ былъ Кипръ.

Наконецъ, позвольте мнѣ, не касаясь Малой Азіи, вопросъ о которой, находясь sub iudice, вовлекъ бы наши разсужденія въ заколдованный кругъ, напомнить вамъ объ обширной континентальной области юго-восточной Европы, доставляющей въ такомъ изобиліи остатки культуры, близко родственной эгейской. Эта область въ свою очередь распространяла свое вліяніе въ сторону дальняго сѣвера и запада, вдохновляя прекрасную орнаментацію доисторической Скандинавіи и кельтскаго искусства Ирландіи и Великобританіи. Полное знаніе и правильное пониманіе дунайскихъ и балканскихъ древностей имѣютъ особенно важное значеніе для разсматриваемой проблемы. Добытыя данныя указываютъ, что мы имѣемъ дѣло не съ культурой, вышедшей изъ эгейской, но съ независимымъ мѣстнымъ развитіемъ, дѣйствовавшимъ по линіямъ, близко параллельнымъ ея курсу. Если мы еще не въ состояніи рѣшиться сказать съ увѣренностью, что дунайское и эгейское населенія были родственны, мы можемъ, однако, ясно замѣтить столь тѣсную связь ихъ культуръ, что при грубой общей классификаціи вполнѣ возможно принять ихъ за одну группу. Всю юго-восточную Европу и острова можно признавать за общую область эгейско-дунайской цивилизаціи.

Въ проблемѣ о началахъ греческой цивилизаціи прежде всего приходится считаться съ эгейской культурой, которая столь полно заняла будущую эллинскую область, покрывъ ее вліяніями, дѣйствовавшими на пункты болѣе отдаленные, чѣмъ тѣ, до которыхъ эллинской культурѣ суждено было проникнуть вновь черезъ много столѣтій; пришлось бы считаться съ нею даже въ томъ случаѣ, еслибы она достигла значительно менѣе высокой степени развитія, чѣмъ та, которая должна быть признаваема по ея остаткамъ. Они во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ о такомъ уровнѣ общественнаго состоянія, который въ области преобладанія этой культуры долженъ былъ оставить такой же глубокій и неизгладимый слѣдъ, какъ тѣ, которые оставили нильская и месопотамская цивилизаціи. Если подобное утвержденіе кажется вамъ слишкомъ сильнымъ, то обратите на минуту ваше вниманіе на духъ и выполненіе лучшихъ изъ найденныхъ произведеній эгейскаго искусства. Въ качествѣ примѣровъ среди многихъ другихъ возьмите фигурки изъ слоновой кости и фаянсовые рельефы Кносса или рѣзныя стеатитовыя вазы изъ Агіи Тріады, полихромныя тончайшія гончарныя издѣлія класса «Камаресъ» или работу золотыхъ дѣлъ мастеровъ на кубкахъ Вафіо и кинжальныхъ клинкахъ Микенъ, работу граверовъ на прекраснѣйшихъ рѣзныхъ камняхъ или раскрашенныя сцены на большомъ саркофагѣ изъ Агіи Тріады. Вамъ придется обратиться къ статуѣ «Шейхъ-эль-беледъ» въ Каирѣ, если вы пожелаете найти параллель къ натуралистическому исполненію миніатюрныхъ издѣлій изъ слоновой кости въ Кноссѣ, или къ лучшимъ скульптурамъ животныхъ, принадлежащимъ восемнадцатой династіи фараоновъ, и къ кульминаціонному моменту ассирійскаго искусства, представленному львиной охотой Ашурбанипала, а также глазированными рельефами времени Шалманесера Второго въ Ашурѣ, если вы будете искать что-либо достойное сравненія съ пластиной Кносса, на которой изображена дикая коза, кормящая своего козленка. Но когда вы перейдете къ кубкамъ Агіи Тріады и гончарнымъ издѣліямъ Камаресъ, вы окажетесь въ затруднительномъ положеніи. Такой натуралистической трактовки формъ въ рельефѣ нѣтъ среди остатковъ какъ египетскаго, такъ и месопотамскаго искусства, даже въ Эль-Амарнѣ; нѣтъ такого керамическаго производства, принадлежащаго какой-либо древней восточной цивилизаціи, которое дѣйствительно можно было бы сравнить съ лучшими издѣліями «Камаресъ». Мы не встрѣчаемъ также внѣ эгейской культуры какихъ-либо примѣровъ живописной инкрустаціи изъ сплавовъ золота, подобной той, которою щедро покрыты микенскіе клинки. Особенно имѣетъ значеніе то обстоятельство, что всякій разъ, когда какой-либо

критикъ пытался высказывать комментаріи относительно стараній эгейскаго художника, направленныхъ къ осуществленію идеала путемъ близкаго изученія природы, стараній, преобразовавшихъ иноземные образцы на энкомійскомъ игральномъ ларчикѣ или выразившихся въ украшеніяхъ лотосами на критской вазѣ изъ Закро, этотъ критикъ неизбѣжно долженъ былъ спускаться на много вѣковъ, чтобы найти что-либо достойное сравненія. Наиболѣе древніе образцы для сравненія всегда, повидимому, находили въ лучшемъ періодѣ позднѣйшаго эллинскаго искусства, но ни въ одномъ изъ періодовъ восточнаго искусства.

Оставимъ далѣе изящныя искусства, не упомянувъ и о десятой части разнообразныхъ техникъ, и обратимся къ основательной освѣдомленности эгейской культуры въ болѣе практическихъ вопросахъ. Обратите вниманіе на санитарныя и гидравлическія устройства дворца въ Кноссѣ или на то искусство въ строительномъ дѣлѣ, съ которымъ могли класть этажъ на этажъ и возводить широкія лѣстницы маршъ за маршемъ. Въ ариѳметикѣ замѣтьте знаніе дробей и пропорцій, ясно обнаруживающееся въ записяхъ на счетныхъ табличкахъ Кносса. Примите въ соображеніе свидѣтельство о высококультурной и пышной общественной жизни, котороое необходимо признать въ богатствѣ украшеній, щедро помѣщенныхъ на всевозможныхъ предметахъ домашняго обихода, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ, въ изысканности женской одежды, въ изображеніяхъ сценъ спорта и празднествъ и во ввозѣ произведеній отдаленныхъ цивилизацій. Мнѣ нѣтъ надобности останавливаться на разсмотрѣніи этого вопроса. Вы не можете провести часа въ музеѣ Кандіи или въ Микенскомъ залѣ въ Аѳинахъ, не почувствовавъ, что вы находитесь передъ произведеніями такой цивилизаціи, традиціи которой должны были исчезнуть съ большимъ трудомъ даже въ томъ случаѣ, если она подверглась нападенію со стороны крайне варварскихъ племенъ. Но, какъ я уже намекалъ, нападавшіе на нее, по всей вѣроятности, далеко не были варварами. Для доказательства правильности этого утвержденія позвольте мнѣ передъ концомъ остановиться на нѣсколько минутъ на среднеевропейскихъ древностяхъ, съ которыми, быть можетъ, вы не очень близко знакомы вслѣдствіе того, что онѣ были изданы иногда въ мало доступныхъ трудахъ.

Тѣ изъ нихъ, которыя затрагиваютъ нашу проблему, состоятъ изъ гончарныхъ издѣлій, оружія, терракотовыхъ фигурокъ и иныхъ предметовъ поздняго неолитическаго, бронзоваго и древнѣйшаго желѣзнаго вѣковъ. Вѣдь мы

должны предположить, что главныя переселенія на югъ произошли въ последнемъ изъ упомянутыхъ періодовъ, если, какъ принято всѣми, эгейскія культуры были побѣждены вслѣдствіе примѣненія сѣверянами желѣзнаго оружія. Несомнѣнно, гомеровскіе Ахейцы, которыхъ мы разсматриваемъ, какъ первую главную волну эмигрантовъ, представлены обладающими знакомствомъ съ желѣзомъ, хотя бронза находилась еще въ общемъ употребленіи; затѣмъ оба металла были найдены совмѣстно въ нѣкоторыхъ критскихъ и аттическихъ могилахъ, отнесенныхъ, по ихъ гончарнымъ издѣліямъ, къ послѣднимъ столѣтіямъ второго тысячелѣтія до Р. Х. Если высказанный взглядъ правиленъ, какъ имѣется полное основаніе полагать, то, обращаясь къ вопросу о сѣверныхъ переселенцахъ, обрушившихся на Грецію въ концѣ эгейской эпохи, мы должны принять въ соображеніе всѣ матеріалы, добытые въ стоянкахъ неолитическаго, бронзоваго и древнѣйшаго желѣзнаго вѣковъ въ бассейнѣ Дуная.

Эти стоянки расположены по всему пространству материка отъ сѣвернаго берега Чернаго моря до восточныхъ Альпъ. Въ продолженіе указанныхъ періодовъ ни одинъ странствовавшій народъ не могъ вступить на Балканскій полуостровъ, не приходя въ какое-либо соприкосновеніе съ культурой, о которой свидѣтельствуютъ эти стоянки. Насколько въ настоящее время извѣстно, сѣверный предѣлъ ихъ идетъ отъ Кіева въ Россіи до Аттерзее въ юго-западной Австріи, а пространство, на которомъ открыты подобныя стоянки, заключаетъ въ себѣ Бессарабію, Румынію, Сербію и Боснію. Но это еще не все. Рядъ подобныхъ стоянокъ направляется къ югу черезъ Ѳракію въ сѣверо-западную Малую Азію и черезъ Македонію въ Ѳессалію. Къ этой группѣ принадлежитъ, повидимому, первый городъ въ Гиссарликѣ и кладбище Гортана въ Мизіи; то же слѣдуетъ сказать о древнѣйшихъ остаткахъ въ нѣсколькихъ стоянкахъ Ѳессаліи, какъ, напр., въ Димини, въ Сескло и на холмѣ Зереми, недавно изслѣдованномъ гг. Wace и Droop'омъ, членами британской школы въ Аѳинахъ.

Почти во всѣхъ этихъ стоянкахъ древнѣйшія произведенія человѣка являются неолитическими и обнаруживаютъ такіе мѣстные варіанты формы и орнаментаціи, что ихъ въ большинствѣ слѣдуетъ считать произведеніями мѣстной работы. Другими словами, въ очень отдаленную эпоху, задолго до времени эллинскихъ переселеній, существовало производство въ очень многихъ мѣстахъ по всей юго-восточной Европѣ. Производство это во всякомъ случаѣ не принадлежало исключительно къ наиболѣе грубому роду. Въ Бутмирѣ въ Босніи на кладбищѣ, гдѣ металлъ не былъ встрѣченъ, найдены вазы съ

лѣпной и рѣзной орнаментаціей изъ спиралей, отличающейся такимъ же изяществомъ рисунка и такой же художественностью расположенія, какъ любая изъ извѣстныхъ простѣйшихъ спиральныхъ орнаментацій; тамъ же найдены были обломки глиняныхъ фигурокъ, обнаруживающихъ значительное искусство моделированія человѣческихъ формъ, очень мелкіе отесанные кремни и полированное и каменное оружіе. Спирали представляютъ собою не единственный орнаментъ. Существуетъ большое разнообразіе геометрическихъ узоровъ, часто инкрустированныхъ введеніемъ бѣлой массы. Найденные при подобныхъ же обстоятельствахъ въ Кукутенахъ въ Румыніи глиняные идолы обнаруживаютъ въ высшей степени тщательную орнаментацію изъ линій, слѣдующихъ за контурами фигуры и создающихъ впечатлѣніе татуировки кожи. Но наилучшую дунайскую неолитическую орнаментацію даютъ найденныя д-ромъ фонъ-Штерномъ въ Петренахъ бессарабскія гончарныя издѣлія съ фіолетовой окраской на красновато-коричневомъ фонѣ, началами полихроміи и недурно исполненными изображеніями животныхъ и даже человѣческихъ фигуръ.

Нѣкоторые утверждали, что эти дунайскія неолитическія издѣлія относятся къ значительно болѣе позднему времени, чѣмъ эгейская орнаментированная неолитическая работа; однако, лучшій авторитетъ д-ръ Гёрнесъ признаетъ первыя даже болѣе ранними. Далѣе можно отмѣтить слѣдующее. Залеганіе слоевъ холма въ Гиссарликѣ, гдѣ самый нижній слой послѣ-неолитическаго времени содержитъ предметы, близко родственные дунайскимъ, и вертушки съ вырѣзанными символами, замѣчательно сходными съ тѣми, которые замѣчены въ Тордосѣ въ Трансильваніи, весьма убѣдительно свидѣтельствуетъ о томъ, что дунайскій неолитическій періодъ относится приблизительно къ столь же раннему времени, какъ и эгейскій. Во всякомъ случаѣ, едва ли какой-либо серіозный археологъ станетъ утверждать, что онъ не предшествовалъ задолго предполагаемой датѣ эллинскаго переселенія на югъ. Даже если ничего другого нельзя допустить, то и этого вполнѣ достаточно для нашихъ цѣлей.

По имѣющимся свѣдѣніямъ, съ появленіемъ бронзы произошелъ быстрый прогрессъ въ производствѣ и орнаментаціи. Въ доказательство достаточно указать на прекрасные глиняные кубки изъ Ленгіеля въ Венгріи, оружіе, посуду и туалетныя принадлежности изъ бронзы изъ Глазинца въ Босніи и терракотты изъ Клицевца въ Сербіи, не упоминая даже о замѣчательномъ содержаніи болѣе древнихъ могилъ, открытыхъ въ Гальштаттѣ въ Зальцкаммергутѣ на западной границѣ Дунайской области. При этомъ аналогіи съ эгейскими издѣліями бронзоваго вѣка дѣлаются столь частыми и близкими, что трудно

не сдѣлать вывода о существованіи сношеній между обѣими цивилизаціями и взаимной передачи вліяній, даже если въ неолитическое время ихъ не было. Нѣкоторые авторитеты, какъ, напр., фонъ-Штернъ, думаютъ даже, что неолитическое искусство эгейской цивилизаціи проникло изъ внутренней Европы при какомъ-либо переселенческомъ движеніи. Однако, тотъ любопытный фактъ, что неолитическія изделія отличаются наибольшей грубостью на Критѣ и качественно совершенствуются по мѣрѣ движенія черезъ Мелосъ и Киклады къ Балканамъ, скорѣе служитъ въ пользу обратнаго вывода. Но, во всякомъ случаѣ, въ такомъ примитивномъ искусствѣ, какимъ было неолитическое, болѣе вѣроятными являются самостоятельныя зарожденія. Любопытный рядъ параллельныхъ формъ и декоративныхъ мотивовъ бронзоваго вѣка, опубликованный барономъ Рейнгольдомъ фонъ-Лихтенбургомъ въ его «Beiträge zur ältesten Geschichte von Kypros» въ Протоколахъ Берлинскаго Общества Передней Азіи за 1906 г., долженъ быть принятъ въ соображеніе каждымъ, интересующимся проблемой эллинскихъ началъ.

Переходъ къ желѣзному вѣку наилучшимъ образомъ характеризуется большимъ количествомъ гальштаттскихъ предметовъ, среди которыхъ многіе напоминаютъ намъ древнѣйшія изъ извѣстныхъ бронзъ какъ эллинскихъ, такъ и италійскихъ. Высшую степень искусства послѣднихъ представляютъ великолѣпныя situlae типа Виллановы, найденныя впервые около Болоньи, въ которыхъ, какъ и въ стеатитовыхъ вазахъ изъ Агіи Тріады на Критѣ, мы наблюдаемъ, повидимому, встрѣчу двухъ художественныхъ вліяній, южнаго и сѣвернаго. Мало сомнѣній можетъ быть относительно того, что движеніе культуры происходило скорѣе изъ Дунайской области къ югу, чѣмъ изъ Средиземной къ сѣверу. Общее направленіе переселеній, продолжительная эволюція культуры въ Дунайскомъ бассейнѣ и сравнительный упадокъ искусства въ Средиземьѣ въ періодѣ, непосредственно предшествовавшемъ архаическому эллинскому вѣку, поддерживаетъ теорію, по которой движеніе на югъ является отвѣтственнымъ за наблюдаемыя въ эгейскихъ и дунайскихъ издѣліяхъ аналогіи. Слѣдуетъ замѣтить, что подобный же упадокъ произошелъ, повидимому, въ Дунайской области вскорѣ послѣ мѣстнаго открытія или принятія желѣза. Въ нѣкоторыхъ округахъ, особенно въ тѣхъ, которые расположены близко къ Черному морю, упадокъ начался даже ранѣе. Отсюда естественно сдѣлать выводъ, что въ теченіе очень продолжительнаго времени варварскія племена изъ обширной Русской земли постоянно тѣснили Дунайскую область и, наконецъ, болѣе или менѣе совершенно придавили ея цивилизацію.

Такое давленіе можетъ объяснить тѣ вторичныя движенія балканскихъ народовъ на югъ, которыя выразились въ ахейскомъ, дорійскомъ и іонійскомъ нашествіяхъ на Греческій и Анатолійскій полуострова. Состоя изъ искавшихъ убѣжища элементовъ, долго жительствовавшихъ въ области Дунайской культуры, эти нашествія принесли съ собой ея произведенія и традиціи, чтобы дать новую жизнь дряхлѣвшему эгейскому міру. Мы можемъ разумно предположить, что завоеватели, хотя и побѣжденные въ борьбѣ съ болѣе сѣверными европейцами, все же были болѣе сильными и менѣе развитыми, чѣмъ южные народы. По мнѣнію многихъ авторитетовъ, которое, однако, не можетъ быть до сихъ поръ подтверждено данными антропологическаго характера, сами дунайскія племена въ значительной степени вышли изъ той-же обширной человѣческой семьи, которой эгейскія цивилизаціи были обязаны своимъ основнымъ племенемъ. Оно было мелкой смуглой средиземной расой, которая среди ранняго человѣчества была, повидимому, наиболѣе артистичной. Это мнѣніе можно признать правдоподобнымъ, если ввести большую поправку на смѣшеніе, которое должно было произойти вслѣдствіе долголѣтняго пребыванія на границахъ другой семьи. Вѣдь несомнѣнно, что цвѣтъ Ахейцевъ, по описанію Гомера, указываетъ на нѣкоторый иной, болѣе сѣверный, элементъ въ древнѣйшемъ изъ эллинскихъ переселеній. Во всякомъ случаѣ нелѣпо предполагать, что какія-либо изъ доисторическихъ цивилизацій разсматриваемой области Ближняго Востока, столь заманчивой въ глазахъ населенія пустынь, степей и лѣсовъ трехъ материковъ, даже въ неолитическое время сохранились еще въ чистомъ видѣ. Поскольку антропологъ, проникая въ глубь вѣковъ, могъ добыть матеріалы на одномъ только Критѣ, онъ принужденъ былъ имѣть дѣло съ такими разновидностями физическаго строенія, которыя при принятіи какой угодно классификаціи препятствовали ему доказывать чистоту расы.

Такова была культура области Дуная и Балканъ. Культура эта, каково бы ни было ея происхожденіе, должна была оказывать давленіе на переселенцевъ, проходившихъ черезъ ея область, даже въ томъ случаѣ, когда они не происходили изъ этой области. Замѣтимъ, что данныя, представляемыя неолитическими стоянками, энергично указываютъ на самостоятельныя зарожденія культуръ въ Эгейской и Дунайской областяхъ и на послѣдующія развитія по параллельнымъ направленіямъ, обусловленнымъ расовымъ родствомъ и видоизмѣненнымъ, можетъ быть, сношеніями. Культура области Дуная и Балканъ существовала тамъ за много вѣковъ до окончательнаго перехода переселенцевъ въ Эгейскую область.

Въ началѣ моихъ лекцій я намекалъ на чувство, которое до сихъ поръ питаютъ немногіе ревностные эллинисты, особенно въ Англіи и Германіи: именно, имъ кажется профанаціей производить эллинскую цивилизацію отъ другихъ цивилизацій, т. е. приписывать ей фактически земное происхожденіе. Это чувство не заслуживаетъ вниманія; вѣдь нѣтъ ничего болѣе дѣйствительно-эллинскаго, чѣмъ стараніе сдѣлать явленія понятными. А предполагаемый феноменъ внезапнаго и самопроизвольнаго развитія искусства въ дикой ордѣ, въ теченіе долгихъ вѣковъ двигавшейся къ западу черезъ пустыни центральной Азіи и степи Россіи, при первомъ соприкосновеніи ея съ нѣкоторой естественной побуждающей средой, и безудержнаго подъема этого искусства до самаго высокаго художественнаго выраженія, какое только видѣлъ міръ,—такой феноменъ непонятенъ и принадлежитъ къ числу чудесъ. Такого прогресса per saltum не бываетъ даже у избранныхъ расъ. Но со всей глубиной истинной перспективы возможно представить развитіе греческой цивилизаціи, если прослѣдить его въ прошломъ, съ одной стороны, до незапамятной культуры эгейскаго міра, а съ другой стороны, до сильной культуры Средней Европы. Мы не отнимаемъ у Эллиновъ ничего такого, что они сдѣлали своимъ, открывъ въ скульптурѣ и живописи доисторическаго Крита предчувствіе ихъ художественнаго духа. И мы не уменьшимъ значенія ихъ въ исторіи человѣческаго прогресса, если укажемъ, что ихъ соціальные и политическіе идеалы возникли въ той континентальной области, позднѣйшія племенныя и общинныя организаціи которой произвели столь сильное впечатлѣніе на Римлянъ при первомъ ихъ знакомствѣ съ германскими племенами.

